

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 19

Нижний Новгород

2012

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 19. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012. – 244 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, М.С. Ретунская, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина, В.М. Строгеецкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин, Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 19

Nizhny Novgorod

2012

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 19. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2012.
– 244 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Plisov (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, M. Retunskaya, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St-Petersburg), A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA),
D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany),
M. Ruep (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Р.А. Аюпова (*Казань*)

Совершенствование метаязыка двуязычной фразеогрaфии (на материале английского и русского языков) 11

Е.В. Дзюба (*Екатеринбург*)

О видах и структуре категорий 20

А.В. Кирилина (*Москва*)

Немецкое языковое пространство в начале XXI века 34

Е.А. Колядин (*Нижний Новгород*)

Особенности архитектоники текста раннеанглосаксонских сводов законов 45

А.О. Кузнецова (*Нижний Новгород*)

Индексация гендерных смыслов в наименованиях команд *алтимат фрисби* 54

А.М. Нехорошева (*Тамбов*)

Языковые средства реализации когнитивной матрицы «свой-чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) 61

Т.С. Николина (*Минск, Беларусь*)

Визуальные стратегии построения текстового пространства (на материале художественной прозы М. Пруста) 70

А.В. Синелева (*Нижний Новгород*)

Гендерная дифференциация понятийного значения термина «воля» по данным ассоциативного эксперимента 82

Н.П. Соловьева (*Нижний Новгород*)

Языковые идеологии усыновления в США и России 93

А.В. Соснин (*Нижний Новгород*)

К вопросу о возможности соотнесения когнитивного и семиотического моделирования фрагмента действительности в лингвистическом исследовании 101

Э.А. Хабибулина (<i>Тобольск – Нижний Новгород</i>) Структурные типы объектных цветообозначений в области моды (на материале немецкоязычных рекламных каталогов)	113
--	-----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

С.Н. Аверкина (<i>Нижний Новгород</i>) Мотив увядания в новелле Т. Манна «Обманутая»	121
--	-----

О.В. Ильина (<i>Магнитогорск</i>) Стихия демонизма в художественных мирах А.С. Пушкина и М.Ю.Лермонтова	128
---	-----

С.Б. Климова (<i>Нижний Новгород</i>) Образ России в современной английской литературе: точки притяжения и отталкивания	136
---	-----

К.Н. Мишина (<i>Нижний Новгород</i>) В. Франкль и идеи логотерапии и экзистенциального анализа в творчестве М. Грубер	148
---	-----

Л.Л. Хаджиева (<i>Грозный</i>) Фольклорная концепция и проблема национальной идентичности и диалога культур в творчестве Проспера Мериме	157
--	-----

S. Schwerter (<i>Paris, France</i>) Medbh McGuckian et Marina Tsvetaieva	170
--	-----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Л.В. Вилкова (<i>Нижний Новгород</i>) Системный характер оценки качества школьного иноязычного образования	186
--	-----

Д.Н. Толстова, К.В. Александров (<i>Нижний Новгород</i>) Роль акустического образа слова в формировании фонетических навыков посредством электронных учебников	194
--	-----

А.Н. Шамов (<i>Нижний Новгород</i>) Школьное лингвообразование в современных условиях	200
---	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.В. Ворохобов (<i>Нижний Новгород</i>) Традиционное христианство и характеристические особенности актуальной религиозности на Западе	210
--	-----

М.И. Кулемин (<i>Нижний Новгород</i>) Проблема российской государственности в творчестве К.П. Победоносцева	220
--	-----

О.Н. Сениюткина (<i>Нижний Новгород</i>), Ю.Н. Гусева (<i>Самара</i>) Методологические принципы и приемы исследования этноконфессиональных взаимодействий	229
---	-----

ХРОНИКА

К юбилею профессора А.Н. Шамова	239
---------------------------------------	-----

Международная научная конференция «Язык, культура и общество в современном мире»	241
---	-----

Русский язык: общение, творчество, толерантность	243
--	-----

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Roza Ayupova (<i>Kazan</i>) Enhancement of Metalanguage in Bidirectional Phraseography (English and Russian)	11
Elena Dzyuba (<i>Ekaterinburg</i>) On Types and Structure of Categories	20
Alla Kirilina (<i>Moscow</i>) The German Language Space at the Beginning of the 21st Century	34
Yevgueny Kolyadin (<i>Nizhny Novgorod</i>) Architectonic Peculiarities of the Early Anglo-Saxon Dooms	45
Alexandra Kuznetsova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Indexing Gender in Names of Ultimate Frisbee Teams	54
Alesya Nekhorosheva (<i>Tambov</i>) Language Means of Realizing the “Self-Other” Cognitive Matrix in the German Political Discourse (Angela Merkel’s Speeches) ...	61
Tatiana Nikolina (<i>Minsk, Belarus</i>) Visual Strategies of Building Textual Space (Marcel Proust’s Prose Fiction)	70
Anastasia Sineleva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Gender Differentiation of the Conceptual Meaning of the Term “Will”: Analyzing the Results of an Associative Experiment	82
Natalya Solovyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Language Ideologies of Adoption in the USA and Russia	93
Alexey Sosnin (<i>Nizhny Novgorod</i>) Cognitive vs. Semiotic Representation of the Real World in a Linguistic Study	101
Elvira Khabibulina (<i>Tobolsk – Nizhny Novgorod</i>) Structural Types of Object Color-Naming Units in Fashion (in German Advertising Catalogues)	113

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Svetlana Averkina** (*Nizhny Novgorod*)
The Motif of Withering in “The Deceived” by T. Mann 121
- Olga Ilyina** (*Magnitogorsk*)
The Demonic Element in A. Pushkin’s and M. Lermontov’s
Artistic Worlds 128
- Svetlana Klimova** (*Nizhny Novgorod*)
The Image of Russia in Contemporary British Literature: Points of
Attraction and Repulsion 136
- Ksenia Mishina** (*Nizhny Novgorod*)
Viktor Frankl and Ideas of Logotherapy and Existential Analysis
in the Work of Marianne Gruber 148
- Layla Hadzhieva** (*Grozny*)
Folklore and the Problem of National Identity and Cultural
Dialogue in the Work of Prosper Mérimée 157
- Stephanie Schwerter** (*Paris, France*)
Medbh McGuckian and Marina Tsvetaeva 170

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

- Ludmila Vilкова** (*Nizhny Novgorod*)
Systemic Quality Assessment in Secondary School Foreign
Language Teaching 186
- Dilyara Tolstova, Konstantin Aleksandrov** (*Nizhny Novgorod*)
The Role of the Acoustic Image of Words in Acquiring Phonetic
Skills through Electronic Books 194
- Alexander Shamov** (*Nizhny Novgorod*)
Language Education in Contemporary Secondary Schools 200

CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

Aleksander Vorokhobov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Traditional Christianity and Contemporary Religious Tendencies in the West	210
Mikhail Kulemin (<i>Nizhny Novgorod</i>) Konstantin P. Pobedonostsev on Russian Statehood	220
Olga Senjutkina (<i>Nizhny Novgorod</i>), Yulia Guseva (<i>Samara</i>) Methodological Principles and Techniques of Studying Ethno- Confessional Interactions	229

CHRONICLE

A Birthday Tribute to Professor A. N. Shamov	239
International Academic Conference “Language, Culture and Society in the Contemporary World”	241
The Russian Language: Communication, Creativity, Tolerance	243

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.111'374:811.161.1'374

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТАЯЗЫКА ДВУЯЗЫЧНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

(на материале английского и русского языков)

Р.А. Аюпова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Анализ лексикографических источников, в том числе и двуязычных фразеологических словарей, характеризуется двухуровневой структурой. Первый уровень – рассмотрение принципов макроструктурной организации лексикографических единиц. Второй – описание каждого элемента словарной статьи, способа презентации заглавной единицы.

Ключевые слова: метаязык, микроструктура, макроструктура, словарная статья, параметры фразеологического значения, информационная единица.

Enhancement of Metalanguage in Bidirectional Phraseography (English and Russian)

Roza Ayupova

The paper examines bilingual dictionaries of idioms, looking at two levels of their structure: the dictionaries' macrostructural organization and their individual entries and methods of head-phrase representation.

Key words: metalanguage, microstructure, macrostructure, dictionary entry, parameters of phraseological meaning, information unit.

Данная статья посвящена проблеме фразеографического описания языков. Цель настоящей статьи – анализ структуры информационной единицы, описывающей фразеологическую единицу (ФЕ) другого языка, поиск эквивалентной формулы для нее в словарных статьях двуязычных фразеологических словарей.

Материалом для исследования двуязычной англо-русской и русско-английской фразеографии послужили следующие словари: «Английские идиоматические выражения» (А.В. Кунин, 1934 г.), «Англо-русский фразеологический словарь» (А.В. Кунин, 1967 г.), «English-Russian Idiom Dictionary» (Alexander J. Vitek, 1973 г.), «Русские фразеологизмы в картинках» (М.И. Дубровин, 1977 г.), «Идиоматика современного английского языка» (А.И. Алехина,

1982 г.), «Американские идиомы: англо-русский лексико-фразеологический словарь» (Harold C. Whitford, Robert J. Dixon, 1994 г.), «Фразеологический русско-английский словарь» (В.В. Гуревич и Ж.А. Дозорец, 1995 г.), «Русско-английский фразеологический словарь» (С.И. Лубенская, 1997 г.), «Русско-английский фразеологический словарь» (Д.И. Квеселевич, 1998 г.), «Русско-английский фразеологический словарь» (Е.Ф. Арсентьева, 1999 г.), «Словарь современных английских идиом» (Т.Г. Соломник, 2003 г.), «Русско-английский словарь устойчивых сравнений» (Н.Л. Шадрин, 2003 г.), «Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь» (под ред. Е.Ф. Арсентьевой, 2008 г.).

Описание макроструктурных параметров строится на анализе данных словарей с разных точек зрения.

Во-первых, исследованию подвергается характер заглавных ФЕ, представленных в каждом словаре. С этой точки зрения, словарь может охватывать большой корпус фразеологизмов данного языка без разделения их на какие-либо группы. В словарях могут быть представлены фразеологизмы определенного лексико-грамматического характера, например: глагольные, субстантивные, адъективные ФЕ. Авторы словарей могут уделять особое внимание функциональному стилю единиц, по этому критерию можно выделить словари, включающие в свой состав ФЕ литературного стиля, разговорного стиля.

Во-вторых, изучаются способы организации заглавных единиц. Согласно этому критерию выделяются словари, в которых ФЕ располагаются в алфавитном порядке (по первому компоненту, по грамматически главному компоненту, по семантически главному компоненту) или по тематическим полям. Особое место в таких словарях занимает использование отсылочного метода.

В-третьих, описание макроструктурной организации словаря предполагает наличие алфавитного указателя в нем. Со второй половины 1980-х гг. обеспечение словарей подобными указателями становится лексикографической тенденцией.

Анализ макроструктурных параметров двуязычной фразеографии русского и английского языков свидетельствует о том, что в подобных словарях чаще используется алфавитный способ организации материала. Поскольку среди ФЕ имеются как двухкомпонентные, так и многокомпонентные единицы языка,

следует учитывать, что первый компонент может быть представлен или в виде вариантов, или как факультативный элемент. Тогда расположение ФЕ в словаре должно строиться по грамматически или по семантически главному компоненту. Существует также мнение о том, что выделение главного компонента в структуре ФЕ противоречит общеизвестному тезису о потере компонентами в составе фразеологизма словности. Следовательно, принцип выделения семантически или грамматически главного компонента можно считать не совсем верным. Несмотря на все существующие противоречия, накопленный опыт фразеографического описания показывает, что самым распространенным способом является расположение материала в алфавитном порядке по семантически или грамматически главному компоненту. Так, в ранее изданных двуязычных фразеологических словарях предпочтение отдавалось алфавитному расположению по первому компоненту, но начиная с 1980-х гг. в подавляющем большинстве словарей подобного типа наблюдается использование алфавитного способа расположения по грамматически или семантически ведущему компоненту.

Исследование микроструктурных параметров двуязычных фразеологических словарей сталкивается с проблемой толкования понятия «метаязык». По мнению ряда лингвистов, среди которых Ю.Н. Караулов, А.К. Дарбинян, метаязык – это все элементы словарной статьи (за исключением самих заглавных единиц) и способы макроструктурной организации словаря [1; 2].

В двуязычной фразеографии семантическая структура языковой единицы одного языка может только в очень редких случаях совпадать с семантической структурой языковой единицы другого языка. Согласно предложенному В.П. Берковым подходу к разбивке слова входного языка на значения «описание смысловой структуры слова не зависит от языка, с которым проводится сравнение, смысловая структура слова должна в идеале во всех двуязычных словарях быть одинаковой с данным входным языком и совпадать со смысловой структурой этого слова в толковом словаре» [3. С. 51].

Когда речь идет о семантической структуре ФЕ, которая гораздо сложнее, чем семантическая структура слова, необходимо тщательно следить за тем, чтобы на выходе информационная единица, передаваемая структурой словарной статьи, максимально совпадала с

информационной единицей словарной статьи, толкующей данную единицу в одноязычном фразеологическом словаре.

Исследование метаязыка любого словаря предполагает изучение основного элемента словарной статьи – дефиниции. Однако в данной работе рассматривается только общая структура словарной статьи без подробного исследования отдельных ее элементов.

В словаре А.В. Кунина «Английские идиоматические выражения» (1934 г.) большое количество статей состоит всего из двух элементов: леммы и дефиниции, т.е. толкование значения на языке перевода (ПДЗ). Причем в этом словаре лемма не представляет лексических и грамматических параметров заглавной единицы. Однако описание стилистических параметров встречается часто. В очень редких случаях приведены иллюстративные примеры (ИП), синонимы (парадигматические связи ФЕ – ПС) и этимологическая информация (ЭП). В основном информационную единицу словарей того периода можно выразить одной из следующих формул: ФЕ = ПДЗ, ФЕ = ПДЗ + ИП, ФЕ = ПДЗ + ПС или ФЕ = ПДЗ + СП. Например:

Down and out. Потерпевший крушение в жизни; разоренный; измученный, не могущий продолжать борьбу (in boxing) [4. С. 50].

In the know, to be. Colloq. Знать что-л. неизвестное другим; быть посвященным в тайну [4. С. 95].

Ни под каким видом UNDER NO CONDITIONS; NOT FOR ANYTHING; ON NO ACCOUNT; BY NO MEANS

Ни под каким видом не следует изолировать себя от окружающих [5. С. 25].

Микроструктура «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина (1967) отличается тщательностью семантизации заглавной единицы. Особенно это касается описания лексико-грамматических характеристик фразеологизмов: представлены почти все их варианты, факультативные компоненты и описания грамматических особенностей их употребления в контексте. Очень многие словарные статьи снабжены стилистическими пометами, описанием этимологических параметров, иллюстративные примеры присутствуют в структуре подавляющего большинства словарных статей с их переводами на русский язык (ПИП). Формула структуры словарной статьи в данном фразеографическом произведении А.В. Кунина может иметь следующие варианты: ФЕ = ЛП + ГП + ПДЗ

+ ИП + ПИП, ФЕ = ЛП + ГП + СП + ПДЗ + ИП + ПИП или ФЕ = ЛП + ГП + СП + ПДЗ + ИП + ПИП + ЭП. Например:

Have (или keep) an (или one's) eye on глаз не спускать, следить; внимательно просматривать, подмечать; охранять, смотреть в оба;

“And now, sir”, continued the doctor, “since I now know there’s such a fellow in my district, you may count I’ll have an eye upon you day and night (R. Stevenson, “Treasure Island” ch.I).

– А теперь, сэръ, – продолжал доктор, – я должен вас предупредить. Раз я узнал, что в моем участке завелся такой молодчик, то вы можете быть уверены, что я буду смотреть в оба [6. С. 298].

В некоторых словарях для выражения отдельных параметров заглавной ФЕ применяются цифровые и другие коды, которые создают дополнительные сложности при их расшифровке. Так, в словаре Александра Витека «English-Russian Idiom Dictionary» встречаются следующие обозначения:

29

Сил нет, \$ как < до чего’

Very; extremely; it’s beyond telling how much ---

Сил нет, до чего’ нра’вилась Бори’су Петро’вичу э’та --- де’вушка [5. С. 225].

В структуре статей словаря «Русские фразеологизмы в картинках» М.И. Дубровина (1977) лексические и грамматические характеристики заглавных единиц отсутствуют. Рисунки, передающие непереосмысленное значение ФЕ или иллюстрирующие внутреннюю форму единицы (ИВФ), можно считать третьим элементом словарной статьи, описывающим внутреннюю форму фразеологизма. Например:

122. *Держать язык за зубами* d’erzhat’ yazyk za zubami

Рисунок To hold one’s tongue behind one’s teeth. To keep silent, not to blab; to be cautious in what one says. (Cf. To hold one’s tongue; to keep one’s breath to cool one’s porridge) [7. С.79].

В словаре М.И. Дубровина, как это видно из приведенного примера, дается описание фонетических параметров (ФП) фразеологизма, что, безусловно, является важным при описании ФЕ в двуязычном словаре. Хотя для этой цели лучше было бы использовать транскрипционные значки. Следовательно, формула структуры

словарной статьи в данном словаре выражается следующим образом: ФЕ = ФП + ИВФ + ПДЗ.

В «Русско-английском фразеологическом словаре» С.И. Лубенской (1997) не наблюдается увеличения количества составляющих элементов структуры статьи. Она может быть выражена формулой ФЕ = ГП + ЛП + ПДЗ + ИП + ПИП + СП. Однако эти элементы претерпевают определенные качественные изменения в этом словаре. В первую очередь это касается грамматических параметров (они дают более детальное описание грамматических характеристик заглавных единиц) и иллюстративных примеров (они даются на языке-источнике и языке перевода).

Задавать / задать перцу кому highly coll [VP] 1. Also: **задавать / задать** <показывать / показать> **феферу** <пфеферу> obs, coll [subj: human] to reprimand s.o. harshly, take severe disciplinary measures: X задаст Y-у перцу ~ X will make it hot for Y; X will give it to Y good; X will show <fix> Y; X will give Y hell <what for>; X will chew Y out.

[Городничий:] ... Теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы (Гоголь 4). [Mayer] ... I'll show 'em, I'll show all those who fell over themselves to lodge complaints and denunciations against me (4c).

2. [subj: human or collect] to defeat s.o. overwhelmingly (usu. a military adversary): X-ы задали Y-ам перцу ~ Xs routed <crushed, clobbered> Ys; Xs ran Ys into the ground [8. С. 457].

Анализ структуры словарных статей фразеографических источников показывает, что ко второй половине 1990-х гг. информационная единица словарной статьи в двуязычных словарях стала релевантной для адекватного описания всех основных параметров заглавной ФЕ. Это стало возможным благодаря описанию все новых и новых параметров ФЕ. Последние примеры свидетельствуют о наличии разработанного метаязыка (в широком смысле) фразеологических словарей. Так, структура статей «Фразеологического русско-английского словаря» (1995 г.), авторами которого являются В.В. Гуревич и Ж.А. Дозорец, содержит почти все элементы, использующиеся в современной фразеографии для семантизации ФЕ, и может быть выражена следующей формулой: ФЕ = ГП + ЛП + ДЗ + ПДЗ + ИП + СП + ФП. Например:

Отбавлять • 23. чего-л.<у кого-л.> **хоть отбавляй** разг. 'Очень много, больше необходимого' Иногда подразумевается

желание избавиться от излишка, уменьшить количество чего-л. до нормы. В качестве доп. обычно употр. сущ. времени и т.п. и сущ., обознач. какие-л. черты характера человека. В последнем случае возможно ирон. или шутл. употр. Порядок компонентов фиксир. D smb has plenty of smth (has smth in plenty).

Он был свободен. Свободного времени у него оказалось хоть отбавляй. *Ф. Вигдорова, Любимая улица.* Самолюбия у Мамочкина было хоть отбавляй. *Э. Казакевич, Звезда.* Она хотела развязать спор, это было ее любимое занятие: несмотря на семьдесят шесть лет, воинственности в ней было хоть отбавляй. *Ф. Колунцев, Утро, день, вечер.* Дело шло успешно... а когда намечается успех... тут с донесениями не задерживаются. Тут их хоть отбавляй! *К. Симонов, Солдатами не рождаются.*

Ср.: конца не видно, сколько влезет, по горло *1 знач.*, с три короба, непчатый край, нет отбоя, хоть пруд пруди, полон рот [9. С. 457].

Как свидетельствуют результаты исследования, в самых ранних двуязычных словарях, в которых задействованы русский и английский языки, единица информации, семантизирующая заглавную ФЕ, могла иметь самую простую формулу: ФЕ = ПДЗ. По мере дальнейшей разработанности структуры словарной статьи она стала представлять описание все большего количества параметров заглавной единицы.

ФЕ = ПДЗ + ИП →

ФЕ = ФП + ПДЗ + ИП →

ФЕ = ПДЗ + СП →

ФЕ = ЛП + ГП + ПДЗ + ИП + ПИП →

ФЕ = ЛП + ГП + СП + ПДЗ + ИП + ПИП →

ФЕ = ЛП + ГП + СП + ПДЗ + ИП + ПИП + ЭП →

ФЕ = ЛП + ГП + СП + ДЗ + ПДЗ + ИП + ПИП + ЭП.

Следует также отметить, что даже в словарях самых последних лет в зависимости от их назначения и цели можно наблюдать применение словарных статей с упрощенной формулой, например:

Glad rags шутл. – выходное платье; лучший наряд [10. С. 164].

To give a good account of oneself – хорошо себя зарекомендовать [9. С. 7].

Попытка описания фонетических характеристик фразеологизма, предпринятая М.И. Дубровиным, к сожалению, не нашла поддержки у авторов других словарей. Это объясняется тем, что использование лишней системы знаков, в данном случае транскрипционных, порождает дополнительные технические проблемы при создании словаря. Тем не менее, фонетический параметр следует рассматривать как один из важных параметров для описания ФЕ в двуязычной фразеографии. Таким образом, наиболее полная структура словарной статьи, применяемая в современной фразеографии, может иметь следующую формулу: ФЕ = ЛП + ГП + ФП + СП + ДЗ + ПДЗ + ИП + ПИП + ЭП.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Либроком, 2009. 354 с.
2. Дарбинян А.К. Общая характеристика метаязыка толковых словарей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1988. 20 с.
3. Берков В.П. Двуязычная лексикография. М.: Астрель, 2004. 226 с.
4. Кунин А.В. Английские идиоматические выражения: Учебное пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Уч.-пед. издательство, 1934. 184 с.
5. Vitek A.I. Russian-English Idiom Dictionary. Detroit: Wayne State University Press, 1973. 327 p.
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 1264 с.
7. Дубровин М.И. Русские фразеологизмы в картинках. М.: Просвещение, 1977. 348 с.
8. Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. М.: Аист-Пресс, 2004. 1017 с.
9. Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Фразеологический русско-английский словарь. М.: ВЛАДОС, 1995. 583 с.
10. Соломник Т.Г. Словарь современных английских идиом. СПб.: Золотой век, 2003. 414 с.

Сведения об авторе

Аюпова Роза Алляметдиновна
доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных языков и культур
Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: rayupova@yahoo.com

УДК 81'1:159.955

О ВИДАХ И СТРУКТУРЕ КАТЕГОРИЙ

Е.В. Дзюба

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Статья посвящена теоретическому рассмотрению одного из аспектов проблемы соотношения языка и мышления человека – категоризации, под которой понимается процесс упорядочения и систематизации знаний под влиянием языка. В работе рассматривается сущность понятия категории, выявляются виды категорий в зависимости от их структурной организации, характеризуется специфика категорий в научной и наивной картинах мира.

Ключевые слова: категория, язык, мышление, картина мира.

On Types and Structure of Categories

Elena Dzyuba

The article provides theoretical analysis of categorizing as one of the aspects in the relationship between human language and thought, defining it as the process of ordering and systematizing knowledge under the influence of language. The author examines the essence of the concept “category,” identifies types of categories on the basis of their structural organization, and describes distinctive characteristics of categories in the universal scientific as opposed to culture and language-based “naïve” pictures of the world.

Key words: category, language, mentality, world view.

Ментальные процедуры получения, обработки, систематизации и знаковой репрезентации знаний изучались с древнейших времен: сначала в основном философами, в более поздние годы и до настоящего времени психологами и психолингвистами, социологами и социолингвистами, антропологами и этнолингвистами, когнитологами и прагмалингвистами и т.д. Когнитивная лингвистика сосредоточивает внимание на процессах познания мира человеком, систематизации знаний с помощью категорий языка, вербализации этих знаний и представлений. Важность изучения названных ментальных процедур в течение уже нескольких десятилетий подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С. Пинкер, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.В. Колесов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова,

З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.).

Процессы получения, обработки и систематизации знаний, помогающие человеку существовать и ориентироваться в упорядоченном силами своего сознания мире, принято называть категоризацией и концептуализацией. Под категоризацией понимается процесс упорядочения полученных знаний, то есть распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека, и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является. Концептуализация – это процесс определения набора когнитивных признаков (в том числе – и категориальных) какого-либо явления реального или воображаемого мира, которые позволяют человеку иметь, хранить в сознании и пополнять новой информацией сколько-нибудь очерченное понятие и представление об этом явлении и отличать его от других феноменов.

Российские ученые долгие годы изучали именно процессы концептуализации. В настоящее время известны сотни диссертационных и монографических работ, посвященных изучению универсальных, этноспецифичных и индивидуально-авторских концептов. Значительно меньше в отечественной лингвистике исследований, посвященных изучению механизмов категоризации и описанию самих категорий, формирующих, упорядочивающих человеческое знание под влиянием языка и сохраняющих это знание в категориях языка. Именно эти вопросы, вероятно, являются наиболее перспективными и требующими научного описания в настоящее время.

Определение сущности процесса категоризации, влияние особенностей человеческого сознания на формирование категорий – эти и некоторые другие вопросы на данном этапе развития науки вряд ли можно считать дискуссионными. Однако нельзя назвать полностью решенными следующие проблемы: о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографической практики и т.п.

Общеизвестно, что первый опыт научного размышления о категориях принадлежит Аристотелю. Как отмечают исследователи

(Р. Джакендофф, У. Лабов, Дж. Лакофф, Э. Рош и др.), созданная Аристотелем классическая теория категорий не выдерживает критики. Исследователи ссылаются на рассуждения Аристотеля о том, что четкие границы категории определяются совокупностью равноправных между собой составляющих – элементов категории, которым свойствен одинаковый набор характерных, типичных для категории признаков, позволяющих включать эти элементы в одну категорию. Эта классическая концепция была подвергнута сомнению Л. Витгенштейном, который указал на более сложную природу категорий [1]. Однако мысли Аристотеля о категориях требуют особого комментария, ведь в его рассуждениях все не так однозначно. Философ рассуждает о категории сущности и отмечает ее принципиальное отличие от других категорий. Эта особенность заключается в том, что, по словам Аристотеля, «сущность не допускает большей или меньшей степени» [2]. Мыслитель поясняет, что «если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей или меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей или меньшей степени белое, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое» [2].

Действительно, если категории сущности и имеют место быть, то их, вероятно, и следует называть категориями с четкими границами. Это категории, которые не допускают степени или меры, не допускают двойной интерпретации. Набор составляющих таких категорий строго определен наличием у каждого представителя категории совокупности наиболее важных, типичных признаков, при этом все члены данной категории будут действительно равноправными. Такими категориями, вероятно, оперируют главным образом теоретики: философы, логики, математики и др. Если речь заходит о практическом применении таких категорий, например, в юриспруденции, то их границы намеренно стараются очертить для справедливости оценки каждого встретившегося в практической жизни явления, подходящего под ту или иную категорию. В юридической практике строго разграничиваются понятия абстрактного и конкретного, но также четко устанавливается их взаимосвязь, ср.: «Конкретное в процессе юридической квалификации понимается как непосредственно данное, чувственно воспринимаемое

явление, конкретный жизненный случай, который сопоставляется с абстрактным. Норма права, в силу своей абстрактности, не может содержать массу разнообразных признаков, которыми обладают конкретные жизненные обстоятельства, она лишь содержит некие общие понятия. Норма права не должна содержать каких-либо случайных признаков, она должна выделять такие из них, которые раскрывают сущность квалифицируемого явления. Образование общих, абстрактных понятий углубляет познание объективной действительности, позволяет осмыслить наиболее существенные связи и закономерности природы общественной жизни. Общее реально существует, но не само по себе, не самостоятельно, а в конкретных единичных явлениях. Закрепленные в правовой норме абстрактные юридические факты могут встретиться в реальной действительности не сами по себе, в реальной жизни мы сталкиваемся с жизненными фактами, которые содержат в себе признаки того или иного юридического факта, закрепленного в правовой норме» [З. С. 36-37].

Таким образом, категории с четкими границами, предполагающие равноправие всех своих членов, все-таки существуют, без них нельзя было бы говорить о существовании науки вообще. Но нельзя отрицать и того, что, погружаясь в реальную жизнь, эти абстрактные категории начинают расшатываться. Например, мнение Аристотеля о сущности человека и его утверждение, что человек не может быть человеком в большей или меньшей степени, верно с биологической точки зрения или с позиции демократического равноправия, но, к сожалению, в практической жизни это не всегда так. Например, раб в древнем мире считался вещью, а не человеком; женщина в восточной культуре имеет более низкий статус, чем мужчина; в обществе с жестким классовым расслоением было нормой разделять людей «с голубой кровью» – дворян и обычных людей – простолюдинов; для гражданина любой страны соотечественник всегда более уважаем, чем мигрант. Вероятно, даже определение сущностных категорий зависит от общей модели мировидения: в рамках одной модели (например, научной картины мира) человек – это категория с четкими границами, и в этой категории все члены равноправны; но в «наивном» сознании под воздействием разных идей складываются разные модели мировидения. Следовательно, даже категории с четкими границами

могут варьироваться в зависимости от модели мира: в рамках научной картины мира структура категории может быть упорядоченной, а все ее члены равноправными; в наивной картине мира структура категории может меняться: одни члены категории выходят на первый план и становятся типичными образцами категории, другие выходят на задний план и могут вообще не сразу осознаваться как члены данной категории.

В размышлениях Аристотеля следует также обратить внимание на описание категории качества. Мыслитель разделяет качества, допускающие большую или меньшую степень, и качества, этого не допускающие. Так, например, «об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое, и об одном справедливом – что оно более справедливо или менее справедливо, чем другое... Между тем треугольное или четырехугольное, как и всякая другая фигура, не допускает, видимо, большую степень» [2].

Иными словами, категории по своей структуре делятся на два вида: с четкими границами (категории, в которых все члены равноправны, так как они обладают одинаковым набором признаков, актуальных для данной категории) и с нечеткими (размытыми) границами, члены которых неравноправны. При этом категории с четкими границами могут допускать противоположности и располагаться на полюсах как оппозиции (*законно – незаконно, мужчина – женщина, жизнь – смерть*), но существуют также категории с четкими границами, в составе которых все члены также равноправны, но они не допускают противоположности (ср. понятия: *треугольный, четырехугольный*) и т.д.

При определении категорий с нечеткими (размытыми) границами следует остановиться на рассуждениях Л. Витгенштейна о так называемом «фамильном сходстве» членов категории. Философ настаивает на отсутствии равноправия элементов, входящих в ту или иную категорию: «Вместо того чтобы выявлять то общее, что свойственно всему называемому языком, я говорю: во всех этих явлениях нет какой-то одной общей черты, из-за которой мы применяли к ним всем одинаковое слово. Но они родственны друг другу многообразными способами» [1]. В качестве иллюстрации Л. Витгенштейн приводит пример с категорией игры, ср.: «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем играми. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т.д. Что

общего у них всех? Присмотрись, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. Присмотрись, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты исчезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохранится, но многое и исчезнет. Все ли они развлекательны? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики... И так мы могли бы перебрать многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними» [1]. Философ приходит к выводу, что члены категории не являются абсолютно равноправными и тождественными по набору характеризующих их как единицы категории признаков; автор этих философских размышлений говорит о сложной сети подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом. Такие подобия, переплетения признаков членов одной категории Л. Витгенштейн называет «семейными сходствами» и указывает, что «так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.п.» [1].

Вопрос о соотношении категорий с четкими и нечеткими границами автор «Философских исследований» решает исключительно в пользу намерений человека, осмысляющего те или иные категории, ср.: «...я могу придать, например, понятию числа строгие границы, то есть использовать слово *число* для обозначения строго ограниченного понятия. Однако я могу пользоваться им и таким образом, что объем понятия не будет заключен в какие-то границы. Именно так мы и употребляем слово *игра*. Ибо как ограничить понятие игры? Что еще остается игрой, а что перестает ею быть? Можно ли здесь указать четкие границы? Нет. Ты можешь провести какую-то границу, поскольку она еще не проведена... Можно сказать, что понятие игры – понятие с расплывчатыми границами» [1]. Тем не менее, нельзя утверждать, что любая категория может осмыслиться человеком как категория с четкими и нечеткими границами. Есть основания полагать, что существуют категории, рамки которых объективно заданы: с какой точки зрения мы не взглянем на треугольник, даже если предположить переносные,

метафорические значения (например, *любви́нный треу́гольник*), главный признак категории – наличие трех компонентов – будет строго ограничивать список претендентов на членство в данной категории.

Существенный вклад в развитие идей о категоризации внесла американский психолог Элеонора Рош, автор знаменитой «теории прототипов». Значение исследований Э.Рош подчеркивает другой американский ученый Дж. Лакофф, ср.: «Э.Рош сосредоточила внимание на двух следствиях классической теории. Во-первых, если категория определяется только теми свойствами, которыми обладают все ее члены, то не должно быть таких ситуаций, когда один из ее членов в большей степени соответствует представлению об этой категории, чем другие. Во-вторых, если категории определяются только теми свойствами, которые внутренне присущи ее членам, то сами категории должны быть независимы от особенностей строения тех существ, которые осуществляют категоризацию». Исследования Э. Рош и ее коллег, как поясняет Дж. Лакофф, «демонстрируют, что в общем случае категориям свойственно иметь наилучших представителей (они названы прототипами) и что все перечисленные способности человека реально участвуют в процессах категоризации» [4].

Доказательством наличия прототипических эффектов даже в рамках категорий с четкими границами является часто приводимый исследователями пример с категорией числа (см. об этом работы А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа, Т.Г. Скребцовой и др.). При абстрактном понимании категории числа все ее составляющие (то есть все числа) объективно равноправны и одинаково способны представлять данную категорию, но при экспериментальных опросах большинство русскоязычных людей называют в первую очередь числа 3 и 7. Речь здесь действительно идет о разнице в осмыслении строго теоретических, научных понятий – с одной стороны, и практически, жизненно применимых фактах, – с другой стороны. Так, например, в речевом обиходе под влиянием сложившейся в сознании человека картины мира, его фоновых знаний, культурных традиций и т.д. некоторые числа воспринимаются более типичными представителями категории числа. Для русского человека 3 и 7 – знаковые числа, что объясняется влиянием фольклорной или религиозной традиции, жизненным опытом и т.п. (ср. символику

числа 3 в русских сказках; устойчивые выражения *Бог троицу любит, Семь раз отмерь – один отрежь, Семеро одного не ждут, Семь пятниц на неделе* и др.). Такая речевая практика объясняет тот факт, что в обыденном сознании разные числа являются неравноправными членами одной категории. Структура категории числа в обыденном сознании, безусловно, этноспецифична. Если бы подобные эксперименты проводились среди китайцев, то они обязательно бы назвали 8, так как в их представлении это счастливое число, которое приносит удачу.

Следовательно, если речь идет о сугубо теоретических рассуждениях, обобщениях (о научной картине мира), то говорить о категориях с четкими границами и равноправии всех членов категории можно и даже нужно, но если речь идет о конкретном человеческом сознании, о носителе того или иного национального языка, то целесообразно говорить о категориях с нечеткими границами. Это подобно разграничению понятий *инвариант* и *вариант*, язык и речь в «сосюрловском» понимании. Язык как абстрактная система инвариантен, но как только единицы языка начинают функционировать в речи – особенно в разговорной или художественной, – то многое начинает меняться: появляются разные варианты одной языковой единицы, слова обрастают новыми метафорическими значениями, часто не закрепленными в языке. При этом как без языка не существует речи, так и в отношении категорий: без образца, инварианта (четко ограниченных категорий) существование вариантных форм (категорий с размытыми границами) невозможно. Это также подтверждает мысль о том, что категории не могут формироваться без участия человеческого сознания, ср. высказывание Дж. Лакоффа: «...присущая человеку ментальная процедура категоризации в существеннейшей степени опирается на человеческий опыт и воображение – на особенности восприятия, моторной активности и культуры, с одной стороны, и свойства метафоры, метонимии и ментальной образности – с другой. Как следствие этого человеческое мышление в решающей степени зависит от тех же факторов и не может характеризоваться просто в терминах манипулирования абстрактными символами» [4].

Обобщая исследования предшественников и продолжая их рассуждения, Дж. Лакофф выдвигает некоторые фундаментальные положения, на которых базируется теория категоризации.

Исследователь признает идею Л. Витгенштейна о наличии не общего набора устойчивых признаков, но лишь «семейного сходства» у представителей одной категории (ср.: «Члены категории могут быть связаны между собой, при том, что у них нет общего свойства, определяющего категорию»); поддерживает идею Э.Рош о том, что «среди членов категории могут оказаться и более, и менее удачные примеры этой категории; придерживается мнения, что «по крайней мере, некоторые категории не имеют четких границ и принадлежность к ним выражается не абсолютно, а градуально»; настаивает, что «свойства некоторых категорий представляют собой отражение сущности биологических способностей человека и опыта его функционирования в материальном и социальном окружении»; подчеркивает, что специфика процесса категоризации зависит от когнитивной модели, а концептуальные признаки того или иного феномена «не осознаются интеллектуально, а используются автоматически, бессознательно и без заметных усилий, воспринимаясь просто как часть нормальной жизнедеятельности человека»; рассматривает структуру категории как иерархическую – «от более общих к более частным», при этом указывает, вслед за Э. Рош, что «базовые категории сосредоточены в середине иерархии «от общего к частному», обобщение идет вверх от базового уровня, а спецификация – вниз» [4].

Решая спор между классической теорией категорий Аристотеля и «прототипической» теорией, Анна Вежбицка настаивает на необходимости не противопоставления двух концепций, но их синтеза, ср. «В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть и место для инвариантов, одно не исключает другого» [5. С. 201]. Исследователь подчеркивает, что идеализированные когнитивные модели, которые предполагают наличие категорий с четкими границами, погружаясь в реальный мир, помещаясь в контекст остального человеческого знания о мире, «приобретают размытость, источником которой является не сама модель, но несоответствие исходных посылок, лежащих в основе модели, нашему знанию о мире» [5. С. 201]. В доказательство этого положения А. Вежбицка приводит пример с понятием *холостяк* и указывает, что модель *холостяк – неженатый взрослый мужчина* не работает в случае, если речь идет, например, о Тарзане или Папе Римском. По мысли А. Вежбицкой, достаточно изменить основание

для формирования категории, дополнить его другими признаками, чтобы модель заработала, ср.: «...почему бы нам, к примеру, не заменить модель на такую дефиницию: *холостяк – неженатый мужчина, который мыслится как такой, который мог бы вступить в брак?* Исследователь делает вывод, что «обсуждение «необходимых и достаточных признаков» обычно зацикливается на материальных признаках и не принимает во внимание нематериальные. Между тем концепты естественного языка нередко представляют собой сплав компонентов обоого рода. Для холостяка считаться способным вступить в брак так же необходимо, как быть мужского пола и неженатым» [5. С. 204]. А. Вежбицка указывает, что категории с четкими границами все-таки существуют, главное – точно сформулировать такие признаки, которые стали бы достаточным основанием для выделения данной категории и включения того или иного члена в ее границы. При этом необходимо учитывать и материальные, и нематериальные (идеальные) признаки.

Именно с учетом материальных и нематериальных признаков необходимо разграничивать четкие и размытые категории. А. Вежбицка справедливо указывает на ошибку психологов и лингвистов рассматривать явления разных логических порядков как явления одного категориального ряда. В работах предшественников действительно *птица* и *мебель* рассматриваются как категориальные слова одного и того же типа. А. Вежбицка возражает: «Имеются, однако, ясные грамматические (а также семантические) свидетельства того, что эти два слова воплощают совершенно разные типы понятий. Птица – таксономическое понятие, соотносимое с определенным «типом живых существ». Но мебель – никоим образом не таксономическое понятие: это собирательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов. Нельзя сказать «три мебели», но можно – «три птицы»; нельзя представить себе или изобразить экземпляр мебели вообще, но можно изобразить птицу вообще. Для птиц можно провести границу между птицами и не-птицами (летучие мыши относятся к последним). Для мебели нельзя провести границу между объектами, входящими в эту суперкатеорию, и объектами, не относящимися к ней. Понятие *мебель* с полным основанием может быть названо «размытым» – равно как и другие понятия, соотносимые с собирательными

существительными, обозначающими разнородные совокупности объектов (кухонная утварь, посуда, одежда и т. д.)» [5. С. 215].

Вероятно, понятия, обозначающие вещественные, конкретные и счетные предметы, действительно могут иметь четкие границы, хотя в структуре данных категорий можно выявить прототипические эффекты (то есть выделить наиболее типичные и наименее типичные образцы категории); понятия, обозначающие исключительно ментальные, идеальные сущности, а также собирательные представляют категории с размытыми границами, так как объективно существующего референта таких сущностей в мире вещей нет. На формирование человеческого сознания влияют многочисленные индивидуальные факторы – жизненный опыт, процессы воображения и т.д., поэтому границы категорий у разных людей (у носителей разных языков, представителей разных культур) не совпадают. Так, например, что такое *гриб* как явление реального мира все люди представляют примерно одинаково, но категориально в их сознании это понятие осмысливается по-разному: в наивной картине мира русских гриб – это растение, у англичан – овощ, а с точки зрения науки – это вообще отдельный вид живых существ. Таким образом, еще одной задачей современной когнитологии является описание собственно идеальных категорий, члены которых не имеют референции в вещественном мире. В настоящее время существует незначительное число работ, посвященных анализу собственно идеальных категорий, и те, к сожалению, в основном зарубежные.

Парадоксально также то, что само положение о разных границах категорий у носителей разных языков подтверждает мысль о том, что ментальные категории – это категории с нечеткими, размытыми границами, но человеческое сознание пытается провести границы категорий для приобретения неких образцов, которые помогают человеку упорядочивать мир и в нем ориентироваться. А. Вежбицка утверждает, что намеренное очерчивание границ категорий позволит обеспечить теоретическую базу для лексикографии (ср.: «...не только многочисленным философам и психологам, но и целому поколению лексикографов не удалось составить из дискретных компонентов приемлемых толкований обыденных понятий. Но лексикографии всегда недоставало теоретической базы. Теоретическая семантика расцветала в эмпирическом вакууме, а лексикографы бились над своими «практическими» задачами, не имея достаточных

теоретических основ. Учитывая отсутствие помощи со стороны семантической теории, приходится удивляться достижениям лексикографов, а не их неудачам. Эра серьезных лексикографических исследований, базирующихся на строгих теоретических основаниях, только начинается. Успех этих исследований в какой-то мере будет зависеть от их способности усвоить и развить сделанные психологами и философами наблюдения относительно роли прототипов в человеческом мышлении. Однако в первую очередь он будет зависеть от согласованных усилий по установлению основного фонда человеческих понятий – универсальных семантических примитивов, – из которых строятся сложные понятия» [5. С. 230]). При этом А. Вежбицка не отрицает значение теории прототипов, но подчеркивает, что «прототипы не могут «спасти нас» от строгого лексикографического исследования, но они могут помочь нам построить лучшие, более глубокие определения, ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке» [5. С. 230].

В результате представленного рассуждения необходимо представить некоторые теоретические положения.

1. Одним из важных аспектов изучения мышления (сознания) человека является вопрос влияния языка на процесс категоризации и отражение знания о мире в категориях языка.

2. В формировании категорий участвует человеческое сознание, способное, отделив общее от частного, главное от второстепенного, намеренно очертить границы категорий, что необходимо в первую очередь в сфере теоретических наук, но также и в практических областях, например, в вопросах юридической квалификации.

3. Категории подразделяются на две группы. Категории с четкими границами – это такие категории, члены которых равноправны; эти члены характеризуются набором стандартных признаков, определяющих категорию (например, *треугольный*, *четырёхугольный* и т.п.). Категории с нечеткими (размытыми) границами – это такие категории, члены которых не являются равноправными, а распределяются в рамках категории как наиболее или наименее типичные ее представители (например, категория ума: *кто-то более умный, чем другой*); эти члены объединяет не стандартный набор существенных для каждого из них признаков, их объединяет «фамильное сходство».

4. Категории с четкими границами могут допускать противоположности и располагаться на полюсах как оппозиции (*законно – незаконно, мужчина – женщина, жизнь – смерть*), но существуют также категории с четкими границами, в составе которых все члены также равноправны, но они не допускают противоположности (ср. понятия: *треугольный, четырехугольный*) и т.д.

5. Категории с нечеткими (размытыми) границами, как правило, градуированы, их члены могут располагаться на шкале (ср.: *мудрейший – мудрый – умнейший – умный – разумный – рассудительный – здравомыслящий – неразумный – глупый – дурак – тупой – бестолочь – debil* и под.).

6. Категории с четкими границами часто существуют как продукт сознательной, умственной деятельности человека, это категории научной картины мира (например, категория числа как математическое понятие). Категории с нечеткими границами, как правило, бытуют в наивной картине мира, их структура зависит от субъективных факторов – от национально-культурных традиций народа-носителя того или иного языка, от житейского и социального опыта конкретного человека и т.д. (например, числа 3 и 7 в русской лингвокультуре более типичны для категории числа, чем другие члены данной категории; число 8 более типично для представителей китайской культуры).

7. Категории, имеющие денотативное соответствие в мире вещей, активно рассматривались исследователями (особенно зарубежными); категории абстрактные в настоящее время все еще нуждаются в подробном и разностороннем научном описании.

Библиографический список

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Электронный ресурс Интернет: http://krotov.info/-lib_sec/03_v/vit/genshtey2.htm
2. Аристотель. Категории // Электронный ресурс Интернет: <http://philosophy.ru/library/aristotle/-kat/kategorii.html>
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2007. 304 с.
4. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind // Электронный ресурс Интернет: <http://www.metodolog.ru/01480/01480.html>
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Сведения об авторе

Дзюба Елена Вячеславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры риторики и
межкультурной коммуникации
Уральского государственного
педагогического университета
E-mail: elenacz@mail.ru

УДК 81=112.2 и 81'27

НЕМЕЦКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

А.В. Кирилина

Московский институт лингвистики, Москва

В статье характеризуются демографические изменения в составе населения Германии, связанные с миграцией, и обсуждается их воздействие на развитие немецкого языка. Рассмотрены наиболее масштабные языковые контакты, а также некоторые новые черты глобализационной философии языка и осмысления немецкого языка как достояния не только немцев, но и мигрантов.

Ключевые слова: социолингвистика, язык и глобализация, германские языки, языковые контакты.

The German Language Space at the Beginning of the 21st Century **Alla Kirilina**

The article highlights demographic changes in Germany and the impact of migration on the development of modern German. It analyses the most salient language contacts as well as some new features of globalization-centered language philosophy and conceptualization of German as the heritage of the Germans as well as the migrants.

Key words: sociolinguistics, language and globalization, Germanic languages, language contacts.

Миграционный фактор – одно из центральных явлений современной жизни Германии, о чем свидетельствуют, например, данные германского статистического портала <http://www.statistik-portal.de>. Массовое привлечение иностранных рабочих в страну началось в 50-х годах XX века и было несколько ограничено в начале 70-х ужесточением иммиграционного законодательства. За это время в Германию переселилось несколько миллионов рабочих из других стран, главным образом – из Турции. В последующие годы рост числа переселенцев из других стран продолжался. До объединения Германии пиковым был 1982 г., когда число иностранцев составило 4,7 млн (7,6% населения страны). После объединения – 1992 г., когда в Германии жило 6,5 млн зарегистрированных иностранцев (8% населения) [1. С. 213]. В настоящее время эта тенденция также

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (Мероприятие 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров»).

выражена ярко, хотя в 2005 г. вновь подверглось коррекции иммиграционное законодательство.

В конце 2009 г. население Германии насчитывало 81 802 257 жителей, в том числе 7 130 919 иностранцев (8,7%), а на конец 2011 г. доля иностранцев составляла уже 8,8%. Немецкое же население страны постоянно убывало: в 2010 г. и 2011 г. ежемесячное количество умерших превышало количество родившихся.

Данные статистики позволяют заключить, что иностранная миграция – важный фактор восполнения естественной убыли населения, даже если не все мигранты остаются на постоянное жительство.

Как отмечает Л.Б. Карачурина, «основная масса мигрантов, переселяющихся в Германию на постоянное место жительство, предпочитает оседать в городах (желательно западных земель)» [2]. Удельный вес иностранного населения в крупных городах значительно выше, чем в целом по стране: Франкфурт-на-Майне – 28%, Штутгарт – 24%, Мюнхен – 23%, Кёльн – 19%, Гамбург – 15%, Берлин – 13%. В отдельных городских районах доля мигрантов в 2007 г. достигала 60% (http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit08.php_FNR_9). Еще более драматичную картину рисует Тило Сарацин в 2010 г. [3]. Однако книга этого автора была воспринята в Германии как ненаучная, а автор подвергся политическим гонениям.

Л.Б. Карачурина, ссылаясь на труды исследовательской группы фрайбургского университета (руководитель Д. Нойтац), указывает, что локализация этнических групп «в некоторых случаях приводит к возникновению т.н. «параллельных обществ» со своими системами норм и ценностей» [2]. Такое же мнение ранее высказали С. Барбур и П. Стевенсон [1]. Столь высокая численность мигрантов и их сосредоточенность в крупных городах влияет и на функционирование немецкого языка, и на языковые контакты. Со второй половины XX века в немецком языковом пространстве зарегистрированы новые явления, связанные с массовой миграцией. С 50-х гг. XX века начался приток мигрантов из Турции, несколько позднее – с конца 80-х – начала 90-х гг. – этнических немцев и евреев из СССР – с 1990 года в Германию переселилось на постоянное жительство примерно 200 тысяч евреев из бывшего СССР и Восточной Европы [4; 5]. По данным П. Поляна, «из лиц, приехавших в Германию по линии еврейской эмиграции, собственно евреями по национальности

являются 59%, 25% – это русские и еще 12% украинцы» [6]. Мигрировали также русские и лица других национальностей, представленных в бывшем СССР. Помимо этих, наиболее представительных, миграционных потоков, в Германию въехали ранее и продолжают въезжать представители других стран – бывшей Югославии, Италии, Вьетнама и др.

Вследствие значительного количества турецких мигрантов и переселенцев из СССР / России явственные языковые контакты происходят по линии турецкий – немецкий и русский – немецкий.

Многие мигранты живут компактно, придерживаются своего вероисповедания (главным образом – мусульманские общины) и слабо интегрируются. Особенно это касается турецкого населения, хотя в последние годы ситуация несколько изменилась. Специфика аккультурации и труда (а также высокая доля иноконфессиональных иммигрантов и иммигрантов, живущих на социальное пособие и, следовательно, слабо вовлеченных в трудовой процесс), с одной стороны, и глобализационное распространение английского языка – с другой, привели к своеобразным формам языковых контактов и двуязычия*.

С одной стороны, можно говорить о полном немецко-английском двуязычии немцев, относящихся к академической среде или политиков, которые получили хорошее образование и свободно владеют двумя языками[†] – эти социальные группы растут, поскольку система образования также способствует раннему усвоению английского языка. При этом не критическое отношение к английскому языку, а также его высокий престиж ведут, по мнению ряда исследователей и большого числа граждан Германии, к засилью англицизмов и языковому смешению, ярким примером чего можно назвать *Denglish* (подробнее см., например, сайт www.vds-ev.de). Сегодня в Германии существует и зона двуязычия «немецкий – английский», связанная с экспансией английского языка и глобализацией.

* При обсуждении вопроса мы пользуемся следующим определением: «Двуязычие и многоязычие, как следует из буквального прочтения значения терминов, - это наличие и функционирование в пределах одного общества (обычно – государства) двух или нескольких языков» [7. С. 56].

[†] Однако, даже в этих кругах владение английским не столь идеально (Ammon, 1990, 2004).

С другой стороны, массовый въезд иностранных рабочих и лиц, со статусом беженца в значительной мере самостоятельное и «усеченное» усвоение ими немецкого языка, а также неполная интеграция таких мигрантов и их детей привели к пиджинизации другого рода – образованию так называемого немецкого языка гастарбайтеров, имеющего типичные черты пиджина: упрощение грамматики, черты смешения вследствие интерференции и в целом «фрагментарное» владение языком на уровне умения хотя бы приблизительно выразить основные жизненные потребности и базовые социальные связи.

Немецкий язык гастарбайтеров (*Gastrarbeiterdeutsch*) впервые упомянут в труде М. Клайна [8] и исследуется с конца 70-х гг. по нескольким направлениям: специфика кода (по сравнению с нормированным немецким); специфика усвоения (интерес к социолингвистическим факторам, ведущим к образованию пиджинизированного варианта языка); исследование интерактивных коммуникативных процессов между иностранными рабочими и немцами [9].

Исследование этого языкового варианта принесло важные данные о развитии языковых контактов. Языковой контакт крайне редко остается без последствий. Он влечет за собой четыре явления: переключение кода; лексические заимствования; неполное усвоение второго языка; интерференцию [10].

Неравномерное расселение иностранных работников по территории Германии обусловило также появление в их речи черт некоторых территориальных диалектов. К. Зорниг [11] отмечает следующие проявления утраты языка: утрата тщательности ведения диалога, утрата способности порождать тексты, утрата разнообразия текстов (отказ от некоторых типов текста), утрата коннотативного семантико-лексического навыка говорения. К последнему пункту относятся и правила лексической и синтаксической сочетаемости, распад которых отмечают и другие лингвисты (Никипорец-Такигава, 2009).

Поскольку термины *Gastarbeiterdeutsch* и позднее *Gastarbeiterlinguistik* воспринимались многими как неполиткорректные, в дальнейшем эта область языкознания получила название *Migrationslinguistik* – лингвистика миграции. Сегодня это одна из составляющих деятельности Института немецкого языка в

Мангейме, где, в частности, исследуется немецкий переселенцев из России. Примечательно, что, несмотря на различие стран происхождения немецкий язык гастарбайтеров обнаруживает значительное единообразие [1. С. 216].

Отмечается также, что носители немецкого языка в разговоре с иностранцами нередко используют специальную упрощенную речь, напоминающую речь гастарбайтеров – так называемый *Foreigner Talk*, что также способствует ограниченному усвоению языка мигрантами. Например:

Komm, photo machen (= röntgen)
Ich heute vie kaput
Gestern du immer schnaps trinke, ja?
Vater Kapitalist? [1. С. 222]

В языке гастарбайтеров, по аналогии с типологией Бернштейна, различают рестриктивное (ограниченное) и элаборативное (разработанное) упрощение. При рестриктивном происходит радикальная редукция практически всех грамматических категорий – времени, лица и числа для глаголов; падежа, рода, числа для имен существительных и т.д.). Разработанное же упрощение состоит в расширении редуцированных категорий без усложнения языковых правил – например, через расширение словаря и усвоение новых глаголов при застывшей фиксации на слабом типе спряжения.

В последние десятилетия, однако, когда выросло новое поколение детей мигрантов, имеющее школьное образование на немецком языке, и когда вновь прибывшие (молодые) немецкие переселенцы получали институционально закрепленную возможность изучать язык, смешение языков стало выполнять иную функцию – выражение идентичности. Смешанный язык выбирается сознательно для конструирования групповой идентичности, в которую входит и этничность.

В научной литературе существуют и более радикальные точки зрения на языковые контакты, смешение языков и его социальные причины. По мнению Б. Хюпауфа, «Возникающая немецко-турецкая литература может быть прочитана как убедительный пример текучего трудноопределяемого отношения между глобализацией как ментальной и эмоциональной моделью и глобализацией как жизненным опытом» [12. С. 18]. В подобной интерпретации

глобализация – это не только тенденция политической и социальной реальности настоящего времени, но также и ментальная модель [13].

Дискуссии о глобализации, в которых речь идет лишь об американизации и гомогенизации, не учитывают реальной сложности и многогранности культурного развития на местах. Они затушевают культурную и языковую гетерогенность. Чтобы в полной мере понять ситуацию немецкого языка, надо рассматривать глобализацию как процесс транснационального взаимодействия. Миграция как транснациональный феномен создала условия для возникновения новых форм немецкого языка, что можно трактовать как локализацию глобального.

Эту идею в той или иной мере разделяют многие исследователи, рассматривая как яркий пример новой глобализационной транснациональности книги немецко-турецкого автора Феридуна Заимоглу (Feridun Zaimoglu, 1995) и особенно его текст «Kanak Sprak»^{*}.

На взгляд Я. Ылдыз [14], книга Ф. Займоглу «*Kanak Sprak: 24 Mißtöne vom Rande der Gesellschaft*» демонстрирует, как изначально транснациональная эстетика создает новое представление о немецком языке. Книга содержит резкую социальную и культурную критику германского общества; она состоит из серии монологов, произносимых молодыми людьми турецкого происхождения, живущими в Германии и занимающими маргинальные, а часто и асоциальные позиции – транссексуал, сборщик мусора, исламский фундаменталист и даже наркоторговец. Наиболее яркая черта монологов – язык насилия, obscenity, «грязных» метафор и сленга; язык выражено устный. Книга не документирует социолект, а скорее создает искусственный язык, который в этой форме существует как литературное изобретение.

Я. Ылдыз интерпретирует этот новый гибридный язык как знак растущего чувства различия и объясняет его восприятием мигранта. Изобретение нового языка – это момент создания новой реальности в период миграционных потоков и дестабилизированных идентичностей. Транснациональная идентичность не испытывает страха утраты языка и свободна в лингвокреативном эксперименте,

^{*} В переводе это название может звучать как «Язык чурок».

так как не имеет представления о норме да и не желает «подстраиваться».

При всей нелитературности и провокационности языка *Kanak Sprak* личность, выражающая себя в этом агрессивном языке, «сконструирована в новом идиоме способном “приютить” нестабильные идентичности до достижения равенства» [12. С. 18]. Писатели национальных меньшинств обратились к немецкому языку и пишут на нем, выражая критику эксклюзивной природы нации как «воображаемого сообщества» (известное определение Бенедикта Андерсона). Творчество таких писателей не просто относится к маргинальным слоям, а создает новые образы. *Kanak Sprak* – важная часть такого нового образа [14. С. 326]. В нем часто используются диалектальные составляющие, например, северогерманские слова и выражения. Это подтверждает, что локальная аффилиация не редка для меньшинств по всей планете и, как предполагает Я. Ылдыз, составляет альтернативу национальной принадлежности.

Стратегия писателя не подчиняется клише *Gastarbeiterdeutsch* или турецкому сленгу. Оба эти варианта ассоциируются с упрощенной и неправильной грамматикой и с импортом иностранных слов. *Kanak Sprak* скорее относится не к одному из двух национальных языков, доступных немецкой турецкой молодежи, – стандартному немецкому или турецкому, – а маркирует появление иного способа выражения. Автор пользуется словами и выражениями, которых нет ни в одном из двух языков. С другой стороны, в *Kanak Sprak* явственно прослеживаются следы американского рэпа, что представляет собой признак глобального. Вновь изобретенный язык включает и вкрапления арго и идиша – свидетельство культурной памяти о более раннем маргинальном существовании в Германии и вне ее [14].

Подчеркивая, что не только английский язык влияет на развитие ведущих европейских языков, Я. Ылдыз справедливо отмечает, что «сосредоточенность на глобализации и английском имплицитно предполагает, что сам немецкий остается неизменным, а это не так» [14. С. 322]. В данном случае мы сталкиваемся со сложной и неоднозначно интерпретируемой проблемой, которая выходит за рамки обсуждения вопроса о языке и вторгается в тонкую и опасную область национального чувства. Я. Ылдыз отмечает: в Германии доминирует мнение, что немецкий язык – собственность только лишь

этнических немцев, а другие могут лишь пользоваться, но не владеть им. Автор видит парадокс в том, что ламентации о порче языка вызваны нежеланием признать, что он не только достояние этнических немцев и что на деле много других говорящих на немецком языке. Один из вопросов о будущем немецкого формулируется так: возможно ли переосмыслить считающуюся сегодня органической взаимосвязь между этническими немцами и немецким языком. Таким образом, мы подходим к культурному представлению языка.

Укреплению и демаргинализации транснационального варианта языка способствовали деятели культуры. Как отмечает Клаус Хюбнер, «особенно это относится к юмористам Эркано & Штефану, которые стали известны на всей территории ФРГ благодаря своим телевизионным выступлениям, к дуэту Драган и Алдер, в некоторой степени к юмористу Кайя Янару, к кинорежиссёрам Фатиху Акину, Кутлугу Атаману, Юксел Ярузу или Йилмаз Арслану, а также окружению писателя Феридуна Займоглу. Название его прозаического произведения *Kanak Sprak* мотивировало деятелей искусства к употреблению прежде негативно коннотированного слова *Kanak*, которое вскоре стало популярным понятием – и всё чаще с положительной коннотацией» [15]. Сегодня это факт кино, эстрады, литературы, чему способствуют и новые произведения на *Kanak Sprak* – экранизация фильма «Kanak Attack», литературное творчество молодых авторов – Имрана Аята, Яде Кара и др., в том числе немецких писателей [16; 17; 18].

Аналогичным образом развивается и используется пиджинизированный немецкий русских переселенцев немецкого происхождения, называемый «квеля», «легитимизированный» книгой Владимира Каминера «Russendisko» [19]. Специфическая черта этого языкового контакта – синтез латиницы и кириллицы. Однако сегодня такое смешение графических систем можно наблюдать и в России (причина здесь иная – проникновение английского языка в функциональное пространство русского).

Русский немецкий имеет обычную специфику пиджинов: словоизменение и словообразование происходит по правилам русской грамматики с использованием немецкого корня; калькируются устойчивые сочетания, особенно – отражающие специфические для Германии реалии: *Mitovaty* (*mieten (die Wohnung)*) «снимать,

арендовать квартиру»; *Поставить антраг (Antrag stellen)* – «подать заявление»; «Это наш зюска Павлик» (надпись на фотографии ребенка в социальной сети «Одноклассники»).

Языки меньшинств также меняются, взаимодействуя с немецким. П. Ауэр и И. Дирим исследовали использование турецкого нетурецкой молодежью – переселенцами из Казахстана [20], установив, что эти подростки вплетают турецкие фразы в немецкую речь. Ученые продемонстрировали на примере Гамбурга, что турецкий язык сегодня укоренен в крупных городах Германии и стал – пусть и фрагментарно – составной частью повседневной коммуникации не только для лиц турецкого происхождения [21]. Подобные идеи – об усеченном (*truncated*) владении языком – высказывает Ж. Бломмаерт [22].

Аналогичные материалы представлены в исследовании Л.Е. Корниловой [23] и Л.А. Жилинской [24], рассмотревших соответственно восточноазиатские ксенонимы и арабизмы в немецком языке. Установлено 545 арабизмов, интенсивность их использования выше в последние годы, нежели в 80-е гг. XX в.; они вошли в молодежный сленг: *Li-lak* – ты мне – я тебе, *wallah* – клянусь, *thaqifa* – умный, сообразительный, *Fatime* – девушка [24. С. 20].

Еще одно проявление контакта языков – относительно недавно описанный *Kiezdeutsch* – уличный жаргон городских подростков из районов с высоким количеством мигрантов. Он обнаруживает явные черты смешения языков и устного усвоения (*lassma*). Этому явлению уже посвящен постоянно действующий сайт (<http://www.kiezdeutsch.de>).

Языковая вариативность, описанная выше, представляет собой важный аргумент новой философии языка. Глобализационная философия настаивает на относительности, конструируемости понятий нация и язык: «Нации, регионы и места, связанные с идентичностью и этничностью, всегда были конструктами, образными сущностями. По определению, они результат культурного воображения и конструирования. С этой точки зрения глобализация – концепт нарождающегося мирового сообщества» [12. С. 12]. Вместе с тем очевидно, что решение этой проблемы уводит и в плоскость политики и в сферу идеологической борьбы.

Библиографический список

1. Barbour S., Stevenson P. Variation im Deutschen. Soziolinguistische Perspektiven / Übersetzt aus dem Englischen von Konstanze Gebel. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1998. 354 S.

2. Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России? // Электронный ресурс Интернет: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit08.php>.

3. Sarrazin Th. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

4. Diez B. Gemeinsames Erbe – plurale Tendenzen. Aussieder und Juden aus der ehemaigen Sowjetunion in deuutschland. Ein Vergleich // Russische Juden und Transnationale Diaspora / J. Schoepes, K. Grözinger, W. Jasper und G. Mattemklot. Berlin, 2005. S. 259–278.

5. Попков В.Д. Транснациональное русскоязычное пространство в германии: основные особенности // Язык и сознание: психолингвистические аспекты: Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2009. С. 99–111.

6. Полян П. В Германии началась депопуляция еврейских общин (На полях свежих статистических данных) // Электронный ресурс Интернет: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit06.php>.

7. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001. 439 с.

8. Clyne M.G. Zum Pidgin-Deutsch der Gastarbeiter // Zeitschrift für Mundartforschung, 1968. P. 130–139.

9. Hinnenkamp V. “Gastarbeiterlinguistik” und die Ethnisierung der Gasarbeiter // Ethnizität: Wissenschaft und Minderheiten / E. Dittrich und F.-O. Radtke. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 277–297.

10. Afshar K. Zweisprachigkeit oder Zweitsprachigkeit. Zur Entwicklung einer Sprache in der deutsch-persischen Familienkommunikation. Münster; New York; München; Berlin: Waxmann, 1998.

11. Sornig K. Sprachverlust, Muttersprachlicher Zusatzunterricht und Reintegrationsprobleme bei Gastarbeiterkindern // Grazer linguistische Studien, 1988, Heft 29. S. 59–78.

12. Hüppauf B. Globalization – Threats and Opportunities // Globalization and the future of German / Ed. A.Gardt; B. Hüppauf. Berlin; Mouton de Gruyter, 2004. S.3–25.

13. Augustyn P. The Seductive Aesthetics of Globalization: Semiotic Implications of Anglicisms in German // Globalization and the future of German / Ed. A.Gardt; B. Hüppauf. Berlin; Mouton de Gruyter, 2004. S.307–318.

14. Yildiz Ya. Critically "Kanak": A Reimagination of German Culture German // *Globalization and the future of German* / Ed. A.Gardt; B. Hüppauf. Berlin; Mouton de Gruyter, 2004. S.319–340.
15. Хюбнер К. «Привет старик [Адлер], у тебя айпод с собой?» // Электронный ресурс Интернет: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/prj/drj/ser/spr/del/ru1398809.htm>.
16. Freidank M. Grund- und Aufbauwortschatz Kanakisch (i.e., Kanakisch: Basic and Developed Vocabulary). Eichborn Verlag, 2001. 61 p.
17. Freidank M. Kanakisch – Deutsch. Dem krassesten Sprachbuch ueberhaupt (i.e., Kanakisch – German. The crassest speakbook of all). Eichborn Verlag, 2001. 63 p.
18. Freidank M. Wem is dem geilste Tuss in Land? Märchen auf Kanakisch un so (i.e., Who's the Hottest Babe Of All? Fairy Tales in Kanakisch and stuff). Eichborn Verlag, 2001. 92 p.
19. Kaminer V. Russendisko. München: Manhattan, 2000.
20. Auer P., Dirim I. Socio-cultural orientation, urban youth styles and the spontaneous acquisition of Turkish by non-Turkish adolescence in Germany // *Discourse Construction of Youth Identities* / Ed. Ja. Androutsopoulos and A. Georgakopoulou. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 223–246.
21. Auer P., Dirim I. Türkisch sprechen nicht nur Türken: Über die Unschärfebeziehung zwischen Sprache und Ethnie in Deutschland. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. 245 S.
22. Blommaert J.A. *The Sociolinguistics of Globalization*. New York: Cambridge University Press, 2010. 230 p.
23. Корнилова Л.Е. Восточноазиатские ксенонимы в немецком языке. М., 2010. 296 с.
24. Жилинская Л.А. Национально-культурные и языковые особенности арабизмов в современном немецком языке. М., 2009. 215 с.

Сведения об авторе

Кирилина Алла Викторовна
доктор филологических наук, профессор,
проректор по научной работе
Московского института лингвистики
E-mail: akirilina@inyaz-mil.ru

УДК 811.111'42(091)

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТониКИ ТЕКСТА РАНЕАНГЛОСАКСОНСКИХ СВОДОВ ЗАКОНОВ

Е.А. Колядин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье описываются особенности архитектоники, композиционной и тематической структуры текстов сводов законов кентских и уэссекских королей. Рассматривается влияние принципа архитектурной мнемоники на конструирование текста древнеанглийской правды.

Ключевые слова: архитектоника текста, единицы текста, композиция текста, структура текста, текст закона, раннеанглосаксонский свод законов.

Architectonic Peculiarities of the Early Anglo-Saxon Dooms Yevgueny Kolyadin

The article describes architectonic features, composition and thematic structure of the early Anglo-Saxon Dooms and looks at the influence of the architectural mnemonic principle upon the construction of Old English legal texts.

Key words: text architectonics, text units, text composition, text structure, legal text, law, early Anglo-Saxon Dooms.

Любой текст обладает структурой, под которой в современной теории текста понимается внутренняя организация единиц текста по определённым закономерностям.

С точки зрения «жёсткости» организации, выделяются тексты с определённой схемой построения, или замкнутой структурой (в иной терминологии – неаддитивные), и тексты с открытой структурой (аддитивные [1. С. 183-210]). По мнению ряда лингвистов, замкнутой структурой обладают только редактированные (подготовленные) тексты в отличие от разговорных (спонтанных) текстов.

Решение коммуникативных задач различных видов может сказаться на некоторых конструктивных свойствах текста. Иными словами, структура текста и коммуникативные намерения автора текста взаимообусловлены: параметры коммуникативной ситуации влияют на структуру текста, в то время как структура текста также отражается на условиях осуществления коммуникации.

Рассмотрение текстотипологических черт законодательного текста приводит к выводу, что, наряду с особенностями,

проявляющимися на уровне текстообразующих категорий персональности, информативности, хронотопа и модальности, текст такого типа отличается спецификой, касающейся его архитектоники.

Анализ работ, посвящённых структуре современного законодательного текста, позволил суммировать его характерные черты следующим образом.

В свете концепции Ю.М. Скребнева, рассматривавшего язык как совокупность субъязыков [2. С. 32-33], лингвистические особенности законодательного текста можно представить как сетку интегральных параметров разной степени специфичности.

К стиледифференцирующим признакам, общим для всех юридических текстов, принадлежат: (1) модальная нейтральность (отсутствие эмоциональности и оценочности); (2) высокая рекуррентность супернейтральных языковых единиц; (3) максимальная эксплицитность выражения семантики; (4) типизированность архитектоники и стандартизированная структура, реализующиеся в композиционной чёткости; (5) предельная лапидарность и экономичность языковых средств.

К стилемаркирующим (абсолютно специфическим) признакам законодательного текста, по мнению большинства исследователей, относятся: (1) неличный характер, (2) прескриптивно-регулятивная семантика, реализующаяся через модель властного предписания автором правил поведения адресата в определённых социально-правовых ситуациях, и (3) официальность изложения.

Официальность изложения как типологический признак достигается не только посредством использования стилистически супернейтральных лексических единиц и синтаксических конструкций, но и жёсткой композиционной структуры, что, в итоге, ведёт к официализации, или, в терминологии юрислингвистики, – юридизации языка [3].

Основными композиционными элементами текста современного британского статута являются полное наименование закона (англ. *long title*), преамбула (англ. *preamble*), формулировка, вводящая закон в действие (англ. *enacting formula*), основные положения статута, регулирующие определённые отношения (англ. *main provisions*) [4. С. 210-226], и другие, которые выполняют специфические прагматические функции: преамбула – ориентирующую функцию, название раздела или главы – репрезентирующую, юридические

статьи – собственно информативно-директивную [5. С. 55-56].

Очевидно, что сложность структуры текста современного закона возникла не одномоментно. Она стала результатом развития юридической мысли и языка права в течение многих столетий. Семантика любого юридического текста многогранна, и при его исследовании необходимо иметь в виду, что, в отличие от универсального кода, не подлежащего мультисемантическим интерпретациям [6. С. 118], это исторически организованное образование, которое необходимо рассматривать с позиций развития общества и социальных практик.

Обращение к типам текста, функционировавшим на ранних стадиях языка, по свидетельству Л.И. Гришасовой, важно с теоретической и практической точек зрения, поскольку типы текста на раннем этапе развития языка являются основой для расширения сферы функционирования языка, для обогащения новыми типами текста, становящимися затем ключевыми для национальной лингвокультуры [7. С. 122].

Анализ структуры раннеанглосаксонских сводов законов на примере правд кентских королей Этельберта, Хлотаря и Эдрика, Уитреда и уэссекских королей Инне и Альфреда показал наличие в них только двух структурно-композиционных частей: предисловия (преамбулы) и непосредственно титулов (статей) законов.

Предисловие к своду законов представляет собой одно сложное синтаксическое целое (ССЦ), функция которого состоит в указании автора (авторов) свода, времени и места его составления.

Dis synd Wihtredes domas Cantwara cyninzes. Ðam mildestan cyninze Cantwara Wihtrede, rixizendum þe fiftan wintres his rices, þy nizuðan zebanne, sextan dæze Ruzernes, in þære stowe þy hatte Berzhamstye, ðær wæs zesamnad eadizra zeþeahtendlic ymcyme: ðær wæs Birhtwald Bretone heahbiscop, & se ærnemda cyninз: eac þan Hrofesceastre bisceop, se ilca Zybmund wæs haten, andwærd wæs; & cwæð ælc had ciricean ðære mæzðe anmodlice mid þy hersuman folcy, ðær ða eaclizan fundon mid ealra zemedum ðas domas & Cantwara rihtum þeawum æcton, swa hit hyr efter sezeþ & cwуþ (Whitred) [8]. Перевод: Это суть Уитреда законы, кентского народа короля. Самым милостивым королём кентского народа, Уитредом, правящим в пятую зиму своего правления, девятом

индиктионе шестом дне сентября, в месте под названием Бергхамстед, было собрано знатных людей совещательное собрание. Там был Бирхтвальд, бретонский архиепископ, также и Хровекастра епископ, который также Гебмундом звался, присутствовавшим был, и говорил каждый чин церковной общины единодушно с паствой. Там эти знатные люди установили со всем советом эти постановления и к кентского народа правильным законам добавили, как это здесь ниже говорится и провозглашается (здесь и далее перевод наш. – Е.К.).

Предпринятый анализ приведённых выше предисловий сводов законов кентских и уэссекских королей в хронологическом порядке позволяет проследить эволюцию в их содержании. Очевидно постепенное усложнение их текстов: если предисловие к своду законов короля Этельберта содержит только указание автора свода и времени его составления, то в предисловии к правде уэссекского короля Ине описывается состав совета, работавшего над текстом свода, а также принципы, на основе которых законы отбирались и разрабатывались.

Тексты законов (статьи, титулы), следующие непосредственно за предисловием, составляют бóльшую часть текста законодательного свода. Статья является основной единицей законодательного свода и, как показывает анализ текстов раннеанглосаксонских законов, совпадает с основной единицей членения текста – ССЦ, которое делимитируются на основе критерия уменьшения семантической общности между контактно расположенными единицами текста и сменой микротемы.

Необходимо также отметить то обстоятельство, что членение текста древнеанглийских законодательных сводов довольно затруднено в силу того, что тексты законов кельтских и уэссекских королей следуют в манускриптах друг за другом; графически маркированы только зачины сводов (первые строки). Тела сводов даны сплошным текстом без каких-либо нумераций или членений статей на абзацы.

Для того, чтобы продемонстрировать функционирование титулов законов, состоящих из одного предложения и совпадающих в тексте с ССЦ, приведём пример, состоящий из двух ССЦ, на границе которых наблюдается смена микротемы (темы ССЦ).

Ʒif frizman cuninze stele, .ix. Ʒylde foƷylde. Ʒif in cuninzes tune man mannan ofslea, .i. scƷ Ʒebete (*Æthelbriht*, 10 – 11) [8]. Перевод: Если свободный человек у короля украдёт, девять штрафов пусть уплатит. Если на короля владениях человек человека убьёт, 50 шиллингов должен уплатить.

Анализируя данный законодательный фрагмент, можно увидеть смену микротем от предложения к предложению: от воровства к убийству.

Однако не все ССЦ в теле закона, репрезентирующие отдельные титулы, совпадают с предложением. Тексты законов могут располагать титулами, состоящими из нескольких предложений. Для таких случаев характерно представление в первом предложении социально-правовой ситуации, в которой применяется закон, в общем виде. В последующих предложениях приводятся особые случаи применения описанного в первом предложении ССЦ правовой ситуации или регулятивного директива, либо дополнения к основной части закона. Количество предложений, входящих в такие ССЦ, варьируется от двух в законах короля Уитреда до семи в законах короля Альфреда. В законах короля Этельберта ССЦ состоит из не более, чем пяти предложений, в законах королей Хлотаря и Эдрика – из не более трёх; ССЦ в тексте правды короля Ине могут быть от одного до пяти предложений: предложения с идентичными денотатами образуют одно сложное синтаксическое целое, семантической основой которого является общая микротема. В примере из правды королей Хлотаря и Эдрика ССЦ объединяются на основе микротемы порядка свидетельства о покупке кентцем имущества в Лондоне.

Близкие по тематике ССЦ располагаются в древнеанглийских законодательных сводах, как правило, контактно и образуют тематические фрагменты, совокупность которых в итоге составляет тело текста.

Тематическая структура сводов законов может быть рассмотрена на примере правд кентского короля Этельберта, которая представляет особый интерес с точки зрения тематической архитектоники.

Свод законов короля Этельберта содержит следующие тематические блоки: (1) преступления против церкви и публичных

собраний; (2) преступления против короля и его подданных; (3) преступления против эрлов; (4) преступления против керлов; (5) о членовредительстве; (6) преступления против женщин; (7) преступления против слуг; (8) преступления против рабов.

По мнению некоторых учёных-медиевистов, законы короля Этельберта бытовали в устной традиции вплоть до их графической кодификации по примеру римских законов. Во многих средневековых государствах существовали люди, в профессиональные навыки которых входило знание законов государства наизусть и их воспроизведение на судебных заседаниях и в случае другой необходимости [8. С. 34].

Поскольку тексты древних законов были слишком объёмными для запоминания, при их составлении использовался особый приём, который получил название архитектурной мнемоники (англ. *architectural mnemonic*) [9. С. 71]. Использование принципа архитектурной мнемоники предполагает метонимический перенос строения архитектоники тела человека на построение текста.

В исследуемых нами текстах архитектурная мнемоника обнаруживается неоднократно. Во-первых, в тематической структуре законов Этельберта отражается социальная структура кентского общества «сверху вниз»: от короля и его подданных до рабов.

Кроме того, в разделе текста короля Этельберта, содержащем описание наказаний за членовредительство, титулы фрагмента расположены в порядке перечисления членов и органов тела «от макушки до пяток».

Ʒif eaze of weorð, .i. scillinzum zebete. <...> Ʒif earm forbrocen weorð, .vi. sciſ zebete. <...> Ʒif hrif wund weorðeþ, .xii. sciſ zebete. <...> Ʒif þeoh zebrocen weorðeþ, .xii. sciſ zebete. <...> Ʒif fot of weorðeþ, .i. scſ forzælde. (Æthelbriht, 33 - 70) [8]. Перевод: Если глаза лишится, 50 шиллингов пусть уплатит. Если рука сломанной станет, 6 шиллингов пусть уплатит. <...> Если живота рану нанесёт, 12 шиллингов пусть уплатит. <...> Если бедро сломанным станет, 12 шиллингов должен уплатить. <...> Если стопа оторванной станет, 50 шиллингов пусть заплатит. Если большой палец ноги оторванным становится, 10 шиллингов пусть уплатит.

В законах уэссекского короля Альфреда также описываются наказания за членовредительство. Эти сведения представлены в двух

структурно-семантических блоках. Структура первого блока (титул Alfred, 43) полностью повторяет структуру соответствующего описанного выше фрагмента правды Этельберта. Причина кроется в том, что, изучив законотворческий опыт своих предшественников, король Альфред отбирал из их кодексов те законы, которые ему казались релевантными для включения в свой свод. Это подтверждается содержанием предисловия к данной правде.

Во втором блоке, посвящённом членовредительству, представлена каталогизация наказаний за причинённый вред органам и частям тела человека, упорядоченным следующим образом: мошонка, предплечье, поясница, плечо, кисть руки, ребро, глаза, позвоночник. Очевидно, что в данном случае принцип архитектурной мнемоники утратил свою силу. По всей вероятности, фиксация законов на письме привела в IX в. к исчезновению необходимости в использовании мнемонических приёмов.

Следы приёма архитектурной мнемоники в первой части фрагмента можно объяснить копированием фрагмента правды Этельберта в том виде, в котором он существовал тремя столетиями ранее.

Следование принципу архитектурной мнемоники также наблюдается в статьях законов, где требуется детализация процедур правоприменения в зависимости от социального статуса или церковного сана субъекта права.

Ʒif hwa Ʒefeohte on cyninƷes huse, sie he scyldiƷ ealles his ierfes, & sie on cyninƷes dome, hwæðer he lif aƷe þe naƷe. Ʒif hwa on mynster Ʒefeohte, .cxx. scillinƷa Ʒebete. Ʒif hwa on ealdormonnes huse Ʒefeohte oððe on oðres ƷeðunƷenes witan, .lx. scillinƷa Ʒebete he & oþer .lx. Ʒeselle to wite. Ʒif ðonne on ƷafolƷeldan huse oððe on Ʒebures Ʒefeohte, .cxx. scillinƷa to wite Ʒeselle & þam Ʒebure .vi. scillinƷa. & þeah hit sie on middum felda Ʒefohten, .cxx. scillinƷa to wite sie aƷifen (Ine, 50) [8]. Перевод: Если кто-то устроит драку в доме короля, пусть будет виновным всем своим имуществом, и пусть будет по решению короля, сохранит ли он жизнь, или нет. Если кто-то в монастыре затеет драку, 120 шиллингов пусть заплатит. Если кто-то в эрла доме драку устроит или другого почётного уитана, 60 шиллингов пусть заплатит, а другие 60 – пусть уплатит в штраф. Если тогда в доме крестьянина или гебура будет

даться, 120 шиллингов штрафа пусть уплатит и тому гебуру 6 шиллингов. А если то посреди поля произойдет, 120 шиллингов должно быть уплачено.

Все исследуемые тексты лишены такого композиционного компонента, как постпозиция (концовка). Таким образом, глобальная структура древнеанглийского законодательного свода представлена предисловием и основным телом. Предисловие выполняет ориентирующую роль: в нём указывается автор свода, место и время его составления. Основное тело законодательного свода состоит из титулов, которые можно объединить во фрагменты на основании семантико-тематических признаков и которые часто самоорганизуются относительно друг друга под действием экстралингвистических факторов.

Архитектоника текста древнеанглийских законов несомненно явилась структурной основой для развития английского законодательного текста, на формирование которого впоследствии оказала влияние континентальная норманнская правовая традиция.

Библиографический список

1. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков): Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. 271 с.
2. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 221 с.
3. Голев Н.Д., Сологуб О.П. Государственная коммуникация (параметры официализации текста) // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. М.П. Котуровой. Вып. 11. Пермь: Перм. ун-т, 2007. С. 46-57.
4. Борисова Л.А. Британские статуты (структура текста и смысловая система) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 210-226.
5. Широбокова Л.П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 179 с.
6. Goodrich P. Legal Discourse: Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis. N. Y.: St. Martin's Press, 1987. 266 p.

7. Гришаева Л.И. История языка как история типологии текстов // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 2. Воронеж, 2002. С. 119-122.

8. Oliver L. *The Beginnings of English Law*. Toronto, Buffalo, London: Toronto University Press, 2002. 297 p.

9. Carruthers M. J. *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1990. 407 p.

Сведения об авторе

Колядин Евгений Андреевич
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kabanova@lunn.ru

УДК 811.111'373.2-055.1/3:796

ИНДЕКСАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СМЫСЛОВ В НАИМЕНОВАНИЯХ КОМАНД АЛТИМАТ ФРИСБИ*

А.О. Кузнецова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются эксплицитные и имплицитные средства создания гендерных смыслов в названиях команд *алтимат фрисби*. Материал исследования составили 85 наименований команд из России, Германии и США. Анализ проводился с использованием этнографических методов (опросы, интервью), включенного наблюдения, семантической интерпретации. Полученные в ходе исследования результаты показывают преобладание гендерно нейтральных наименований. В случае имплицитной акцентуации гендерных смыслов не только мужские, но и женские команды предпочитают смыслы, традиционно ассоциируемые с мужественностью (сила, ловкость и др.).

Ключевые слова: гендер, мужественность, женственность, имплицитные смыслы, конструирование, индексальность.

Indexing Gender in Names of Ultimate Frisbee Teams

Alexandra Kuznetsova

The article analyzes explicit and implicit means of creating gender meanings in names of ultimate frisbee teams, looking at eighty-five names of teams from Russia, Germany and the USA and using the methods of participant observation and semantic interpretation as well as ethnographic methods (surveys, interviews). The results demonstrate that gender neutral names of ultimate frisbee teams predominate over gender marked names. In cases of implicit accentuation of gender meanings not only men's, but also women's teams prefer meanings associated with masculinity (strength, dexterity, etc.).

Key words: gender, masculinity, femininity, implicit meanings, construction, indexicality.

Современный этап развития гуманитарного знания характеризуется усилением внимания к вопросам социальной идентичности и ее конструирования средствами языка. Одним из важнейших параметров социальной идентичности является гендер – социокультурный конструкт, аккумулирующий представления о мужественности или женственности, характерные для того или иного

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

социума на определенном историческом этапе. Исследователи отмечают, что гендерные смыслы редко передаются напрямую (эксплицитно), гораздо чаще они выражаются опосредованно (имплицитно) – с помощью вербальных и невербальных средств, отсылающих к фоновым знаниям коммуникантов [1; 2]. М. Сильверстайн называет этот процесс «индексацией», подчеркивая, что гендерные характеристики идеологичны по своей сути и выражаются через нереференциальные «чистые» индексы (*non referential “pure” indexes*), которые в отличие от референциальных индексов (*referential indexes*) не соотносятся напрямую с высказыванием и с говорящим, но сигнализируют об особом значении через контекст [3; 4]. В этой трактовке референциальный индекс представляет собой прямую отсылку к пониманию гендерной принадлежности говорящего / пишущего. Подобный индекс может быть выражен личными местоимениями 3-го лица единственного числа «он» / «она», словами категорий «мужчина» / «женщина» и т.д. [5].

В статье анализируется (вос)производство гендерных смыслов в наименованиях команд *алтимат фрисби*. Отдельные аспекты конструирования гендера в спортивной сфере рассматривались в трудах отечественных (А.А. Трубченинова, М.Ю. Гудова и др.) и зарубежных (E. Darlison, M. Meier, N. Theberge, J. Larkin, C. Hannan) исследователей. Однако отражение гендера в спортивной субкультуре с позиций ономастики исследуются впервые. Цель данной работы – выявить и систематизировать языковые средства индексации гендерных смыслов в спортивной субкультуре *алтимат фрисби*. Материал исследования составили 85 наименований команд (25 мужских, 25 смешанных и 35 женских) на русском, английском и немецком языках. Примечательно, что язык названия команды далеко не всегда соответствует языку страны, где живут игроки: экспансия глобального английского проявляется, в частности, в том, что у российских и немецких команд часто бывают названия на английском языке (*Elvis Presley*) или с элементами английского языка (*Re:Диски*).

В ходе исследования использовались методы включенного наблюдения, семантической интерпретации, письменные и устные опросы в формате (квази)этнографических интервью. Анализировался также дискурс *фрисби-форумов* и статистических сайтов с подробным описанием команд [6; 7].

Алтимат фрисби – относительно молодой вид спорта, появившийся в конце 1960-х гг. в США. В этой игре, как и во многих других видах спорта, могут принимать участие и мужчины, и женщины, поэтому команды бывают мужскими, женскими и смешанными. Гендерная дифференциация проявляется уже в названиях дивизионов – стратификации команд по половой принадлежности, возрасту и мастерству. Деление на дивизионы и названия дивизионов представляют собой яркий пример идеологичности гендерной категоризации, где категории «не заданы природой вещей, а формируются в процессе осмысления человеком мира и себя в этом мире» [1. С. 13]. На первый взгляд, деление на дивизионы (женский, смешанный, открытый) производится по полу игроков, однако при внимательном рассмотрении ситуация оказывается более сложной. Если женский и смешанный дивизионы соответствуют своим названиям (в первом играют только женщины, а во втором – игроки обоих полов), то в так называемом «открытом» дивизионе, который задумывался как метагендерный (*the Open Division is just that: i.e. "open to all players"* [6]), играют только мужские команды. Сами спортсмены так определяют данный дивизион:

–The open division is the division of play in ultimate in which both males and females may play, but which has come to mean male only at the higher levels. It was created so that teams could have enough players to field a team regardless of gender (the USA, Seattle Sockeye).

–Дивизион, в котором в команде может быть заявлен кто угодно (парни, девушки, дети, старики). Но из-за того, что открытый дивизион считается самым престижным, команды, почти всегда комплектуются самым сильным контингентом – парнями в самом расцвете сил, поэтому фактически почти всегда «открытый дивизион» = «мужской дивизион» (Россия, Авангард).

Таким образом, вопреки своему названию открытый дивизион становится мужским дивизионом. В основе этой категориальной трансформации (стирание инклюзивности) лежит традиционная (патриархальная) гендерная идеология, где сила и престиж – мужское, и мужское более престижно, чем женское.

Снисходительное отношение к игрокам-женщинам отражено в понятии «женский алтимат». Оно (вос)производит стереотипные представления о женщинах как неспортивных, эмоциональных,

скандальных, легкомысленных, подверженных частым переменам настроения и т.п. Респонденты отмечают, что игра женских команд незрелищна, медленна, построена не на тактиках, а на эмоциях. Есть и сильные женские команды, но это не отменяет общего скептического отношения. Примечательно, что к женщинам, играющим в смешанном дивизионе, понятие «женский алтимат» не относится.

Перейдем к анализу наименований команд. Из 85 наименований гендерно маркированы 33 (*Cosmic Girls, Venus*) и гендерно немаркированных – 52 (*Бимикс, Losers, 7 Figures*). Гендерно маркированные названия, в свою очередь, подразделяются на два подтипа: выражающие гендерные смыслы эксплицитно (*Клёвые тёлочки, Дедушки*) и имплицитно (*Эрхарт, Gigolo*).

Анализ наименований мужских команд показал, что гендерно маркированы более половины из них (16 из 25). Эксплицитно (лексически) гендер выражен в названиях типа *Дедушки*, где референтом имени выступают лица мужского пола. В остальных случаях гендерная маркированность носит опосредованный характер, реализуется путем отсылки к мужскому типу или распространенному имени (*Gigolo, Johnny Bravo, Furious George*), именам исторических личностей, героев фильмов и книг. Так, в наименовании *Долгорукие Москва* – это Ю. Долгорукий, основатель Москвы, в названии *GagariNNs* – известный летчик-космонавт Ю.А. Гагарин, *Sub Zero* – персонаж игры и фильма «Мортал Комбат». Менее явные гендерные смыслы отражаются в наименованиях, объединенных метафорой войны. Они отнесены к группе гендерно маркированных, поскольку участие в военных действиях считается мужским делом, например: *Ironsides* – военный корабль, *Machine* – техника, *Revolver* – оружие, *Southpaw* – боксерский термин, обозначающий определенные стойку и удар. В некоторых случаях индексировать культурные гендерные смыслы может категория грамматического рода: *Сокол, Новгородские медведи*. Примером нетрадиционного индекса мужественности может служить название «Команда им. Жанны Фризбе». В данном случае мужская команда акцентирует маскулинность, обыгрывая имя красивой и сексопильной певицы Жанны Фриске. Нейтрализация гендерных смыслов имеет место в наименованиях: *Midnight Cobras, ОксидискО, Тени, Agonia, Lucky Grass, Condors, Goat, Ring of Fire, No Country, Old Style*.

В микстовом (смешанном) дивизионе гендерно немаркированные названия команд превалируют над гендерно маркированными. Нейтрализация гендерных смыслов создается путем использования собирательных существительных или слов с собирательным значением, как в наименованиях *ПППЛы*, *Дружина*, *Sabre Corp (corporation)*. Гендерно нейтральны названия в форме существительных множественного числа, относящиеся к семантической сфере «животного мира» (*Бивни*, *Loosers (Лузеры)*, *Йошкин Кэмс*, *Белки*, *Wolverines*), а также мистические наименования (*The Ghosts*) и названия, выраженные неодушевленными существительными (*District 5*, *7 Figures*, *Bucket*, *Overhaul*, *BioZONE*, *Gears-United*) или прилагательными (*Fresh*).

Примечательно, что в смешанном дивизионе не зафиксировано названий, актуализирующих гендерные стереотипы. Формальное гендерное маркирование на уровне формы (существительное женского рода единственного числа) имеет место в наименовании – *Катюша*. Название команды *Jacks and Jills* (мужское и женское имена) подчеркивает специфику смешанного дивизиона, где в одной команде играют и мужчины, и женщины. Таким образом, в смешанном дивизионе преобладают метагендерные наименования.

Из 35 наименований команд женского дивизиона гендерно маркированы 14 названий. В 6 названиях гендер выражен эксплицитно (*Cosmic Girls*, *Las Chicas*, *Клёвые тёлочки*, *Mother Bri*, *Mama Roach*, *Honey Women's Ultimate*, *Venus*). В остальных женственность выражается косвенно: в названиях *Бестии* и *Scandal* – через отсылку к стереотипу о скандальности и неуравновешенности женщин; в наименованиях *Brilliance* и *Зорачки* – через отсылку к красоте как ключевому признаку женственности.

Как в мужском, так и в женском дивизионе команды часто именуется в честь известных личностей. При этом для каждой команды важны личные качества и достижения выбранного ими человека. Женские команды обычно именуют себя в честь женщин, чья жизнь является примером силы и мужества. Например, команда *Molly Brown* названа так в честь исторической личности – пассажирки «Титаника», которая повернула спасательную шлюпку, отправившись на поиски других выживших пассажиров. *Frau Rauscher* – немецкая команда, названная в честь известной и уважаемой жительницы Франкфурта. Российская команда *Эрхарт / AirHeart* названа в честь

Амелии Мэри Эрхарт – первой женщины-пилота, перелетевшей Атлантический океан и награжденной Крестом лётных заслуг. Ее имя *Earhart* представляется в английской транслитерации с элементами народной этимологии и игры слов, таким образом подчеркиваются такие личностные качества, как самоотверженность, целеустремленность и доброта.

Ряд русскоязычных названий выражен неодушевленными существительными женского рода (*Текила, Догма*). По данным опросов, их нельзя отнести к индексам женственности. Выбор имени поясняется игроками так: *Мы хотели собрать в себе оттенки самого жаркого и энергичного алтима... Текила – символ вечной суеты, духа и борьбы одновременно* (капитан команды *Текила*); *Догма – это что-то родное, дом, спокойствие* (игрок команды *Догма*).

Гендерно не маркированы 16 наименований женских команд. Некоторые из них выражены неодушевленными существительными *Traffic, Showdown, Safari, RevoLOUtion, Ozone, deSoto*, прилагательными без показателя рода – в английском (*Further*) и существительными во множественном числе (*Молодые*), метагендерными аллюзивными именами (*Phoenix*). Поскольку женские команды *алтимат фрисби* часто воспринимаются с насмешкой и снисходительностью, многие из них стремятся к нейтрализации женственности в выборе имени и стиле игры. Так, названия *Riot, Nemesis, Fury, Capitals, Brute Squad* и *Bent* акцентируют неженские качества – силу, напор, даже жестокость.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что в целом в *алтимат фрисби* гендерно нейтральные наименования превалируют над гендерно маркированными (52 к 33). В смешанном дивизионе практически отсутствуют названия с гендерным подтекстом. В женском дивизионе число названий, индексирующих женственность, невелико, что, очевидно, связано с нежеланием актуализировать мизогинистские стереотипы. В спорте сила, ловкость и мужество являются желаемыми качествами, поэтому игроки и женских, и мужских команд стремятся акцентировать их, выбирая соответствующие наименования.

Библиографический список

1. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: Дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 405 с.
2. Гриценко Е.С. Роль опыта в концептуализации гендера: лингвокультурные аспекты // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 1. Нижний Новгород, 2007. С. 328-332.
3. Silverstein M. Language and the culture of gender: at the intersection of structure, usage, and ideology // *Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives* (E. Mertz and R. Parmentier, eds.). Orlando: Academic Press, 1985. P. 219-259.
4. Silverstein M. Shifters, linguistic categories and cultural description // *Meaning in anthropology* (K.H. Basso and H.A. Selby, eds.). Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976.
5. Ochs E. Indexing gender // *Sex and Gender Hierarchies* / Miller B.D. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 146-169.
6. Open division // Электронный ресурс Интернет: http://www.ukultimate.com/club_ultimate/open.
7. USA Ultimate // Электронный ресурс Интернет: <http://www.usultimate.org/news/2011-club-championships-team-info/>.

Сведения об авторе

Кузнецова Александра Олеговна
аспирант кафедры русского языка и общего языкознания
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alexandrakuznetsova77@gmail.com

УДК 811.112.2'27

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОГНИТИВНОЙ
МАТРИЦЫ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В НЕМЕЦКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на примере выступлений Ангелы Меркель)**

А.М. Нехорошева

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов

Работа выполнена в рамках современного когнитивно-дискурсивного направления в лингвистике и посвящена проблеме концептуализации «своего» и «чужого» в немецком политическом дискурсе. В статье рассматриваются основные языковые средства реализации когнитивной матрицы «свой-чужой» в данном типе дискурса.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, когнитивная матрица «свой-чужой», политический дискурс, языковые средства.

**Language Means of Realizing the “Self-Other” Cognitive Matrix
in the German Political Discourse (Angela Merkel’s Speeches)**

Alesya Nekhorosheva

Based on the ideas of modern cognitive linguistics and discourse analysis, the article looks at the problem of conceptualizing “self” and “other” in the German political discourse and discusses the primary language means, utilized to represent the “self-other” cognitive matrix in the German political discourse.

Key words: cognitive approach, discourse analysis, “self-other” cognitive matrix, political discourse, language means.

Феномены «свой» и «чужой» находятся в центре внимания современной лингвистики, они активно изучаются с позиций различных подходов современного языкознания: логического, лингвокультурологического, социолингвистического, прагматического и когнитивно-дискурсивного.

В русле когнитивно-дискурсивного подхода, который предполагает понимание языка как средства репрезентации познания мира человеком [1; 2; 3; 4], феномены «свой» и «чужой» осмысливаются преимущественно как концептуально-простые форматы знания: единый многослойный концепт (Ю.С. Степанов); два концепта с характеристиками базового и дополнительных уровней (Е.А. Баженова, И.В. Мальцева); концепт-схема двухмерного (В.В. Судакова) / многомерного (И.Ю. Безукладова, Е.В. Кишина,

В.В. Красных) пространства. В отдельных работах данные феномены интерпретируются как более сложные форматы знания, как иерархические образования с высоким, базовым и низким когнитивными уровнями (Л.И. Гришаева).

В рамках данного исследования феномены «свой» и «чужой» рассматриваются как многоаспектное знание о мире, структурируемое в концептуально-сложный матричный формат, ядерные компоненты которого получают осмысление в различных концептуальных областях [5; 6].

Проведенный анализ стенограмм выступлений федерального канцлера Германии Ангелы Меркель во время пресс-конференций за период 2005 – 2012 годов позволил выявить основополагающие ядерные и периферийные концепты когнитивной матрицы «свой-чужой».

Ядро матрицы формируют концепты ZUGENÖRIGKEIT и NICHT-ZUGENÖRIGKEIT, характеристиками которых являются 1) интегративность и дезинтегративность (объединение частей в целое / разделение целого на части), 2) приближение и дистанцирование (перемещение на более близкое / дальнее расстояние), 3) сходство и различие (наличие общих / дифференциальных признаков)

Объективация концептуальных характеристик осуществляется посредством ряда средств лексического, фразеологического, морфологического и синтаксического уровней. Под лексикой понимается совокупность слов языка, его словарный состав; под фразеологией – фразеологический состав языка, набор (совокупность) устойчивых единиц. Морфология, как один из разделов грамматики, изучает закономерности функционирования морфем. Другой раздел грамматики – синтаксис – рассматривает «сочетаемость и порядок следования слов внутри предложения», а также само предложение в составе текста, дискурса. Кроме того, в работе морфологические характеристики сопрягаются с вопросами словообразования [7. С. 257, 314, 448, 569].

Концептуальные характеристики «интегративность» и «дезинтегративность» на лексическом уровне реализуются с помощью лексем, представленных различными частями речи: а) прилагательными, наречиями, глаголами, существительными, предлогами с соответствующей семантикой (*einig, gemeinschaftlich*;

verflechten / zerreißen; Kooperation, Koalition / Streit, Dissonanz; mit / ohne etc.); б) личными, притяжательными и неопределенно-личными местоимениями (wir, unser; alle, jeder / einer, jemand).

В рамках одного высказывания, как правило, используется несколько средств, актуализирующих данные характеристики, что способствует созданию манипулятивного эффекта. Для Ангелы Меркель в этом плане наиболее предпочтительными оказываются местоимения *wir, unser, alle* и прилагательные, наречия с интегративной семантикой:

Wir sind in Europa nur gemeinsam erfolgreich oder wir sind überhaupt nicht erfolgreich. Das bestimmt unser Denken. Jeder von uns muss sich anstrengen, und wir wissen, dass wir letztendlich alle miteinander verbunden sind. ... Wir glauben, dass es uns allen gemeinsam besser geht, wenn wir zusammenhalten (Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem Ministerpräsidenten der Portugiesischen Republik, José Sócrates, 02.03.2011).

В качестве фразеологических средств репрезентации концептуальных характеристик «интегративность» и «дезинтегративность» выявлены некоторые фразеологические единицы (*mit einer Stimme sprechen, eine Sprache sprechen, auf einen Fundament stehen / im Kampf gegen j-n stehen etc.*). Наиболее часто Ангела Меркель использует фразеологизм *mit einer Stimme (Sprache) sprechen*, семантическая интерпретация которого позволяет говорить об интеграции населения Германии с населением соседних стран Европы и всего мира в целом:

Europa muss und wird ... mit einer Stimme sprechen (Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und EU-Kommissionspräsident Barroso, 11.06.2010).

К морфологическим средствам актуализации концептуальных характеристик «интегративность» и «дезинтегративность» относятся префиксы *mit, zusammen / wider, gegen*. Первая группа аффиксов активнее остальных используются Анжелой Меркель:

Neben der wirtschaftlichen Zusammenarbeit, der kulturellen Zusammenarbeit und der Zusammenarbeit im Bereich der Zivilgesellschaft sehe ich eine wachsende Bedeutung auch hinsichtlich der Zusammenarbeit bei der Lösung internationaler Probleme (Pressekonferenz mit Ministerpräsident Wen Jiabao, 22.05.2006).

В качестве синтаксических средств объективации концептуальных характеристик «интегративность» и «дезинтегративность» выступают предложения с соединительной и противительной связями (*und, auch, sowohl ... als auch, nicht nur ... sonder auch / aber, doch, hingegen*). Предложения с соединительной связью используются немецким канцлером чаще, чем предложения с противительной связью, что является проявлением специфических особенностей языковой личности политика высшего ранга: преобладание интегративной функции и, как следствие, концепта ZUGEHÖRIGKEIT:

Auch Nicht-Euro-Mitgliedstaaten ... haben ein hohes Interesse daran, dass alles getan wird, um die Stabilität des Euro insgesamt zu erhalten (Abschlusspressekonferenz zum Europäischen Rat, 17.12.2010).

Концептуальные характеристики «приближение» и «дистанцирование» репрезентируются также языковыми средствами разных уровней. Лексическими средствами являются лексемы, выраженные а) прилагательными, глаголами, существительными с соответствующей семантикой [*nah, eng / weit; nähern / entfernen; Freund(schaft), Nachbar(schaft)*]; б) прилагательными, глаголами, существительными с положительно- и отрицательно-оценочной семантикой (*gut, nett, verlässlich / schrecklich, falsch, inakzeptabel*); в) модальными глаголами (*können / dürfen, müssen / sollen*); г) модальными словами (*wirklich, bestimmt / vielleicht, wohl*); д) наречиями (*hier / dort; jetzt, heute / damals, eher*); е) личными, притяжательными, неопределенно-личными, указательными местоимениями (*du (ihr) / Sie, er, sie (Sg., Pl.); mein, dein (euer) / Ihr, sein, ihr (Sg, Pl.); dieser / jener; viele, manche, irgendwelche, man*).

Анализ показывает, что местоимения являются специфическими маркерами данных концептуальных характеристик. Выбор местоимения *du* или местоимения *Sie* в обращениях к лидерам других стран обусловлен не столько характером личных контактов политиков, сколько типом отношений между странами:

Ich freue mich auch sehr, dass ich hier in den Niederlanden und bei dir, Jan Peter, zu Gast sein darf (Pressesstatements der Bundeskanzlerin und des niederländischen Ministerpräsidenten, 11.03.2010).

На фразеологическом уровне выявлен ряд средств, актуализирующих преимущественно концептуальную характеристику «приближение» (*j-m die Hand reichen, den Staffelstab übernehmen, aus*

ganzem Herzen sein). Среди данных средств наиболее частотным оказался фразеологизм *aus ganzem Herzen sein*, использование которого помогает канцлеру создать эффект приближения других стран к Германии:

*Wo wir als Freunde Unterstützung leisten können ... , da wollen wir das **aus vollem Herzen tun**, denn die Sicherheit Israels **liegt uns sehr am Herzen*** (Pressekonferenz Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Netanyahu, 31.01.2011).

На морфологическом уровне концептуальные характеристики «приближение» и «дистанцирование» реализуются а) сравнительной степенью прилагательного, б) артиклем, в) временными формами глагола, г) формами конъюнктива I и II, д) формами пассивного залога. Сравнительная степень прилагательного – излюбленное грамматическое средство в речи А. Меркель: проявление в большей или меньшей степени признаков объекта способно эффективно воздействовать на сознание адресата, формировать выгодное для политика видение ситуации. Потребность донести мысль в максимально доступной форме до коллективного адресата, стремление к простоте иногда приводит к нарушению грамматических норм. Так, становится возможным формирование сравнительной степени не только от качественных, но и от относительных прилагательных:

*Vor allem soll das neue Partnerschaftsabkommen ... auf die **engeren und strategischeren** Beziehungen zwischen der Europäischen Union und Russland eingehen können* (Gespräch der Bundeskanzlerin mit dem Präsidenten der Russischen Föderation, 21.01.2007).

Обращение, как синтаксическое средство репрезентации концептуальных характеристик «приближение» и «дистанцирование», используется политиками не столько с целью номинирования адресата, сколько для выражения своего отношения к нему – приближенного или дистанцированного. Очевидно, что руководитель государства выражает не личное отношение к адресату, а формулирует обобщенное представление об этом адресате, присущее политической элите страны, которую данный политик представляет:

*Noch einmal herzlich willkommen, **Tony*** (Pressebegegnung von Bundeskanzlerin Merkel und dem britischen Premierminister Blair in Berlin, 03.06.2007).

Sehr geehrter Herr Ministerpräsident Wen Jiabao, meine Damen und Herren, die Sie an dem Dialogforum teilnehmen (Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel beim Zusammentreffen mit den Teilnehmern am deutsch-chinesischen Dialogforum, 16.07.2010).

Обращения по типу *Vorname / Vorname + Nachname* служит средством объективации концептуальной характеристики «приближение». Концептуальная характеристика «дистанцирование» актуализируется с помощью обращений по типу *Herr / Frau + (Vorname) Nachname* и *Herr / Frau + Titel + ((Vorname) Nachname)*.

Среди лексических средств, реализующих концептуальные характеристики «сходство» и «различие», выделяются лексемы, передаваемые прилагательными и производными от них существительными, глаголами с соответствующей семантикой (*ähnlich, analog, gleich, identisch / unterschiedlich, verschieden, ander*). Данные средства активно используются канцлером, так как позволяют однозначно выразить свою позицию по тому или иному вопросу и избежать каких-либо категорических заявлений:

Wir alle arbeiten auf dem gleichen Fundament (Pressestatements der Bundeskanzlerin beim Nato-Rat, 19.11.2010).

Es gibt sehr unterschiedliche Vorstellungen ... sehr unterschiedliche Gegebenheiten, mit ganz unterschiedlichen historischen Entwicklungen (Deutsch-Russische Regierungskonsultationen, 3.10.2008).

К синтаксическим средствам реализации концептуальных характеристик «сходство» и «различие» относятся семантико-синтаксический параллелизм, сравнительные конструкции с союзами *wie* и *als* и придаточные предложения уступки, в которых используются союзы *obwohl, trotzdem, dennoch*. Например, семантико-синтаксический параллелизм – средство объективации характеристики «сходство»:

Großbritannien spart, Deutschland spart (Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel beim Europäischen Rat, 29.10.2010).

Сравнительные конструкции и придаточные предложения уступки, позволяющие выразить сходные и различительные (дифференцирующие) признаки осмысливаемых объектов:

Das gilt für Europa genauso wie für Indien... Deutschland hält genau wie Indien an diesem Ziel fest (Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und Premierminister Singh, 11.12.2010).

Wir leben auf einem Kontinent, obwohl wir hier schon auf der asiatischen Seite sind (Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel in Jekaterinburg, 14.07.2010).

Наполнение периферии когнитивной матрицы «свой-чужой» определяется особенностями дискурса и свойствами языковой личности говорящего. Для политического дискурса, в рамках которого проявляются специфические черты языковой личности политика, преобладающими областями осмысления ядра матрицы являются концепты POLITIK и TERRITORIUM. Для анализируемого в работе выступления политика Ангелы Меркель значимыми являются также концепты RELIGION и ALTER.

Концепт POLITIK может быть представлен как трехуровневая иерархия концептуальных характеристик. Концептуальная характеристика суперординатного уровня представляет знание о политике в самом общем виде: деятельность государственной власти по организации общественной жизни. На базовом уровне характеристики основываются на двух критериях. Первый – масштаб политики: 1) партия; 2) коалиция; 3) правительство; 4) международное объединение; и по направлению политики: 1) экономика; 2) безопасность; 3) экология; 4) наука; 5) культура; 7) здравоохранение. Дальнейшая конкретизация концепта осуществляется на субординатном уровне, где вышестоящий уровень подвергается более детальной дифференциации.

Premierminister Cameron und ich haben auch besprochen, wie wichtig ein stabiler Euro ... ist, weil unser Handel eng verflochten ist und wir in einem gemeinsamen Binnenmarkt auch gemeinsam Politik machen (Pressestatements von Bundeskanzlerin Angela Merkel und dem britischen Premierminister David Cameron, 21.05.2010).

В данном примере объективируются характеристики концепта POLITIK как суперординатного уровня с помощью лексемы *Politik*, так и субординатного уровня за счет лексем *Euro*, *Handel*, *Binnenmarkt*. Интеграция характеристик данного концепта с ядерным концептом матрицы «свой-чужой» позволяет канцлеру обозначить зону политических и экономических интересов Германии и Великобритании.

Концепт TERRITORIUM также включает набор иерархически организованных характеристик, среди которых характеристики суперординатного уровня (ограниченная часть земной поверхности):

1) регион, 2) страна, 3) часть света, 4) континент, 6) весь мир. Концептуальные характеристики субординатного уровня предполагают еще большую степень детализации: 1) конкретные регионы отдельной страны, 2) конкретные страны, 4) конкретные части света, 5) конкретные континенты.

Актуализируются преимущественно характеристики базового и субординатного уровней концепта TERRITORIUM с помощью ряда лексических средств (*Region, Land, Kontinent, Welt, global, international; Deutschland, Europa*). Менее репрезентирована характеристика суперординатного уровня (*Raum, Zone, geographisch*).

В качестве характеристик концепта RELIGION определены следующие: 1) религиозное направление, 2) высшие силы, 3) религиозные ценности. Объективация данного концепта осуществляется лексическими средствами (*Christentum, Islam, Gott, Nächstenliebe, Würde, Gleichheit etc.*), характеризующими как религиозную принадлежность канцлера, так и способность успешно воздействовать на адресата.

Содержательный план концепта ALTER включает такие семантические характеристики, как количество прожитых лет; соотносимость с определенной возрастной группой. Данный концепт актуализируется с помощью лексем типа *Generation, jung, früher*, позволяющих канцлеру выразить принадлежность или непринадлежность к определенной возрастной группе, характеризовать связанные с ней события и явления:

*Die Beziehungen zwischen unseren Völkern werden immer besondere Beziehungen bleiben. Das gilt auch für unsere **Generation**, die heute für die Politik der Bundesrepublik Deutschland Verantwortung trägt* (Pressesentiments von Bundeskanzlerin Merkel und Premierminister Olmert, 17.03.2008).

Стремясь подчеркнуть повышенное чувство ответственности и особое расположение Германии к Израилю, канцлер в данном контексте осмысливает концепт ZUGEHÖRIGKEIT в рамках концептуальной области ALTER, что позволяет нынешнему поколению Германии в лице Ангелы Меркель дистанцироваться от поколения времен Второй мировой войны.

Таким образом, анализ языкового материала в немецком политическом дискурсе, представленном в частности выступлениями действующего канцлера Германии Ангелы Меркель, позволил

выявить основополагающие ядерные концепты когнитивной матрицы «свой-чужой» (ZUGENÖRIGKEIT, NICHT-ZUGENÖRIGKEIT), области их семантической интерпретации (POLITIK, TERRITORIUM, RELIGION, ALTER).

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
2. Шевченко И.С. Становление когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2004. № 635. С. 202-205.
3. Schwarz M. Einführung in die Kognitive Linguistik. Tübingen: A. Franke Verlag, 2008. 298 S.
4. Tenbrink Th. CODA: Kognitive Diskursanalyse // Linguistik im Nordwesten. Beiträe zum 1. Nordwestdeutschen Linguistischen Kolloquium, Bremen, 10.-11. Oktober 2008. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2009. S. 117-134.
5. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №4. С. 17-27.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. Вып. (IV). С. 25-77.
7. Большой энциклопедический словарь: Языкознание (БЭСЯ) / Гл. ред. В.Н. Ярцева; Ред. кол.: Н.Д. Арутюнова и др. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 686 с.

Сведения об авторе

Нехорошева Алеся Михайловна
аспирант кафедры немецкой филологии
Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина
E-mail: nechall@yandex.ru

УДК 811.133.1'42

ВИЗУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

(на материале художественной прозы М. Пруста)

Т.С. Николина

*Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь*

Речь в статье идет о том, что визуальные стратегии, которыми руководствуется автор, обуславливают имагологические проекции и активно участвуют в установлении текстового пространства. Показано, что корпоральная текстовая константа представляет собой семантико-синтетическую констелляцию, а имагологическое поле выстраивается как результат транспозиции формы. Синтез визуальных, обонятельных, тактильных и вкусовых признаков усиливает фактурную динамику текста.

Ключевые слова: фактурность текста, визуальные стратегии, текстовое пространство, текстовая константа, имагологическое поле.

Visual Strategies of Building Textual Space (Marcel Proust's Prose Fiction)

Tatiana Nikolina

The article stipulates that visual strategies, used by Marcel Proust, condition imagological projections and shape textual space. The author demonstrates that the corporeal text constant is a semantic and synthetic constellation whereas the imagological field is formed as a result of form transposition. Synthesis of visual, olfactory, tactile and gustatory features intensify texture dynamics of the text.

Key words: texture of the text, visual strategies, text space, text constant, imagological field.

Максимальная семантическая емкость сообщения достигается за счет комбинации различных художественных средств, поэтому неслучайно, что в последнее время в лингвопоэтике возрастает интерес к фактуре текста, форме подачи текстовой информации в ракурсе интермедальности, взаимодействия различных видов искусства [1; 2; 3]. Речь идет о том, что творческий процесс ориентирован не только на передачу содержательных глубин, но и на придание этому содержанию живой, динамичной формы, всегда обусловленной временем создания. Гибкость пространственного абриса, которая проявляется в смене форм через череду семантических сгущений, разрежений, пустот, дает возможность проследить за соотношением, устанавливающимся между вербальным

материалом и его визуальной организацией. В свое время М.М. Бахтин отмечал, что автор никогда не может до конца оторваться от работы глаза [4. С. 216], и именно глаз, всегда локализованный в конкретном пространстве, становится имагологическим инструментом. В этом смысле поэтическая функция в художественном тексте актуализуется в ярком визуальном языке, а динамика композиционных элементов, перестройка фигур приводят к зримости объектов и явно выраженному визуальному эффекту. Визуальные стратегии, которыми руководствуется автор, обуславливают имагологические проекции и устанавливают текстовое пространство, обнаруживая идиостилистическую модель концептуализации действительности.

Так, у М. Пруста [5] в роли одного из главных компонентов этой модели выступает тело человека, а в способах представления корпоральных аспектов в тексте отчетливо проступают признаки фактурной динамики. Корпоральная текстовая константа и лицо как метонимический заместитель, которому М. Пруст уделяет особенно пристальное внимание, выполняют основную информативную функцию. Следует отметить, что хотя переживание тела целостно, при выражении его языковыми средствами оно приобретает определенную композиционность. И это не в последнюю очередь вызвано его восприятием в плане одинакового – разного (наиболее ценные – наименее ценные компоненты). Подобная фрагментированность, способность выступать в виде локальных телесных переживаний, в которой Р. Барт усматривал единственную возможность визуализации тела, задается самой языковой системой. То, что именно лицо вызывает особый интерес, не кажется случайным. Самое главное и наиболее индивидуальное в человеке обычно связывают с его лицом. Тем самым лицо предопределяет динамику в фокусном сосредоточении, а это делает его полюсом семантической конденсации и открывает возможности для альтернативных подходов к интерпретации текстовой константы и текста в целом.

Одним из приемов, которым пользуется Пруст при описании тела (лица), является следование правилам изобразительного искусства. *Лицо* в тексте предстает не только как «смысловая вещь», но и как «видимая вещь». Благодаря особым приемам автор придает «смысловой вещи» ярко выраженную визуальность:

- черты или компоненты лица соотносятся с конкретной формой живописно-графического изображения: *le joli dessin, un peu jauni et fatigué; avait l'air d'un pastel*. С приближением смерти описание лица переходит в скульптурный регистр;
- части лица способны создавать композицию. Детали лица находятся в определенных отношениях между собой, композиционно оформляются на данный момент, затем композиция может меняться: *les traits dénoués et pâles ou au contraire tendus et vifs, composaient le visage d'une étrangère*;
- лицо имеет перспективу. Динамизм лица проявляется через модификацию его изображения в тексте: фокусировка, выведение на передний план как отдельных компонентов лица, так и конкретного лица в целом (вычленение частного из общего), а также через последующее удаление или замещение: *Les ailes de son nez charmant étaient restées dans la perspective; au premier plan de son visage*;
- акцент на цветовой палитре. Колористический код у Пруста многофункционален. Посредством цвета маркируется как территориальное происхождение человека, так и его связь с родной почвой, ее климатическими особенностями и своеобразием флоры: *(son nez avait) aggravée encore par le voisinage d'un teint normand à la rougeur de pommes*. Лицо становится для Пруста экспериментальным материалом, на котором он исследует вибрирование цветовых тонов. В лице фиксируются малейшие изменения цвета, цвет потенциально динамичен и семантически насыщен. Каждый оттенок имеет свое значение. Пруст наносит один «мазок» за другим, уточняя и в то же время делая неопределенным увиденное. Усиление визуального эффекта от подобного перетекающего состояния цвета достигается и за счет заданного отношения между лицом и театральными декорациями, вводящего описание в контекст Русских сезонов и картин Бакста. Особенно подчеркивается цвет щек: он варьируется от светло-фиалкового до черно-красного и сравнивается с розовой эмалью, лилово-розовым цикламеном и пурпурной розой, производя разнообразные впечатления: от игривости до болезненности и порочности. Неслучайным выглядит при этом передача умирающего человека через скульптурную выбеленность лица, отсутствие на нем игры цвета – «неподвижность материи, преодолевающей идею движения» [6. С. 168];

- в плане восприятия происходит фокусировка на отдельных линиях, что ведет к динамике формы, сдвигу от живописности цвета к графичности. Однако и линиям Пруст придает фактурность. Они могут быть и пастельно-размытыми, и предельно четкими *la seule ligne oblique, entre tant d'autres, qu'on n'eût eu l'idée de tracer sur ce visage;*

- чередование ближнего и дальнего планов (расплывчатость / четкость). Лицо то удаляется автором, то приближается. Оно постепенно вырисовывается из бесструктурной массы, приобретая отчетливые очертания и уплотненную форму. По мере приближения немаркированная деталь приобретает характерные признаки. Лицо может быть *plat, sans dessous, composé d'une pièce unique et sans épaisseur*. Это происходит в том случае, когда оно не выделяется из массы других лиц, т. е. рассматривается в телескопическом плане. Однако если лицо по какой-либо причине привлекает к себе внимание, оно тут же становится носителем значений, предстает многозначным. Метонимия направлена здесь от целого к части (*blanche et vague constellation, nébuleuse indistincte et lactée* → *malicieux visage*). В телескопическом плане неопределенность лица маркируется отнесенностью общей массы лиц то к пространственному верху (*constellation*), то к низу (*polypier*), нечеткость сопоставляется с «желеобразностью». Напротив, появляющийся в ближнем пространстве и особо выделяемый образ отличается графической четкостью. Телескопическая оптика постепенно заменяется на микроскопическую. Микроскопия дает возможность исследовать отдельные «ромбики кожного покрова», продвигаясь по поверхности лица и даже проникая за его плоскость, вглубь, воспроизводя *douloureuse universalité d'un squelette*. По признакам значимости, эмоциональному и интеллектуальному воздействию на человека выстраивается психологическая теле- / микроскопия. Она может быть охарактеризована в семантическом плане использованием языковых средств, передающих идею четкости. Соответственно, противоположный полюс фиксируется как размытый. Однако наряду с этим следует выделить и временную теле / микроскопию.

Лицо в тексте Пруста рождается и проходит определенные стадии развития (от простейших микроорганизмов (полип) до сложно-составных существей (колония полипов, гроздь) и опять к

стадии одноклеточных), стареет и умирает. Именно посредством лица репрезентируется, по Прусту, смерть. Так, все, что остается в последний момент от человека, – это лицо, распадающееся на глаза, нос, родинку. При этом значимые компоненты вновь выводятся на ближний план, однако четкость их предстает двойственной: с одной стороны, они выделены на общем фоне, с другой – изображаются замутненными (*voilé, chassieux, obscurité*), т. е. наделяются признаками фона. Во временном плане лицо появляется в тексте как телескопический объект, затем моделируется под микроскопическим углом и с приходом смерти описывается со сдвигом от микро- к телескопическому ракурсу. Стадии восприятия лица фиксируются как хаос – космос – хаос. Первая стадия проявляется в отсутствии четкой структуры, вторая заключается в наделении относительным порядком, наличии графической или живописной определенности, тогда как третья стадия вновь возвращает к невзаимосвязанным отдельным фрагментам;

- выделение фигуры / фона. Лицо может раскладываться на части или представлять собой единое целое. Из двух приемов (дробление и объединение) Пруст больше тяготеет к первому. В визуальном центре оказывается наиболее примечательная часть лица, она становится фигурой на общем фоне. Одно лицо представлено как *le nez en colimaçon* и *la barbiche noire*, другое описывается следующим образом: *son nez avait choisi pour venir se placer de travers au-dessus de sa bouche*. Выделенный компонент наделяется конкретным значением. Форма носа, по Прусту, свидетельствует об определенном уме его обладателя или отсутствии ума. Физиогномические опыты Пруста делают возможными следующие корреляции: *le nez en colimaçon – quelque mentalité d'ingénieur pressé, grand nez de travers – la bêtise*. Динамику фигуре придает способность переходить в противоположную ипостась: она может ступшеываться, уподобляться фону. Для этого Пруст часто использует предикат *résorbé*: *le nez résorbé dans un visage; des joues effacées, résorbées*. В результате перенесения акцента на взгляд все лицо может представиться «затопленным». Визуальность формы проявляет себя и в жанровой транспозиции. Фактурная динамика передается при помощи монтажа портрета и пейзажа. Именно так между лицом и внешним пространством устанавливается тождество. Как ландшафт выражается посредством определенного пейзажа, так (по своему «рельефу»)

характеризуется лицо (лицо = пейзаж): *reliefs de fossettes et de plissements; au milieu d'une figure aride et déserte*. Причем на многомерность формы указывает стремление не только подчеркнуть рельефные особенности (графичность пейзажа), но и придать ему «климатическую» живописность. В этом случае перемены в лице фиксируются как погодно-климатические изменения пейзажа (лицо = погода, климат): *inondation du visage; leur figure avait tellement gardé l'humidité de la glaise malléable de leur rivière*. Суровый климат Бретани с ее скалами, свинцовым морем и розовым вереском совмещается с серебристо-розовым цветом лица (*son teint d'argent et de rose*).

К визуальной корреляции между лицом и конкретной местностью, в соответствии с которой лицо приобретает *pureté méridionale, matière du Nord, provincialisme, mine française, arlésienne pureté*, добавляется и аудитивная корреляция, при которой то же неразрывное единство с почвой представляет собой и голос. Так, *note grave* оказывается связанной с перигорской струной (*corde périgourdine*) вокального инструмента (*instrument vocal*) и чертами лица (*pureté méridionale*), а северному типу лица (*matière du visage du Nord*) соответствует северный тип голоса (*voix du Nord*).

Визуализация лица-пространства актуализует признаки протяженности, очертания, а также определенные пространственные параметры и переводит изображение в скульптурный регистр. В этом случае проявляется ориентир на пространственную и временную дискретность. Отсюда *un petit morceau de visage; avec sa figure d'où des segments entiers avaient disparu comme dans un bloc de glace qui fond et dont des pans entiers sont tombés*. Временной сдвиг передается через пространственную модификацию (лицо – единый блок, от которого откалываются фрагменты).

Уподобление лица пространству дает возможность фиксировать как плоскостное, так и трехмерное его изображение. В первом случае лицо предстает варьирующим в своем двухмерном измерении, даются его кинетические проекции. В линейной последовательности текста оказываются сближенными линия профиля с пятном фаса. Во втором – лицо трансформируется в своего рода вместилище, что подчеркивается предлогами *dans, à, avec*. Лицо как совокупность присущих ему компонентов выстраивается таким образом, что эти компоненты (глаза – зеркало души или признак ума; нос – признак

глупости) служат знаками определенных состояний человека, его моральных и физических качеств. Лицо может уподобляться пустому пространству (*vacant et spacieux*), прозрачной оболочке (*transparente enveloppe*). Заполнение этого пространства происходит таким образом, как если бы некая субстанция, помещаемая внутрь, оказывала воздействие на эту оболочку, «выдувала» определенную форму: *gonfler si parfaitement les joues, suivre en une adhérence si exacte la ligne du nez, nuancer la sonorité de la voix*.

Для Пруста чрезвычайно важна даже не рамка, хотя он и ее задает в целях охватить лицо одним взглядом в одном ракурсе, меняя изобразительную технику в передаче формы: *dessin, pastel, gravure, tableau*. Гораздо важнее оказываются трудноуловимые изменения в линиях, цвете, насыщенности, впечатлении, что находит выражение в сближении разнопорядковых семантических сущностей, связи далеко отстоящих в системе языка полевых комплексов и наделяет форму мобильностью. Динамизм непосредственно подчеркивается акциональными глаголами, используемыми в непрямом значении (*se détacher, dérober, palpiter, s'écailler, se gâter, brouiller* и др.), предикатами с характерной семантикой (*pâmée, rebelle, poussant, animé*). Более опосредованный характер носит игра аналогий. Эта игра может разворачиваться в сугубо визуальном регистре, и в этом случае динамизации формы способствует использование различных кодов в описании лица, одна тема исполняется разными голосами. Буквенный код или письмо-чтение в этом случае можно рассматривать как еще один прием в актуализации изобразительной техники. Лицо, подвергаемое расшифровке, уподобляется тексту, а его черты – буквам. Оно коррелирует в этих случаях с текстами, написанными на древних языках, непонятной клинописью, что затрудняет их «прочтение». Аналогия лица с тайнописью (*grimoire*), словом, начертанным в виде ромба (*quelque mot en losange*), загадкой (*devinette*), алгебраической задачей (*quelque problème d'algèbre*), для решения которой нужно вывести формулу, в идиостилистической манере выражает идею «непонятности» лица. Поэтому оно предстает такой сущностью, которая должна постигаться отгадыванием или расчетом (*mode géométrico*).

Растительный код, который можно трактовать как актуализацию связи между человеком и пространством (человек – всегда растение какого-либо места) в ракурсе связи портрета с пейзажем: *un nez,*

poussant, comme les capucines; des végétations légères, étranges, vertes et roses, envahissaient le menton. Базирующаяся на растительной аналогии метонимия помогает смешивать пространства и смещать временные рамки. Подобно тому, как за цветком стоят огрубевшие семена и дряблые клубни (*la fleur la plus fraîche → dures graines → mous tubercules*), за розовой плоскостью лица находятся толстый нос и отвисшая губа (*la rose inflorescence → un gros nez → une bouche proéminente*). Аналогия с растительным миром обнаруживается и в факте передачи друг другу типичных черт среди представителей одного рода. Растительные проекции лица, в результате которых появляются лицо-груша, щеки-нормандские яблоки, нос-настурция отсылают к композициям Дж. Арчимбольдо.

Стремление сделать акцент на постоянных метаморфозах, пластичности пространства лица, наполнить форму чувственным компонентом приводит к синтезу визуального, обонятельного, тактильного, вкусового планов, помогающему открыть различные свойства лица: *odorant, tactile, savoureux: à la chaleur d'une soirée sa mine se décompose et bleuit comme fait en moins d'un jour une poire trop mûre, ou du lait près de tourner.* Лицо сопоставляется то с перезрелой грушей, которая от жары теряет свои качества, то со свернувшимся прокисающим молоком, мутным забродившим сиропом, которые не слишком эстетичны на вид и неприятны на вкус. Благодаря комбинации визуальных, тактильных, обонятельных и вкусовых образов у Пруста возникает своего рода плетение, в которое складывается семантическое развертывание одного признака или оттенка, объединенное с таким же развернутым в пространстве текста другим признаком, провоцирующее, в свою очередь, вовлечение третьего признака, что в совокупности образует целую метонимическую «гроздь». Подобно окраске плода, оттенок кожи способен нести вкусовую и одоративную информацию: *restituer sous la couleur des joues ou de la poitrine, l'attouchement, la dégustation, les contacts interdits, ils donnent à ces filles la même consistance mielleuse.* Определенный характерный признак заключает в себе в свернутом виде целую подвижную алеаторную структуру, образующую по отношению к остальному семантическому материалу своего рода сгущение, осязаемую форму. Запах, вкус, консистенция становятся маркерами формы во времени, при помощи корпорального «катализатора» объект осваивается, возрастает степень его

отрефлексированности (*cette couleur, cet arôme dont la douceur finissait par s'incorporer en moi*), по ним же воспроизводятся объекты прошлого. Поэтому становится важным фиксирование формы в настоящем времени именно на чувственном уровне. Таким образом восстанавливаются недостающие звенья в прустовских синестетических цепочках: «глаза, в которых плоть становится душой», «телесные глаза», «поедать глазами», где видеть (обонять, пробовать, осязать) = понимать = знать.

Динамическим фактором, повышающим визуализацию лица, можно считать органопроекцию. Согласно концепции органопроекции [7], тело человека как бы продолжается в тех орудиях труда, которыми он пользуется. Эти орудия устраиваются по подобию человеческих органов, которые орудия «продолжают». Между органом и орудием устанавливается морфологическое тождество. Органопроекция характеризуется как сложный процесс, в котором могут быть в дальнейшем задействованы рудиментарные и потенциальные органы. Причем процесс этот проходит в разных направлениях: не только от внутреннего к внешнему, но и в обратном режиме, когда само соматическое пространство организуется подобно объектам окружающего пространства.

Применительно к анализируемому материалу органопроекция может коррелировать с развертыванием корпоральной модели, которая представлена многоступенчатой метонимизацией. На начальном этапе действия метонимического механизма происходит смещение, когда рядоположенность органов приводит к «изменению» их функционального статуса: *M. de Cambremer vous regardait avec son nez; en regardant Albertine avec ses lèvres*. Сам Пруст в данном примере объясняет, в силу чего становится возможным такое зрение: *par une transposition de sens*. Так, исторически первичным считается осязание, которое становится «прародителем» всех ощущений. В этом смысле зрительное ощущение является более развитым осязанием. Подобная органопроекция возникает не только в плане изобретения новых органов, но и в «профилировании» реально существующих, когда отдельный орган или компонент тела выделяется автором особо, вплоть до наделения его статусом самостоятельности или способностью служить наиболее репрезентативной корпоральной частью. В этом ракурсе представляет интерес не только уже отмечаемая у Пруста метонимическая транспозиция (от смещения по

функции к замещению человека компонентами его соматического пространства: человек → крылья носа; человек → глаза; человек → улыбка и др.), но и фокусировка в тексте на этом замещающем компоненте. Примером подобного оптического «прицела» у Пруста чаще всего становится лицо.

В некоторых случаях метафора служит причиной, вызывающей целый веер метонимий; отношения аналогии проецируются на отношения смежности, т. е. алгоритм развертывания корпоральной модели следующий: замещение одного из компонентов первого объекта другим компонентом второго объекта на основании тождества или аналогии, а затем наделение остальных компонентов первого объекта признаками или атрибутами второго объекта. Так, уподобление носа птичьему клюву приводит к распространению «птичьей» сущности на весь облик, затем птица конкретизируется, подчеркивается ее «царская», «божественная» порода, что приводит к «орнитологическому величию». Знакомство на берегу моря вносит в описание лица морской «контекст», так что в конечном итоге «поцеловать щеки» в этом контексте значит «поцеловать взморье» (ср. также портреты-пейзажи). Пруст неоднократно возвращается, подвергает рекритуре [8] заданные изначально аналогии, вплетая их в очередные обстоятельства, ассимилируя по принципу соседства, что устанавливает определенный ритм прозы. В свою очередь контактирующие семантические элементы таких блоков, ассонируя, рифмуясь, усиливают друг друга.

Опорные узлы таких аналогий можно представить в виде имагологической констелляции – поля, члены которого (языковые единицы) находятся в отношении концептуального согласования со словом-константой *лицо*. Коннотативное поле подразделяется на несколько семантических зон: небесные тела; живописно-графические объекты; растительно-животный мир; пространственно-ландшафтные особенности; погодно-климатические условия; продукты питания; звуко-буквенные и текстовые формы; театр. Кроме того встречаются несерийные коннотации, появление которых обусловлено общим контекстом: *ciboire* (религиозный контекст).

Для объяснения попытки Пруста передать пространственную форму существования лица (и – шире – тела) в тексте с точки зрения ее визуализации имеет смысл обратиться к приему суммирования зрительного впечатления, который существует в живописном

изображении, когда по отдельным фрагментам (в том числе и недостающим) зрителю предлагается воссоздать целое. Иногда суммирование уже задано, иногда его предстоит выполнить самостоятельно. Суммирование может представлять собой совмещение разновременных или разнопространственных явлений. Пруст, разбивая телесную цельность, вычленяя его значимые компоненты, пытается установить параллель между внешним и внутренним и тем самым суммировать временное и пространственное, постичь момент перехода одного измерения в другое.

Таким образом, *лицо* как репрезентант корпоральной текстовой константы представляет собой семантико-синтетическую констелляцию, выстраиваемую на основе взаимодействия вербального и визуального. Имагологическое поле устанавливается как результат транспозиции формы от геометрической к живописной, от портрета к пейзажу, от поверхности к глубине по законам изобразительного искусства и идиостилистическим визуальным стратегиям. Коммуникативная динамика достигается и за счет того, что эти визуальные стратегии, участвующие в формировании фактурности текста, отражают взаимодействие зрительных признаков с признаками другого порядка (другой сенсорной модальности: тактильной, вкусовой, обонятельной). Иными словами, обнаруживается связь между телесно обусловленной значимостью информации и ее представлением (визуализацией) в слове. И в общем плане текстовая константа как форморазвивающий участок пространства текста проявляет модально-семантическую разветвленность, а ее оптические композиции приводят к многоуровневой семиотизации.

Библиографический список

1. Степанов Ю.С. Семиотика, философия, авангард // Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин. М.: Академический проект, 2006. С. 5-32.
2. Фатеева Н.А. Идентичность личности автора и вариативность форм выражения в текстах авангарда // Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин. М.: Академический проект, 2006. С. 43-53.

3. Фатеева Н.А. Что происходит в языке и за языком: активные процессы в поэзии конца XX – начала XXI века // Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин. М.: Академический проект, 2006. С. 860-878.
4. Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 216-249.
5. Proust M. A la recherche du temps perdu. Paris: Gallimard, 2001. 2864 p.
6. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
7. Флоренский П.А. Органопроекция // Декоративное искусство. 1969. № 12. С. 39-42.
8. Николина Т.С. Рекритурa: от семантического инварианта к семантическому пространству // Известия Смоленского гос. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 253-261.

Сведения об авторе

Николина Татьяна Станиславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации
Белорусского государственного экономического университета.
E-mail: tatiana.nikolina@mail.ru

УДК 811.161.1'37-055.1/3

ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА «ВОЛЯ» ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

А.В. Синелева

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород*

В статье представлен опыт использования результатов ассоциативного эксперимента для выявления информационного содержания термина «воля» в неспециальной сфере функционирования с целью определения количества и точности отражаемых в сознании современных носителей языка существенных признаков с учетом гендерных различий.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, дефиниция, концепт, понятие, существенный признак, содержание понятия, термин, общеупотребительное слово.

Gender Differentiation of the Conceptual Meaning of the Term “Will”: Analysing the Results of an Associative Experiment

Anastasia Sineleva

The article presents the experience of using the results of an association experiment, conducted to determine the information content of the term “will” in its non-technical usage, in order to evaluate the accuracy and number of the term’s essential characteristics in the consciousness of native speakers, subject to potential gender differences.

Key words: associative experiment, definition, concept, term, essential characteristic, the content of the term, a common word.

Как известно, переход от чувственной ступени познания к логическому мышлению характеризуется прежде всего как переход от восприятий и представлений к отражению предметов, процессов, явлений в форме понятий. Понятия являются результатом длительного процесса развития познания, поэтому их образование – сложный диалектический процесс, который осуществляется с помощью таких логических приемов, как сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение. Понятие – это «необразное, выраженное в слове отражение действительности, которое обретает своё реальное мыслительно-речевое бытие лишь в развёртывании определений, в суждениях» [1. С. 512].

Согласно существующим взглядам на понятийное содержание терминов и общеупотребительных слов, «термин любой области знания выражает специально-профессиональное, научное или

техническое понятие, если он употребляется в условиях специальной профессиональной коммуникации. Функционируя в художественных произведениях или в условиях бытового общения, термин выражает бытовые понятия или общие представления» [2. С. 40], т. е. термины могут реализовывать и нетерминологические значения.

Последую классификации типов объектов познания в логике [3] термин «воля», анализируемый в данной статье, относится к теоретическим объектам познания абстрактного или идеального типа, представляя собой некоторые свойства и отношения предметов действительности, превращенные в самостоятельные предметы мысли, или результаты творческой деятельности мышления, не имеющие прообразов в действительности. Поэтому, учитывая специфику философских терминов, можно предположить, что состав признаков, выделяемых носителями языка в неспециальной сфере коммуникации, может быть достаточно разнообразным. Нельзя не согласиться с мнением И.А. Стернина [4], который считает, что лексикографическое значение часто оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи: оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка в неспециальной сфере коммуникации, при этом некоторые признаки лексикографического значения могут быть не отражены, и, наоборот, какие-то признаки, включенные в лексикографическое описание, могут оказаться периферийными.

В исследовании, результаты которого представлены в данной статье, ставилась цель определить, выделяются ли и насколько точно выделяются существенные признаки философского термина «воля» носителями языка в условиях неспециальной коммуникации, т. е. в какой степени отражено в сознании «усредненного» носителя языка научное понятие терминов, функционирующих в качестве общеупотребительных слов, и с какими фрагментами и тематическими областями языковой картины мира связана лексема «воля» в мужском и женском социально-культурном языковом сознании.

Психолингвистические исследования в гендерном аспекте показали, что ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин); а также что одни и те же

лексемы воспринимаются мужчинами и женщинами как имеющие разную степень положительной или отрицательной оценки. Кроме того, в качестве отличительной особенности мужской речи была отмечена терминологичность, что в данном случае представляет наибольший интерес, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора «профессия», большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи; оценочная лексика мужской речи чаще или стилистически нейтральна, или имеет отрицательную оценку, тогда как женская речь характеризуется значительно большей концентрацией положительной эмоционально оценочной лексики [5].

Выявлению особенностей коммуникативного поведения мужчин и женщин, особенностям ассоциирования на различном материале посвящен ряд работ Е.И. Горошко, которая объясняет различия мужской и женской речи функциональной асимметрией и различным строением мозга. Следствием этих различий является то, что вербальные способности женщин всех возрастных групп более высоки (речь в целом, беглость речи, правописание, навыки чтения, кратковременная память), тогда как у мужчин сильнее развиты пространственно-зрительные способности (чтение географических карт и определение направления, различение правого-левого) [6].

Учитывая, что гендерное направление в лингвистике, появившееся в 60-70 годы XX века, на настоящий момент имеет не очень длинную историю, эти выводы не являются абсолютно достоверными, но они, безусловно, задают направления дальнейших исследований на основе сформулированных на уже имеющемся материале гипотез с учетом различных факторов, влияющих на гендерное коммуникативное поведение (социальный статус, профессия, возраст, образ жизни и т. д.). Поэтому лингвистические исследования в гендерном аспекте, отражающие особенности ассоциативно-семантического пространства сознания, фиксирующие в языке культурно обусловленные стереотипы, накладывающие отпечаток на коммуникативное поведение, представляются достаточно актуальными.

Для решения вопроса о степени «терминологичности» слов, которые могут выступать и как термины, и как нетермины, необходимо проанализировать их понятийное содержание в

неспециальной сфере функционирования, а в качестве инструмента можно использовать метод свободного ассоциативного эксперимента.

Результаты ассоциативного эксперимента представляют собой модель вербальной памяти человека, отражают фрагмент образа мира того или иного этноса, закрепленного в сознании «усредненного» носителя языка, его культурных стереотипов. Ассоциативные поля обозначают «культурно заданные границы понятия, в пределах которого оперирует индивидуальное сознание говорящего... если ассоциативное поле есть отображение языкового сознания носителя языка, то оно может, следовательно, указывать на форму и способы хранения образов языкового сознания» [7. С. 262]. Материалы ассоциативного эксперимента дают результаты не избирательного, а массового эксперимента, что позволяет использовать их как источник уникальной лингвистической и паралингвистической информации; во-вторых, ассоциативные данные благодаря своей статистической «благонадежности» легко поддаются математической обработке, являясь уникальным материалом для выдвижения и проверки статистических гипотез; в-третьих, важно, что ассоциативные данные дают в очень удобной форме специфической для данного языка и культуры «ассоциативный профиль» лексических единиц и помогают выявить ассоциативное значение слова [8. С. 10].

Слово «воля», являясь философским термином, активно функционирует и в нетерминологическом значении. Значимость денотативного значения этой лексемы для носителей языка можно подтвердить многочисленными устойчивыми словосочетаниями, как то: *воля ваша, волею судеб, вольному воля, выйти на волю, дать волю, по доброй воле*, а также обширным словообразовательным гнездом: *вольная* (имя существительное), *вольница*, *вольно* (наречие), *вольно* (категория состояния), *вольнодумец*, *вольнодумный*, *вольнодумство*, *вольнодумствовать*, *вольнолюбивый*, *вольномыслие*, *вольнонаемный*, *вольноопределяющийся*, *вольноотпущенник*, *вольнослушатель*, *вольность*, *вольный* [9. С. 208-209].

В результате анализа содержания словарных статей философских, по определению В.М. Лейчика, привлеченных терминов [10. С. 50], т. е. относящихся к смежным областям знания (рассматривались термины философии и логики, было проанализировано около 200 терминологических единиц: абсурд, актуализация, аксиома, альтернатива, амбивалентность, абсолют,

абстракция и др.), была разработана общая структура фрейма, отражающего содержание словарных статей всех исследуемых терминов. Фрейм включает в разных комбинациях и количественном соотношении следующие элементы, или слоты, – абстрактные логико-понятийные категории, соотносимые с признаками или отношениями, отраженными в определении терминов и в содержании всех словарных статей: тождество (Т1 . . . TN), признак (А1 . . . AN), действие (Д1 . . . DN), функция (Ф1 . . . FN), значение (З1 . . . ZN), условие (У1 . . . UN), следствие (С1 . . . CN).

Логико-понятийная структура термина «воля» философского словаря под редакцией И.Т. Фролова [11. С. 101] может быть представлена следующими смысловыми аспектами.

Тождество: воля – сознательная целеустремленность человека на выполнение тех или иных действий (Т1). Признаки: наиболее ясно волевой характер действия или поступка проявляется в тех случаях, когда человеку для достижения цели приходится преодолевать внешние или внутренние препятствия (А1); начальным звеном волевого действия является постановка и осознание цели, затем принятие решения действовать, выбор наиболее целесообразных способов осуществления действия (А2); решающим для характеристики данного действия как волевого является исполнение решения (А3); сила воли не дана человеку исключительно от природы (А4); умение и способность принимать правильные решения, выполнять их и доводить до конца является результатом опыта, знаний, самовоспитания (А5); воля является свободной, когда выбор осуществляется правильно, в соответствии с объективной необходимостью (А6).

Приведем результаты проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул «воля» (испытываемые пропорционально представляют все возрастные и профессиональные группы городского населения; приведены только первые реакции; слова-ассоциаты расположены по мере убывания их частоты, которая указывается в конце ряда одинаковых реакций; реакции с одинаковой частотой упорядочены по алфавиту; 0 – отказ; последняя цифра – общее количество респондентов).

Воля (женщины) – свобода (21), Павел (14), сила (12), победа (5), разум (4), сила воли (4), к победе (3), кулак (3), смелость (3), неволя (3), стремление (2), желание (2), железная (2), сильная (2), бег,

быдло, выбор, декабристы, делать, несмотря ни на что, дух, заключенный, и неволя, и разум, испытание, мужество, мужчина, народ, настырность, независимость, Паша, подвиг, рвутся цепи, решение, свобода действий, сила духа, сила характера, стальная, стремление к свободе, терпение, труд, тюрьма, тяжелая, упорство, усилие, характер, 0 (4) (115).

Воля (мужчины) – свобода (25), сила (15), Павел (10), разум (6), победа (6), неволя (4), сила воли (4), твердость (3), тюрьма (3), власть (2), простор (2), слабость (2), стремление (2), асфальт, вдохновение, ветер, вольная, горизонт, горы, железная, земля, и разум, к власти, к свободе, к чему-нибудь, лес, настырность, пампасы, поле, преодолевать, раб, сила духа, сильная, суровая, тоска, триумф, труд, характер, хороша, цель, я, 0 (2) (115).

Значимость смыслового наполнения лексемы «воля», проявляющаяся в разнообразных лексико-грамматических структурах, а также подтверждающие эту значимость результаты ассоциативного эксперимента позволяют сделать вывод, что она репрезентирует концепт «мыслительное образование, обладающее относительной упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному предмету или явлению» [4. С. 24].

Концепт имеет следующую структуру: образный компонент, информационное содержание и интерпретационное поле. Образный компонент обнаруживается в лексикографическом значении многих слов и может быть сформирован в сознании носителей языка как в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств, так и метафорическим осмыслением предмета или явления. Информационное содержание включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее существенные отличительные черты предмета или явления – это дифиниционный минимум признаков, определяющих сущность концепта. Интерпретационное поле формируется когнитивными признаками, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, представляя собой

некоторое выводное знание, либо оценивают его. Интерпретационное поле представлено следующими зонами: энциклопедической, которая объединяет когнитивные признаки, характеризующие концепт, требующие знания его в результате взаимодействия с денотатом концепта, обучения или на основании личного опыта; утилитарной, объединяющей когнитивные признаки, выражающие прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями использования денотата концепта для каких-либо практических целей, его функции; оценочной зоной, которая включает в себя признаки, выражающие общую оценку (плохой, хороший, отвратительный и т. д.); регулятивной зоной, которая объединяет когнитивные признаки, что надо, а что не надо делать в сфере, «покрываемой» концептом; социально-культурной, представляющей когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа (традициями, обычаями, историей, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями и т. д.); мифологической, объединяющей когнитивные признаки, сформированные под влиянием мифологических представлений о денотате концепта, приписываемые ему стереотипным мифологическим сознанием; идентификационной зоной, формируемой когнитивными признаками, индивидуализирующими концепт, иллюстрирующими типичное материальное воплощение концепта в реальной действительности; паремиологической зоной, включающей когнитивные признаки концепта, объективируемых пословицами, поговорками и афоризмами [4. С. 17-80].

Представляется логичным соотносить степень «терминологичности» выбранной для рассмотрения лексемы с информационным содержанием и энциклопедической зоной интерпретационного поля репрезентируемого ей концепта.

В качестве существенных признаков понятийного содержания термина «воля», которые должны быть зафиксированы как соответствующие слова-реакции, если в ответе респондента в той или иной степени отражается терминологическое значение лексемы, могут быть выделены следующие: Т1 – *сознательная целеустремленность на выполнение каких-либо действий*, А1 – *препятствия, преодоление препятствий*, А2 – *цель, постановка цели, осознание цели*, выбор способа действия, способ действия, А3 –

решение, исполнение решения, А4 – сила воли, А5 – результат решения, выполнение решения, опыт, знания, самовоспитание, А6 – выбор, объективная необходимость.

Анализ частотных показателей слов-реакций показывает, что у респондентов обеих групп в семантическое ядро попадает нетерминологическое значение «свобода» и значение «сила», косвенно отражающее один из существенных признаков термина «воля» – *преодоление трудностей, препятствий*. У женщин информационное содержание составляет значение «разум» (6), в энциклопедическую зону могут быть включены следующие смысловые составляющие: сила (14), сила воли (4), стремление (2), делать, несмотря ни на что, испытание, мужество, настойчивость, сила духа, сила характера, терпение, труд, упорство, усилие, характер – значения, выражающие признак *преодоления препятствий, трудностей*; к победе (3), стремление к свободе – значения, отражающие *целевую установку* этого психологического акта; победа (5) – значение, соотносящееся с признаком *результат достижения цели*; желание (2), решение, выбор, свобода действий – значения, отражающие с некоторой степенью приближенности существенный признак *готовность, решение к выполнению каких-либо действий, начальный этап действий*.

У мужчин информационное содержание составляют значения «разум» (7) и «цель» (1), в энциклопедическую зону могут быть включены следующие значения: сила (15), сила воли (4), стремление (2), твердость (3), настойчивость, преодолевать, сила духа, труд, характер – смысловые составляющие, выражающие признак *преодоления препятствий, трудностей*; к свободе, к чему-нибудь, к власти – признаки, отражающие *целевую установку* этого психологического акта; победа (6), триумф – *результат достижения цели*.

Информационное содержание и энциклопедическая зона интерпретационного поля репрезентируемого концепта при определении точности и количества выделенных общественным сознанием в неспециальной сфере функционирования существенных признаков, составляющих содержание термина, могут быть рассмотрены как определенная оппозиция оценочной, идентификационной и социально-культурной и другим зонам, в которые могут быть включены следующие значения: свобода (21),

Павел (14), кулак (3), смелость (3), неволя (4), железная (2), сильная (2), бег, быдло, декабристы, дух, заключенный, мужчина, народ, Паша, подвиг, рвутся цепи, стальная, тюрьма, тяжелая – у женщин и следующие у мужчин: свобода (25), Павел (10), неволя (4), тюрьма (4), простор (2), слабость (2), асфальт, вдохновение, ветер, вольная, горизонт, горы, земля, пампасы, поле, раб, сильная, суровая, тоска, хороша, я.

Таким образом, терминологическое значение, закрепленное в сознании «усредненного» носителя языка (слова-реакции, отражающие содержание существенных признаков), составляет 4,3% у респондентов-женщин и 6% – у респондентов-мужчин. Значения с большей или меньшей степенью точности, что как раз характерно для бытового представления, отражающие существенные признаки, составляют 40% у респондентов-женщин и 34% – у респондентов-мужчин. Значения, представляющие комплекс чувственно-эмоциональных оттенков, составляют 55,7% у женщин и 60% у мужчин.

Проанализировав и сопоставив содержание выделенных существенных признаков термина «воля» и состав смысловых компонентов информационно-интерпретационного поля лексемы «воля», репрезентирующей концепт, закрепленных в сознании носителей языка, представляющих разные гендерные группы, можно отметить незначительное (не более 6%) преобладание терминологического значения и оценочно-идентификационных признаков у мужчин. Таким образом, несмотря на то что научное или специальное понятие является итогом целенаправленного логического познания, выражения недоступных для чувственного восприятия признаков объектов и явлений действительности, что составляет определенную оппозицию бытовым понятиям, формируемым в сознании носителя языка как результат непосредственного восприятия мира, как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мышления, значение философского термина «воля» реализуется в неспециальной сфере функционирования в достаточной степени, но все-таки как бытовое, а не научное понятие как у респондентов-мужчин, так и у респондентов-женщин. Можно также предположить, что не всегда имеет место расхождение в логико-понятийном и оценочном содержании ассоциативных полей у представителей разных

гендерных групп, что, безусловно, определяется в первую очередь смысловым наполнением, зависимостью от контекста, частотой функционирования в речи слова-стимула, если информанты – это равномерно представленный возрастной, профессиональный и социальный срез.

Библиографический список

1. Спиркин А.Г. *Философия*. М.: Гардарики, 2004. 756 с.
2. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. *Лингвистические основы учения о терминах*. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
3. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. *Логика*. М.: Владос-пресс, 2001. 528 с.
4. Попова З.Н., Стернин И.А. *Семантико-когнитивный анализ языка*. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
5. Арутюнян М.Ю., Баллаева Е.А. и др. *Теория и методология гендерных исследований*. М.: МГЦИ, 2001. 346 с.
6. Горошко Е.И. *Языковое сознание: гендерная парадигма // Методология современной психолингвистики*. М.; Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. С. 56-69.
7. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987.
8. *Словарь ассоциативных норм русского языка* / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.
9. *Словарь русского языка* / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т.1. М.: Русский язык, 1999. 673 с.
10. Лейчик В.М. *Терминоведение*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 255 с.
11. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.

Сведения об авторе

Синелева Анастасия Васильевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры преподавания русского языка
в других языковых средах
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: sinstasi@mail.ru

УДК 811.111'37(73):811.161.1'37:347.633

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ УСЫНОВЛЕНИЯ В США И РОССИИ

Н.П. Соловьева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются особенности американского и русского языков усыновления, анализируются социокультурные и идеологические причины выбора тех или иных лексических единиц. Показана роль процесса глобализации и стремления к языковой корректности в формировании и выражении определенных языковых идеологий.

Ключевые слова: языковая идеология, язык усыновления, корректность языка, глобализация.

Language Ideologies of Adoption in the USA and Russia

Natalya Solovyeva

The paper focuses on peculiarities of American and Russian adoption language and analyzes social and cultural reasons for the choice of linguistic units. It also shows the role of globalization and correctness of speech in constructing different language ideologies.

Key words: language ideology, adoption language, correctness of speech, globalization.

Язык, являясь одновременно продуктом и орудием культуры, обладает способностью отражать и формировать общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни и систему ценностей. Идеи о тесной связи языка и общества зародились очень давно. Имплицитное выражение этой мысли можно найти в утверждениях древнегреческих философов о возможности возникновения названий предметов на основе договоренности между людьми, в высказывании Г. Лейбница о языке как лучшем зеркале человеческого духа, в известном положении Вильгельма Гумбольдта, согласно которому язык возник как следствие необходимости в общении и является проявлением духа народа, в работах К. Фосслера, А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Вандриеса и целого ряда других исследователей. В глобализирующемся мире благодаря развитию средств массовой информации язык пронизывает все области социальной жизни, становится реальной общественной силой и могущественным инструментом влияния [1].

Цель исследования, представленного в настоящей статье, – выявление особенностей субъязыка усыновления как подсистемы языка, обслуживающей определенную сферу общения [2] в американской и русской лингвокультурах, описание роли национального самосознания и процессов глобализации в выборе языковых средств конструирования тех или иных языковых идеологий.

Посредником между социальными структурами и формами речи выступает идеология языка, основывающаяся на определенной социальной позиции [3; 4]. Языковая идеология – это модель лингвистического выражения социальных и культурных различий. Она кодифицирует языковые нормы и содержит понятия о социальных функциях той или иной разновидности языка [5].

Языковые идеологии также определяются как «очевидные идеи и цели, разделяемые группой в отношении ролей языка в социальных практиках членов группы» [6] и как «культурная система идей о соотношении языкового и социального в выражении этических и политических интересов» [7]. Многие исследователи, рассматривающие проблемы языковой идеологии с различных точек зрения, сходятся в том, что идеология языка основывается на опыте определенной социальной позиции индивида (группы). Понятие идеологии указывает на то, что все культурные концепции не нейтральны и отражают определенные интересы [8].

Представления о языке и социальной принадлежности индивида или группы, могут выступать как показатели социальных границ и функционировать как механизм исключения. Так как языковая идеология всегда содержит представления об экстралингвистических характеристиках языкового сообщества, выбор того, кто принадлежит к данному сообществу, а кто нет, включает процессы выстраивания границ с помощью языковых средств.

Языковые идеологии обеспечивают связь языка с групповой и персональной идентификацией, эстетикой, моралью, эпистемологией. Благодаря этой связи они поддерживают фундаментальные социальные институты. Изучение практик языковой социализации дает возможность исследовать функционирование языковых идеологий, их двойственность и противоречия. Представления о том, как, где и когда использовать различные формы языка или различные языки, отражаются в ежедневных социальных практиках [9].

Подобные речевые практики приводят к становлению основной модели, в которой идеологические притязания воспринимаются как «нормальный» способ мышления и поведения.

Однако разнородность общества обуславливает наличие множества идеологий, так как каждая социально значимая группа имеет свои интересы и формулирует свои взгляды на язык. Говорящие при этом сопоставляют свой социокультурный опыт с лингвистическими и дискурсивными ресурсами, наделяя языковые формы индексальным значением, которое связано с характеристиками их социокультурного опыта [10]. Экпликация таких индексальных значений служит средством натурализации границ социальных групп и обеспечивает продуктивность языковой идеологии в создании и репрезентации различных социальных и культурных идентичностей.

Обратимся к языковым практикам США, где по отношению к проблеме усыновления сформировались две оппозиционные социальные группы: к первой относятся приемные родители, психологи и работники социальной сферы, занимающиеся проблемами усыновления, которые рассматривают усыновление как помощь нуждающимся детям, как надежду для бездетных пар и необходимый шаг на пути к становлению гармоничного общества; ко второй относятся биологические родители, отдавшие детей на усыновление, и те, кто считает усыновление разрушением концепта естественной семьи, перечеркивающим традиционные семейные ценности. Полярность взглядов этих двух социальных групп привела к формированию оппозиционных идеологий в языке усыновления.

В 1970-е годы в среде американских социальных работников был разработан так называемый позитивный язык усыновления, направленный на разрушение негативных стереотипов об усыновлении. Для этого были отобраны максимально корректные слова, которые отражают уважение, достоинство и ответственность в отношении решений биологических и приемных родителей. Сторонники данного подхода (П.С. Бак, А. Сороски, Р. Паннор, А. Баран, Л. Кэмпбел, М. Спенсер, П. Джонстон) призывают внимательно подходить к выбору слов при описании практики усыновления, подобно тому, как тщательно отбираются лексические единицы в политическом или рекламном дискурсе.

В результате термин «*natural mother*» был заменен на «*birth mother*», так как употребление термина «*natural parent*» оскорбляло

приемных родителей и заставляло их чувствовать себя «*unnatural*». Аналогично рекомендуется избегать терминов «*real parent*», «*real family*», «*real mother*» в отношении биологических родителей, так как они намекают, что приемные родители являются не настоящими, «*artificial*». Также описание биологического ребенка как «*one of your own*» подразумевает, что только кровный ребенок является своим, а приемный – нет, что генетическое родство сильнее и надежнее, в то время как усыновление – это что-то временное и второстепенное.

Что касается беременных женщин, планирующих отдать ребенка на усыновление, их называют «*expectant mother*» до момента принятия окончательного решения и подписания договора, после чего в их отношении употребляется термин «*birthmother*». При описании принятия подобных решений рекомендуется использовать термины, подчеркивающие ответственность матерей за свои действия: «*make an adoption plan*», «*plan an adoption*» или «*choose adoption*» вместо «*surrender, relinquish, give up, abandon children*» [11].

В процессе усыновления рекомендуется также использовать конструкцию «*someone was adopted*» вместо «*is adopted*», так как при употреблении глагола в настоящем времени усыновление воспринимается, как какой-то дефект, требующий устранения.

К детям с различного рода отклонениями применим термин «*children with special needs*» ввиду того, что он не оказывает такого негативного воздействия на самооценку таких детей, как употребляемый ранее «*hard-to-place children*».

Однако, как показала практика, термины, созданные в рамках позитивного языка усыновления и кажущиеся более приемлемыми сторонникам одной идеологии, другими могут восприниматься как оскорбительные и вводящие в заблуждение. Эту позицию отражает так называемый «честный» язык усыновления, последователи которого, например, предпочитают термин «*natural mother*», считая термин «*birth mother*» пренебрежительным и подразумевающим, что после родов женщина перестает быть матерью и рассматривается как «*breeder*» или «*incubator*» [12]. Аналогично термин «*birth child*» сторонники честного языка усыновления предлагают заменить на «*natural child*» или «*child of one's own*», так как он считается пренебрежительным, подразумевающим, что ребенок является «продуктом рождения» («*birth product*»), произведенным для рынка

усыновления, и с момента своего рождения не имеет более связи с биологическими родителями.

Предпочтительным является употребление фразы «*surrender for adoption*» вместо «*place for adoption*», так как в прошлом практики усыновления часто способствовали передаче детей усыновителям против явной воли матерей. Несколько десятилетий назад незамужние и особенно несовершеннолетние матери были вынуждены отказываться от своих детей под давлением экономических факторов, негативного общественного мнения и воли их родителей, желающих скрыть «позор». Кроме того, считается, что фразы типа «*realistic plan*», «*make a plan*» и «*place for adoption*» являются нечестными, так как они минимизируют или же совсем исключают болезненные эмоциональные последствия разлуки детей и родителей [13].

Некоторые противники позитивного языка усыновления выступают против предложенного ими термина «*born to unmarried parents*» и некоторые люди, усыновленные в детстве, называют себя «*illegitimate children*», так как их отцы скрылись сразу или вскоре после известия о своем будущем отцовстве. В подобных случаях дети были рождены не «*to unmarried parents*», а «*to desperate women*», которых презирали и которым часто даже не давали взглянуть на ребенка, забирали его сразу после родов.

Также считается некорректным употребление термина «*children placed for adoption*» вместо «*unwanted children*», так как такие дети действительно воспринимались обществом как нежеланные [14].

Таким образом, сторонники честного языка усыновления обвиняют «индустрию усыновления» в создании и употреблении лексики, унижающей настоящих родителей и нацеленной на расширение «рынка» приемных детей. Кроме того, по их мнению, позитивный язык усыновления в своем стремлении к эмоциональной корректности не отражает всю противоречивую палитру чувств, испытываемых участниками процесса усыновления. Честный же язык усыновления призван защитить права детей и родителей, пропагандировать здоровый образ естественной семьи и подчеркнуть эмоционально-психологический аспект отношений в триаде усыновления.

Так как каждое языковое высказывание обусловлено ситуационным контекстом, значение тех или иных лексических единиц определяется комплексом отношений в контексте конкретной

ситуаций. Контекст при этом может пониматься не как нечто заранее заданное, а как создаваемое участниками в ходе вербальной интеракции в форме намеков, отсылающих к фоновым знаниям, находящимся в свернутом виде в подсознании коммуникантов [15]. Таким образом, одно высказывание способно передавать несколько разных смыслов, поскольку речевое значение той или иной единицы интерпретируется коммуникантами с учетом ситуационного контекста, а также социального и культурного опыта.

Интенсификация языковых и культурных контактов, вызванная глобализацией, привела к распространению американских моделей языка усыновления и мировоззренческих представлений, отраженных в нем, на языковые идеологии других стран. Так, в России, где проблеме усыновления прежде не уделялось так много внимания, ситуация стала меняться. По аналогии с позитивным языком усыновления, возникшим в США, российским журналистам сейчас предлагают выбирать эмоционально позитивные слова вместо эмоционально тяжелых, негативных, так как фразы с негативным, разделяющим, а не объединяющим подтекстом, создают в обществе ложное впечатление, что только биологические родители являются настоящими и что приемные родители настоящими родителями не являются [16].

Предлагается заменить коннотативно нагруженные термины на более нейтральные, например:

- «настоящие родители» на «биологические / кровные родители»,
- «родной / свой ребенок» на «кровный / биологический ребенок»,
- «детдомовец / сирота» на «ребенок, ожидающий родителей / нуждающийся в семье»,
- «ребенок алкашей и наркоманов» на «ребенок из неблагополучной семьи»,
- «незаконнорожденный» на «рожденный вне брака»,
- «ребенок-инвалид / калека» на «ребенок с особыми потребностями».

Под влиянием глобализационных процессов и коммуникативных практик появилась социальная пропаганда усыновления, в эфир выходят различные программы об усыновлении и видеодневники детей, нуждающихся в семье. Важным этапом стало

осознание того факта, что освещение проблемы отказа от ребенка и усыновления требует от журналистов и психологов особо внимательного осмысления проблемы и осторожности в подборе слов и выражений во избежание формирования негативных стереотипов.

Вместе с тем, несмотря на масштабность и интенсивность процессов глобализации, язык усыновления в России сохраняет определенную специфику. Так, российские матери, отказавшиеся от своих детей, остаются фактически «невидимыми» для общества. А матери, которые лишились родительских прав, вообще не имеют права голоса, усыновления являются полностью «закрытыми» [17]. Более того, такие родители, как правило, и не стремятся возобновлять контакт с ребенком и бороться за свои права. В результате чего идеи американского честного языка усыновления в нашей стране не находят широкой поддержки и развития.

Проведенный анализ не является исчерпывающим, а лишь намечает возможные пути более глубокого изучения рассматриваемой проблемы. Полученные результаты подтверждают интерпретативную природу значения, неразрывную связь языка и общественного сознания, раскрывают роль лингвистических механизмов защиты, оправдания и поддержания интересов различных социальных групп.

Библиографический список

1. Мелешкина Е.Ю. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М.: Изд-во «Весь мир», 2001. 304 с.
2. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учеб. пособие для студ. и аспирантов филолог. специальностей. Горький: Изд-во ГГПИИЯ, 1975. 174 с.
3. Гриценко Е.С. Вербальное поведение как способ конструирования социальной идентичности: культурные коды и стилистические модели // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 10. 2010. С. 44-57.
4. Woolard K., Schieffelin B. Language Ideology // Annual Review of Anthropology. 1994. No. 23. P. 55-82.
5. Schieffelin B., Woolard K., Kroskrity P. Language Ideologies: Theory and Practice. Cambridge University Press, New York, 1998. 338 p.
6. Heath SB. Social history // Bilingual Education: Current Perspectives. Vol.:1 Social Science, Arlington, VA: Cent. Appl. Linguist, 1977. P. 53-72.

7. Irvine JT. When talk isn't cheap: language and political economy // *Am. Ethnol.* 16(2), 1989. P. 248-267.
8. Hill JH. Mannheim B. Language and world view // *Annu. Rev. Anthropol.* 21, 1992. P. 381-406.
9. Blommaert J. Language Ideology // *Encyclopedia of Language and Linguistics (Second Edition)* / Brown K. (editor-in-chief). Vol. 7. Boston: Elsevier, 2006. P. 510-522.
10. Kroskrity P. Language Ideologies // *Companion to Linguistic Anthropology* / Duranti, A. (ed.) Malden, MA: Blackwell Pub, 2004. P. 496-517.
11. Johnston P.I. Speaking Positively: Using Respectful Adoption Language, 2004 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.perspectivespress.com/pjpal.html>.
12. Turski P. Why "Birthmother" means "Breeder", 2002 // Электронный ресурс Интернет: <http://foundandlostsupport.com/birthmothermeansbreeder.html>.
13. Kelly J. The Trauma of Relinquishment, 1999 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.birthmothers.info/kelly>.
14. Kearns D.L. Adoption Language, 2006 // Электронный ресурс Интернет: http://www.iaccenter.com/adoption_language.pdf.
15. Сусов И.П. История языкознания. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999 // Электронный ресурс Интернет: <http://homepages.tversu.ru/~susov>.
16. Позитивный язык усыновления. Разница в психологическом восприятии одного и того же действия названного по-разному // Электронный ресурс Интернет: <http://smi.usinovi.ru/language.html>.
17. Арчакова Т.О. Два способа говорить о «тех самых» родителях, из сборника конференции "Родительство в зеркале СМИ", 2009 // Электронный ресурс Интернет: <http://psypress.ru/articles/d17455.html>.

Сведения об авторе

Соловьева Наталья Павловна
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: fmnot@mail.ru

УДК 81'1:003

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СООТНЕСЕНИЯ КОГНИТИВНОГО И СЕМИОТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАГМЕНТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

А.В. Соснин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» – Нижний Новгород*

В статье речь идет о когнитивном характере семиотики и о возможности применения ее аппарата в когнитивных исследованиях языка. В качестве примера рассматривается моделирующий конструкт – лондонский (мета-)текст, т.е. «глобальная» вербализация концепта «Лондон», и предлагается программа его семиотической интерпретации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семиотика, моделирующий конструкт, Лондонский текст, мета-текст.

Cognitive vs. Semiotic Representation of the Real World in a Linguistic Study

Alexey Sosnin

The article dwells on the cognitive nature of semiotics and suggests using its methodology in cognitive studies of the language. To exemplify this point, the author considers the modelling construct of the London meta-text, i.e. the global verbalization of the eponymous concept, and comes up with a programme of its semiotic interpretation.

Key words: cognitive linguistics, semiotics, modelling construct, London text, meta-text.

По словам Н. Хомского, когнитивная революция, произошедшая в филологии, проявляет заинтересованность в состояниях разума, мозга и в том, как они проявляются в поведении человека, особенно в его когнитивных состояниях: знании, понимании, интерпретации, вере. Возникновение когнитивной лингвистики – это один из аспектов смены общей научной парадигмы, начавшейся в лингвистике в конце 1950-х годов и заключающейся в «снятии запрета» на рассмотрение глубинных ментальных конструктов. Когнитивистика «творит» в пространстве субъективного, неизменно включая в сферу своих непосредственных интересов «человеческий фактор». В центре внимания оказывается не только язык в неразрывном единстве его формы и субстанции, но и более высокое единство, а именно, единство языка и человека, действующего в

реальном мире, мыслящего и познающего, общающегося с другими людьми. Другими словами, когнитивный подход к изучению языка исходит из того, что ключевая роль в формировании языковых значений принадлежит человеку, как наблюдателю и как носителю определенных знаний и опыта. Однако при тщательном анализе когнитивных теорий в лингвистике складывается впечатление, что у когнитивистов нет четкой системы процедур для анализа фактов языка: рассматриваются связи между структурами знания и структурами языка (приоритет отдается первым), но они, по замечанию Р.М. Фрумкиной, неизбежно вплетаются в контекст множественных индивидуально обусловленных интерпретативных практик и субъективных ассоциативных приращений [1], т.е. зачастую сводятся к обыденной дескрипции. Для установления точных соответствий между языком и когнитивными представлениями необходим дополнительный методологический аппарат, когнитивный по сути, но более прецизионный. В качестве варианта мы предлагаем обратиться к семиотическому моделированию, что вполне закономерно: человеческое мышление является по своей природе знаковым; с другой стороны, по указанию Ч. Пирса, знак только тогда становится знаком, когда он используется как знак, то есть только тогда, когда он адресован кому-то и интерпретирован чьим-либо мышлением как знак [2. Том VII. С. 357]. Ч. Пирс также пишет, что «каждая мысль есть знак» [2. Том I. С. 538], что «мы думает только знаками» [2. Том II. С. 202] и что «все мышление есть только знаки» [2. Том V. С. 534]. В отечественной семиотике это прямо перекликается с когнитивными идеями М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова. Последний, в частности, подчеркивал, что «знаки возникают только в процессе взаимодействия между индивидуальными сознаниями. <...> само индивидуальное сознание наполнено знаками. Сознание становится сознанием, только наполняясь знаковым содержанием [3. С. 16]. Ср.: «Душа и знак имеют одну реальность. Вне знакового материала нет души» [3. С. 26]. Об этом пишет в своей программной статье и А.С. Самигуллина: язык – это одновременно и система знаков, замещающих предметы речи (область семиотики), и система символов, за которыми стоит духовный опыт людей (область когнитивной лингвистики) [4. С. 14]. Исследователь также говорит о важности для когнитивистов тех обобщений, которые можно

получить в семиотике в рамках собственно лингвистики – в так называемом «трехмерном пространстве языка»: синтактике (синтаксис, композиция, «морфологии текста»), семантике (отношение элементов к внешнему и / или литературному миру, означивание мира, его категоризация, статичная «картина мира») и прагматике (говорящий и пишущий субъект, его различные «Я», отношения между говорящим и слушающим, отправителем и адресатом, словесное воздействие, убеждение и т.п.) [5. С. 10]. Например, как отмечает А. Вежбицка в книге «Семантические примитивы», базовые реляционные понятия Сепира, фигуры Ельмслева, семантические компоненты Вайнрайха, семантические маркеры Бирвиша, элементарные смыслы Апресяна представляют собой своего рода лингвистические эквиваленты лейбницеvским человеческим мыслям, которые мысленно представимы сами по себе и через комбинации которых возникают остальные наши идеи [6. С. 234].

Приведем еще несколько замечаний касательно когнитивного характера семиотики. Когнитивными исследованиями было доказано, что при концептуализации действительности человеческий мозг пользуется одними и теми же структурными параметрами, применяя их в самых различных областях знания. Отсюда становится понятным внимание к структурным аспектам произведений в семиотике, поскольку именно они служат отличительным признаком на пути от хаоса к упорядоченности. Как отмечает Н.Б. Мечковская, отдельная семиотика представляет собой некоторую модель соответствующего фрагмента мира, в которой отображены те или иные черты и возможные состояния этого фрагмента. В информационных процессах конкретная семиотика функционирует как моделирующая система, с помощью которой субъект коммуникации моделирует в своем сознании соответствующий фрагмент мира и порождает актуальную информацию об этой действительности [7. С. 7]. Все информационные процессы (порождение и восприятие информации, ее переработка в ходе мышления) представляют собой процесс прохождения информации по цепочке – иерархии кодов внутри системы мозга, между отправителем и получателем сообщения в конкретном акте коммуникации, т.е. процесс внутримозгового перекодирования информации [7. С. 12]. При этом эксплицитной составляющей процессов приращения и накопления информации

является знакообразование или семиозис [8. С. 576]. В «Эпilogе» к «Очеркам по предыстории и истории семиотики» Вяч. Вс. Иванов, особо отметил необходимость семиотики для теории познания: «Задача семиотики – описывать семиосферу, без которой немислима ноосфера» [9. С. 791].

Ж. Пиаже указывает на то, что познание начинается с действия, а всякое действие повторяется или обобщается (генерализуется) через применение к новым объектам, порождая тем самым некоторую «схему», т.е. своего рода праксический (praxique) концепт (который, по Ч. Моррису, можно рассматривать как семантическое правило, определяющее употребление характеризующих знаков [10. С. 58]). Основная связь, лежащая в основе всякого знания, состоит не в простой «ассоциации» между объектами, а в «ассимиляции» объектов по определенным схемам, которые присущи субъекту. Этот процесс является продолжением различных форм биологической ассимиляции, среди которых когнитивная ассимиляция представляет собой лишь частный случай и выступает как процесс функциональной интеграции [11. С. 90]. В этой связи вслед за А.С. Самигуллиной можно отметить, что семиотика характеризуется имманентизмом, где формальная структура и является тем, что порождает значение [4. С. 14].

Стало возможным говорить об изоморфизме процессов порождения языка, текстов и культуры и применять психофизиологические данные о функционировании головного мозга для описания более высоких уровней. Ю.М. Лотман утверждает: «В полной мере это относится к аналогии между новыми открытиями в области мозговой асимметрии и семиотической асимметрией культуры. Прежде всего, это следует сказать о попытках прикрепить сложные культурные функции к левому или правому полушарию» [12. С. 24.]. Далее он добавляет: «Остается самое главное: убеждение, что всякое интеллектуальное устройство должно иметь би- или полиполярную структуру и что функции этих подструктур на разных уровнях – от отдельного текста и индивидуального сознания до таких образований, как национальные культуры и глобальная культура человечества, – аналогичны. <...> Идея культуры как двухканальной (минимально) структуры, связывающей разноструктурные семиотические генераторы, получает нейротопографический фундамент» [12. С. 25].

Одной из основных черт семиотики также является ее «текстовость» или, скорее, «метатекстовость», когда текст понимается как некоторая общая модель для группы текстов – в рамках ко-текстуальной теории текста, цель которой – построить некоторый текст-конструкт, общую идею, а затем породить все возможные воплощения этого изначального текста и сравнить их особенности [13]. Понятие «текст» стало выступать в значении ключевого семиотического объекта в конце 1960-х – начале 1970-х гг. «Текст есть результат и продукт семиотической деятельности, произведение языка, искусства, культуры. Он является организующим началом культуры, в более специальном отношении – ее моделью. Именно понятие текста помогло установить тот факт, что культура не является неким статическим, синхронно существующим целым» [14]. Вслед за Ю.М. Лотманом текст стал рассматриваться как «генератор смысла», как объект, который «принципиально гетерогенен и гетероструктурен» и, следовательно, являет собою «одновременную манифестацию нескольких (семиотических) языков» [15. С. 106]. Для Лотмана «текст в современном понимании» перестает быть «пассивным носителем значения»; вместо этого он становится «динамическим, внутренне противоречивым явлением» [15. С. 107]. Другим следствием такого взгляда на текст является заключение о том, что любой процесс восприятия по своей природе диалогичен. Диалог включает момент семиотической сопротивляемости получателя информации, который переживает столкновение языка сообщения с языками своей памяти [16. С. 29]. «Диалогичность», таким образом, является неотъемлемой характеристикой любого семиозиса и, следовательно, любого знака: «всякое понимание диалогично» [3. С. 104], а «слово диалогично по природе» [17. С. 151]. Как продемонстрировал, в частности, Д.К. Данов [18. С. 80], такому пониманию диалога находят поразительные параллели в работах Ч. Пирса, утверждавшего следующее: «Мышление всегда продолжается в форме диалога – диалога между различными фазами эго» [2. Том IV. С. 6]; «все мышление диалогично по форме» [2. Том VI. С. 338]. По Пирсу, этот тип диалога мотивирован тем, что «всякое познание логически детерминировано предшествующими опытами познания» [2. Том V. С. 265]. Поскольку «всякая мысль есть знак» [2. Том V. С. 253], она

сама «должна быть адресована какой-то другой мысли, влиять на нее, ибо в этом сущность знака» [2. Том V. С. 253].

Выявление новых закономерностей функционирования текста (в широком семиотическом смысле) позволило по аналогии исследовать деятельность человеческого мозга и обратиться к построению описательных конструкторов и даже моделей искусственного интеллекта, так как оказалось, что именно на основе текстов культуры проще и эффективнее строить модели, описывающие / имитирующие человеческий разум.

Действительно, как описать, например, ментальное представление об английской столице, концепт «Лондон», если не через субъективные смыслы, ментальные конфигурации, когнитивные метафоры и другие предельно общие когнитивные категории? Поставить ему в соответствие текст: «лондонский текст». Понятие городского текста было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком В.Н. Топоровым в 1973 г. в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления» [19], в которой говорится о том, что город имеет особые свойства, характерные структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания. В итоге город становится культурной семиосферой, не только средоточием цивилизации и культуры, но и неким сакральным топосом: на семиосферу накладывается сетка символично-мифологических представлений. В.В. Абашев объясняет появление городского текста следующим образом: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [20. С. 11-12]. Действительно, исследуя город / читая текст, человек устанавливает в кратковременной памяти непосредственные связи между объектами городского ландшафта / единицами прочитанной информации, а также делает логические и ассоциативные умозаключения. При дальнейшем исследовании / чтении построенные гипотезы получают развитие или опровержение. В семантической памяти каждое понятие

связано с другими понятиями, поэтому активизация в сознании одного из них вызывает цепную реакцию ассоциаций. Этот процесс продолжается до тех пор, пока дальнейшая активизация соседних пропозиций не представится нерелевантной. Город предстает как глобальный литературный текст, *архитекст*, открытый анализу в синхронической и диахронической перспективе.

Реконструкция лондонского текста (и, соответственно, выделение набора концептуальных признаков) осуществляется на основе семантического анализа произведений английской литературы с XVI по XXI вв., включенных в английский литературный канон (прим. 1), которые так или иначе связаны с Лондоном; причем сближает анализируемые произведения не только тема, но и сходная ее трактовка. По В.Н. Топорову, единство архитектеста определяет не столько объект описания с характерными для него климатическими, топографическими, этнографически-бытовыми и культурными условиями, сколько единая смысловая установка [21. С. 259-367, 368-399], или, другими словами, «предикация сходных признаков, актуализируемых во всем корпусе привлекаемых текстов» [22. С. 67]. Предикация, как известно, разделяется на два этапа. Первый этап (предикация в узком смысле) – это создание пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений – незавершенная предикация; второй этап (предикация в широком смысле) – утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности («реальной» или литературной) – завершенная предикация [23. С. 393-394.], т.е. интерпретация языковой последовательности относительно возможного «малого» мира, ситуации или эвентуальности в терминах привнесения новых семантических признаков в исходный, словарный, набор признаков, соответствующий лексеме «Лондон», и / или обнуления каких-либо признаков в этом наборе. Конкретный набор признаков, соответствующий лексеме «Лондон» в конкретном контексте, будем вслед за французскими лингвистами Б. Потье и Ф. Растье называть *семемой*. Положим, что есть функция (назовем ее *Extension* или EXT), которая на основе операций интерпретации (анализ, сохранение, конденсация, транспозиция, субституция, погашение, добавление [22. С. 54-55]) позволяет находить проявления сущностей в мирах, которые мы задаем в качестве аргумента. Так, если дан мир w и сущность L (выражаемая набором семантических признаков), то EXT

(L) (w) будет подмиром, который является проявлением L в мире w , т.е. результирующий набор признаков $L_l = \text{EXT}(L)(w)$ [24. С. 163]. Мир w – это трансформация «онтологически реального» мира W в зависимости от социолектных и идиолектных установок автора как конструктора текста / данного мира w и читателя как его деконструктора.

В качестве сущности L также могут рассматриваться семемы, входящие в *таксем*ы или классы семем, которые соотносятся по одной или нескольким общим семам с семемой, которая вербально репрезентируется лексемой «Лондон». Практически во всех текстах, где фигурирует наименование «Лондон», оно, прежде всего, истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/ (прим. 2) и /capital city/ всегда присутствует в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area// и //capital city// (прим. 3), в состав которых входят семемы ‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘capital’ (прим. 4). Данные семемы представляют собой гипогиперонимический ряд (ряды) и строятся на иерархии сем (например, по возрастанию степени урбанизации пространства). За счет изучения синтагматических и парадигматических связей этих семем и подстановку их в формулу $L_l = \text{EXT}(L)(w)$ представляется возможным выявить больше признаков лондонского текста, чем если бы мы в качестве L брали только «словарную» семему ‘London’. Суммируя полученные смыслы, которые выявляются в интерпретирующих семемах в зависимости от контекста, можно получить достаточно полное семантическое описание исследуемого текста, т.е. рассмотреть его в большинстве его проявлений. Выделенные семы косвенно соотносятся с признаками концепта «Лондон». Перечисленные семемы будем отождествлять с его уровнями или слоями.

Каждый элемент лондонского текста потенциально обладает всей суммой возникающих в разных ситуациях значений. Отсюда предельная неопределенность, стохастичность каждого элемента. Частная задача исследователя при таком подходе – выявление достаточно полного перечня регулярных семантических (статических

и динамических) отношений между семемами и их классами, значимых для корпуса текстов, которые входят в лондонский текст.

Выделение сем и семем осуществляется не референциально, а интенционально (прим. 5): семы определяются через отношения между семемами; эти отношения детерминируются лингвистическим и ситуационным / прагматическим контекстом; определение семемы также является исключительно дифференциальным. В противном случае возникла бы проблема описания безденотатных имен типа *esimtenopolis* («город-мир» применительно к Лондону) и трактовки метафорических употреблений типа *London is a prison*, не являющихся истинными с точки зрения референции к объектам действительного мира.

Анализ ментальных сущностей через семантическое исследование соответствующих им текстов, интеграция когнитивного и семиотического подходов позволяет решить ряд методологических задач:

- использовать в анализе строгие лингвистические процедуры;
- «примирить» языкознание с литературоведением (прим. 6) и «вторичными моделирующими системами» в рамках общего семиотического подхода;
- показать, что у концепта имеются не только «объективно истинные» признаки
- описать данный ментальный фрагмент с позиций диалогичности и приращения новых смыслов – в терминах актуализации потенциальных социолектных и идиолектных сем (появление новых интерпретаций текста в новые эпохи, его различные толкования различными социальными группами, текст как продукт не только автора, но и читателя).

Примечания

1. Литературный канон – совокупность произведений, которые имеют принципиальную значимость для социума и которые изучаются в средней и высшей школе в стране исследуемого языка. Именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка. В связи с определением литературного канона возникает ряд вопросов (об определении его границ, о «центральных» и «периферийных» авторах, о критериях отбора

произведений) [25. С. 76-93; 26; 27. С. 211-216.]. При этом необходимо помнить, что литературный канон – это аппроксимирующий конструкт, открытый изменению в диахронической перспективе.

2. /сема/ – условное обозначение семы.
3. //таксема// – условное обозначение таксемы.
4. ‘семема’ – условное обозначение семемы.

5. Интенционал, т.е. совокупность семантических признаков, определяет некоторую сущность, «вещь» возможного, хотя не обязательно актуального мира. Сам же возможный мир в семиотике – это мир, состоящий из предметов, индивидов, сущностей, соответствующих интенционалам какого-либо языка. Возможный мир строится по законам логики, он внутренне целесообразен и логичен, но его интенционалы не завершены экстенционалами, для них в определенном смысле нет необходимости находить существующие «вещи» в актуальном мире. Как отмечает Ч. Моррис, могут существовать знаки, по существу ничего не обозначающие, то есть имеющие недействительную денотацию. Само понятие знака предполагает понятие десигната, но отсюда не следует, что обозначаемые объекты должны существовать реально [10. С. 59]. Так, по замечанию Ц. Тодорова, фразы, составляющие литературу, являются «ложными» не в большей степени, нежели «истинными»; родоначальники современной логики (например, Фреге) уже обратили внимание на то, что литературный текст не поддается испытанию на истинность, что он ни истинен, ни ложен, он – вымысел [28. С. 358].

6. Для теоретического обоснования сходства языка и литературы «заместительный» принцип знака «*aliquid stat pro aliquo*» оказался недостаточным, и он был заменен «принципом высказывания». По словам Ю.С. Степанова, единство языка и литературы обнаружилось в том, что во всех их частях и разновидностях распознаются не знаки, а однородные «ячейки» другого рода – высказывания, в основе которых лежат пропозициональные функции с постоянными и переменными компонентами. Семиотику языка и литературы следует определять как науку о таких знаковых системах, которые обладают высказываниями [5. С. 8].

Библиографический список

1. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // ИАН СЛЯ. 1999. № 4. // Электронный ресурс Интернет: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA.HTM>
2. Pierce Ch.S. Collected Papers. Vol. I-VIII. Cambridge, Mass., 1931–1958.

3. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1930.
4. Самигуллина А.С. Когнитивная лингвистика и семиотика // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 11-24.
5. Степанов Ю.С. В мире семиотики (вступительная статья) // Семиотика языка и литературы. Переводы с англ., исп. и франц. языков. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 5-36.
6. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика языка и литературы. Переводы с англ., исп. и франц. языков. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 225-252.
7. Мечковская Н. Б. Семиотика Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 432 с.
8. Мечковская Н.Б. Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком (по данным анализа символики креста и мотивированных им знаков) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
9. Иванов В. В. Очерки по предыстории и истории семиотики // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М., 1998. С. 605-811.
10. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика языка и литературы. Переводы с англ., исп. и франц. языков / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37-89.
11. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика языка и литературы. Переводы с англ., исп. и франц. языков / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 90-101.
12. Лотман Ю.М. Асимметрия и диалог // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1983. Вып. 635.
13. Petöfi J.S. Transformationsgrammatiken und eine ko-textuelle Texttheorie. Frankfurt a. M., 1971.
14. Чернов И.А. Опыт введения в систему Ю.М. Лотмана // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 5-13.
15. Лотман Ю.М. К современному понятию текста // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1986. Вып. 736. С. 104-108.
16. Лотман Ю.М. Культура и текст как генераторы смысла // Кибернетическая лингвистика. М., 1983. С. 23-30.
17. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М., 1965 (1929).
18. Danow D.K. Bakhtin's Concept of the Word // American Journal of Semiotics. 1984. Vol. 3. Pp. 79-97.

19. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления // *Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague-Paris, 1973.*
20. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. 404 с.
21. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс– Культура», 1995. 621 с.
22. Бочкарев А.Е. Семантический словарь. Нижний Новгород: Деком, 2003. 200 с.
23. Степанов Ю.С. Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 393-394.
24. Бах Э. Неформальные лекции по формальной семантике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 224 с.
25. Hewitt K. *Understanding English Literature. Perspective Publications, 1997. 280 p.*
26. Bloom H. *The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York: Harcourt Brace & Company, 1994.*
27. Соснин А.В. Асинхронность в формировании литературного канона у представителей различных культур и синфазность восприятия лондонского текста // *Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод: Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 30-летию кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2010. С. 211-216.*
28. Тодоров Ц. Понятие литературы // *Семиотика языка и литературы. Переводы с англ., исп. и франц. языков / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 350-369.*

Сведения об авторе

Соснин Алексей Владимирович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород
E-mail: alexsosnin@mail.ru

УДК 811.112.2'2/44

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ОБЪЕКТНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ОБЛАСТИ МОДЫ

(на материале немецкоязычных рекламных каталогов)

Э.А. Хабибулина

*Тобольская государственная социально-педагогическая академия
им. Д.И. Менделеева, Тобольск, Тюменская обл.,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются словообразовательные возможности немецкого языка при образовании прилагательных цвета, базирующихся на сравнении и функционирующих в области моды и рекламы. Подчёркивается особая роль словосложения при образовании цветообозначений в немецком языке. Между тем в области моды и рекламы в последнее десятилетие отмечается тенденция к вытеснению сложных прилагательных более компактными цветоименованиями – монолексемами, представляющими собой метафоризированные отсубстантивные прилагательные.

Ключевые слова: объектное цветообозначение, словосложение, детерминативное сложное прилагательное, метафоризированное прилагательное, монолексема.

Structural Types of Object Color-Naming Units in Fashion (in German Advertising Catalogues)

Elvira Khabibulina

The article looks at German derivative comparison-based color-naming adjectives, that function in fashion and advertising, emphasizing the special role of word composition in German color-naming and describing the current tendency, prevalent in fashion and advertising, to displace compound color-naming adjectives with compact adjectives, namely: monolexemes representing metaphoric substantive adjectives.

Key words: object color-naming unit, word composition, determinative compound adjective, metaphorical adjective, monolexeme.

Ведущей словообразовательной тенденцией в развитии немецкого языка является тенденция к композитообразованию. М.Д. Степанова отмечает, что «этот способ словообразования существовал и играл значительную роль в немецком языке с древнейших исторически засвидетельствованных периодов его истории, ... общий процент сложных слов в словарном составе немецкого языка и в его основном словарном фонде непрерывно растёт» [1. С. 359]. Эта особенность немецкого языка проявляется в

образовании слов различных частей речи и различных семантических групп. Особую роль словосложение играет и в образовании прилагательных цвета, что подтверждается многочисленными исследованиями в данной области.

А.П. Василевич провёл ассоциативный эксперимент с целью выявления активного словаря цветоименований в 15 языках. По результатам эксперимента были сделаны выводы по преобладанию тех или иных структурных типов цветowych прилагательных в разных языках. В немецком языке (а также в эстонском и венгерском) существенно преобладают сложные формы прилагательных цвета. Специфичность этих языков проявляется в особенности в двусоставных сочетаниях типа *smaragdgrün* – *изумрудно-зелёный*, *feuerrot* – *огненно-красный*, которые в большинстве случаев более соответствуют норме. В русском языке, к примеру, доля таких сочетаний составляет менее 8% [2. С. 17].

Одной из наиболее ранних работ по изучению цветообозначающей лексики в немецком языке можно назвать работу Д. Кёниг, представляющую собой историческое и экспериментально-психологическое исследование и охватывающее большое количество цветообозначений, взятых из литературы, народных выражений и песен. В своей работе Д. Кёниг подчеркивает, что состав анализируемых ею цветообозначений включает в большинстве своем детерминативные сложные слова, которые базируются на сравнении и в которых первые составляющие взяты из различных тематических сфер [3. С. 201].

Д.Т. Сакаян считает, что «семантическая группа прилагательных, обозначающих цвет, в современном немецком языке обогащается главным образом путем словосложения. В результате очень активно действующих разнотипных словообразовательных моделей в современном немецком языке накоплено большое количество сложных прилагательных, обозначающих цвет» [4. С. 5]. Составленный автором немецко-русский словарь наименований цвета, содержит все засвидетельствованные на тот период времени прилагательные-цветообозначения (свыше 1500 лексических единиц преимущественно терминологического характера), преобладающая часть которых является сложными образованиями.

А.М. Куслик приходит к выводу о высокой продуктивности группы сложных прилагательных цвета, позволяющих с наибольшей

точностью обозначать цветовые оттенки [5. С. 9].

Исследуя особенности номинации вновь изобретаемых цветовых оттенков в немецком языке, Е.И. Радченко также называет группу сложных цветообозначений самой обширной среди цветообозначений-неологизмов. Она составляет около 70% всего исследованного ею лексического материала [6. С. 93]. Аналогичные тенденции проявляются и в отдельных ономазиологических сферах, например, словосложение играет основную роль в образовании лексики цветообозначений человека [7. С. 128].

В области модной индустрии и рекламного бизнеса, где перечень цветообозначений постоянно пополняется новыми образованиями, словосложение до недавнего времени также было доминирующим способом образования цветовых прилагательных. Это отмечено в статьях немецких исследователей Э. Оксаар [8], Э. Виттмерс и М. Пфютце [9], Х. Клаус [10], посвящённых цветообозначениям в области моды. Анализируя наименования цвета по словообразовательному критерию, они отмечают практически бесконечные возможности сложных прилагательных для создания многообразия цветовых оттенков в сфере моды и рекламы с ярко выраженной прагматической направленностью на потребителя.

В конце XX века Б. Леманн, рассматривая функционирование цветообозначений в двух популярных в то время модных журналах «Beueler» (1994) и «Heine» (1994), отмечает сокращение количества сложных прилагательных. Новой и ведущей тенденцией в образовании цветообозначений в области моды автор называет отказ от абстрактного цветонаименования, которое является основным компонентом в детерминативных сложных прилагательных. Доминирующее положение, таким образом, приобретают более компактные цветонаименования – монолексемы (Monolexeme), представляющие собой метафоризированные отсубстантивные прилагательные. Привычные некогда цветонаименования *weinrot*, *apfelgrün*, *senfgelb*, *smaragdgrün*, *indigoblau*, *camelbraun* в современных рекламных изданиях чаще появляются в редуцированном виде: *wein*, *apfel*, *senf*, *smaragd*, *indigo*, *camel* [11. С. 256].

Проведён структурный анализ цветообозначений, используемых на страницах немецкоязычного модного каталога «Otto» (2010-2012) и на соответствующем немецкоязычном сайте <http://www.otto.de>,

который подтвердил наблюдения Б. Леманна. Выявлено 260 прилагательных цвета, базирующихся на сравнении с цветовыми оттенками 198 объектов окружающей действительности (объектные цветоименования). Из них 170 единиц представляют собой односоставные лексемы и 90 единиц – адъективные детерминативные композиты.

Исследуемый материал можно разделить на три группы:

1. Сравнимый цветовой объект функционирует только в составе детерминативного сложного прилагательного. Данная группа представлена 33 лексическими единицами. Здесь можно отметить следующие категории объектов, которые, образуя цветообозначения, ещё сохраняют в его структуре основное название цвета: некоторые наименования явлений и объектов природы – *meerblau, sonnengelb, mitternachtblau, bergblau, maigrün*; топонимы – *oxfordblau, italienblau, delftblau, chinablau*; предметы, связанные с жизнедеятельностью человека (артефакты) – *porzellanweiß, jeansblau, flaschengrün, kaminrot*; наименования титулов, профессий – *königsblau, kardinalrot, jägergrün*. Как видим, объекты сравнения в данном случае не обладают ярко выраженным цветовым признаком и нуждаются в конкретизации при помощи абстрактного цветоименования. Лишь в единичных случаях в этой группе встречаются названия цветов – *kornblumenblau*, плодов – *avokadogrün, zitronengelb*, животных – *taubenblau*. В некоторых случаях объект ассоциируется с несколькими цветами и образуют несколько сложных прилагательных с разными абстрактными наименованиями цветов: *stahlblau – stahlgrau, paprikarot – paprikagrün, eisblau – eisgrau, nachtblau – nachtschwarz*.

2. Сравнительное цветоименование существует в двух модификациях – в виде монологемы и в виде сложного прилагательного. К этой группе отнесены 110 наименований, образующих между собой синонимичные пары или ряды: *royal – royalblau, tanne – tannengrün, koralle – korallenrot, karibik – karibikblau – karibikgrün*.

Объекты и предметы сравнения в данном случае и без дополнительной конкретизации ассоциируются у потребителя с определённым цветом. Например, часто встречающиеся в этой группе объекты водного пространства вызывают представления о синем / голубом цвете: *marine – marineblau, ozean – ozeanblau, pazifik – pazifikblau*; названия деревьев и травянистых растений ассоциируются

с зелёным цветом: *linde – lindgrün, schilf – schilfgrün, moos – moosgrün, gras – grasgrün*. В качестве элемента сравнения здесь также широко представлены следующие категории предметов: плоды (ягоды, фрукты, овощи), например: *himbeer – himbeerrot, pflaume – pflaumenblau, erbse – erbsengrün, mais – maisgelb, apfel – apfelgrün*; драгоценные и полудрагоценные камни, например: *smaragd – smaragdgrün, rubin – rubinrot, jade – jadegrün*; продукты питания и напитки, например: *kaffee – kaffeebraun, honig – honiggelb, senf – senfgelb, wein – weinrot*. Незначительным количеством лексических единиц представлены названия животных: *fuchs – fuchsrot, kamel – kamelbraun*; цветочных растений: *malve – malvenrot, viole – violablau*; красителей: *indigo – indigoblau, kobalt – kobaltblau*.

Цветообозначения этой группы находятся на промежуточной стадии перехода от детерминативных композитов к односоставным цветообозначениям. Оба структурных варианта пока ещё функционируют параллельно, однако анализ рекламных каталогов показывает, что по частотности сложные прилагательные уже сейчас уступают моноксемам. Композиты этой группы ещё употребляются в рекламных целях, но скорее только как дань существовавшей долгое время немецкоязычной традиции.

3. Около 120 сравнительных цветоименований представлены только в виде моноксемы, образованной при одновременном использовании адъективации и метафоризации / метонимизации: определённые существительные в результате метафорического или метонимического переноса становятся цветовыми прилагательными и приобретают значение того цвета, которым обладает обозначаемый ими предмет. В метафоризированных прилагательных используется образ, лежащий в основе наименования, который не конкретизируется дополнительным элементом, поясняющим название цвета, как, например, у композитов. В связи с этим возникает большая возможность ассоциировать название цвета с существующим у каждого носителя языка представлением об этом цвете, связанным с данным словом [7. С. 127].

Такие цветообозначения в большей степени соответствуют лаконизму рекламного текста, обладая большей семантической ёмкостью при экономии грамматических средств.

Б. Леманн выделяет несколько групп цветообозначений, в которых образ, лежащий в основе наименования, не конкретизируется дополнительным элементом, поясняющим название цвета [11. С. 253].

Во-первых, это монолексемы, которые уже так прочно вошли в употребление в качестве названий цвета, что не нуждаются в дополнительной конкретизации при помощи абстрактного цветообозначения: *bordeaux, flieder, türkis, khaki, oliv*. По свойствам они сами близки к абстрактным (основным) обозначениям цвета. Также сюда можно отнести наименования, которые хоть и не являются традиционными цветообозначениями, но будучи употребляемыми в этой функции, вызывают у потребителей достаточно конкретные цветовые представления. В исследуемом нами материале это в первую очередь названия плодов: *erdbeere, johannisbeere, brombeere, mandarine, pfirsich, tomate, aubergine*; травянистых растений: *dill, lauch, klee, fenchel, seegras*; напитков: *champagner, sekt, burgundy, мочса, espresso, capuccino* и др.

Для другой группы цветоименований конкретизирующий элемент несущественен потому, что на переднем плане находится не собственно их цветовое значение, а экзотическая привлекательность, создаваемая как раз цветовой неопределённостью в сочетании с монолексемным несклоняемым обликом. К этой группе относятся, например, названия многих цветочных растений, каждое из которых может цвести абсолютно разными цветами: *aster, petunia, erika, azalee, zyklamen, crocus, mohn*. Широко представлены здесь цветоименования, называемые Б. Леманном «импрессионистически аффективными» («impressionistisch-affektiv») – *herbst, nachtschatten, nebel, horizont, wolke, Eden, heide, savanna, dune, tundra, moor*. В то же время он считает, что подобные цветоименования, проявляющие труднодифференцированную цветовую соотнесённость, обречены лишь на короткое существование.

Небольшая группа прилагательных цвета в области моды заимствована из сферы профессиональной терминологии. В этом случае цветовой признак термина изначально чётко определен в области его научного применения и поэтому не нуждается в конкретизации при помощи абстрактного прилагательного: *ultramarin, indigo, umbra, magenta, ocker*. Однако вместе с тем можно отметить, что именно эти наименования всё ещё часто функционируют в виде сложных прилагательных, например: *indigo –*

indigoblau, kobalt – kobaltblau, ultramarin – ultramarinblau. Здесь принимается во внимание, что не всякий рядовой потребитель может разобраться в тонкостях цветовой терминологии.

Таким образом, анализ цветообозначений в немецкоязычных рекламных каталогах показал, что на современном этапе сложные детерминативные прилагательные, основанные на сравнении, всё ещё играют определённую, хотя и не ведущую, роль в многостороннем описании цветов в области моды. Однако тенденция развития языка такова, что композиты постепенно вытесняются односоставными метафоризированными прилагательными – монологсемами, более соответствующими требованиям языковой экономии и лаконизма в рекламном тексте.

Библиографический список

1. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953. 445 с.
2. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначения в языках разных систем / Отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1987. 157 с.
3. König J. Die Bezeichnungen der Farben. Umfang konsequenz und Übereinstimmung der Farbenbenennung, philologisch-historisch betrachtet sowie experimentell-psychologisch untersucht // Archiv für die gesamte Psychologie 60. Leipzig, 1928. S. 129-204.
4. Сакаян Д.Г. Сложные прилагательные, обозначающие цвет, в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 15 с.
5. Куслик А.М. Роль прилагательных, обозначающих цвет, в лексической системе современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967. 20 с.
6. Радченко Е.И. Аксеологический аспект обозначений цвета в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 142 с.
7. Кукушкина А.Т., Гайдукова Т.М. Цветообозначения в современном немецком языке (человек и части его тела): Монография. Нижний Новгород, 2009. 176 с.
8. Oksaar E. Über die Farbbezeichnungen im Deutsch der Gegenwart // Muttersprache. Wiesbaden, 1961. S. 207-220.

9. Wittmers E., Pfütze M. Farbbezeichnungen der Mode in beiden deutschen Staaten // Sprachpflege, Zeitschrift für gutes Deutsch, Heft 7. Leipzig, 1967. S. 136-140.
10. Klaus H. Beobachtungen zu den Modefarbwörtern in der deutschen Gegenwartssprache // Zeitschrift für germanistische Linguistik 17. Mannheim, 1989. S. 22-57.
11. Lehmann B. ROT ist nicht »rot« ist nicht [rot]: Eine Bilanz und Neuinterpretation der linguistischen Relativitätstheorie. Tübingen, 1998. 431 S.

Сведения об авторе

Хабибулина Эльвира Анваровна
старший преподаватель кафедры
романо-германских языков и методик преподавания
Тобольской государственной социально-педагогической
академии им. Д.И. Менделеева,
соискатель кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: elvira_khabibulina@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.112.2(091)

МОТИВ УВЯДАНИЯ В НОВЕЛЛЕ Т. МАННА «ОБМАНУТАЯ»

С.Н. Аверкина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье речь идет об одной из поздних новелл Т. Манна «Обманутая», посвященной теме старения и проблеме духовной и телесной зрелости. Несмотря на негативные оценки критики, обвинившей писателя в обращении к нелитературным темам, новелла представляет собой формально и содержательно богатый текст, полный аллюзий и сложно сцепленных мотивов. Физической смерти Т. Манн противопоставляет силу духа, побеждающую неизбежность телесного старения.

Ключевые слова: проблема возраста, мотив увядания, биографический контекст, аллюзии, мотивная структура, физиологическая деталь.

The Motif of Withering in “The Deceived” by T. Mann Svetlana Averkina

The article looks at “The Deceived,” one of the later stories by T. Mann, concerned with problems of corporate and spiritual maturity and ageing. Despite the reprobation of critics, who reproached the writer for choosing a subject inappropriate for literature, the story’s rich form and content as well as its many allusions and intricately interwoven motifs make it a powerful statement, where Mann opposes spiritual fortitude to ageing and physical death.

Key words: ageing, motif of withering, biography, allusions, motif structure, physiological details.

Новелла «Обманутая» («Die Betrogene», 1953 г.) – одно из поздних произведений Т. Манна, посвященное теме духовной зрелости и физического старения. Это очередной эксперимент писателя, ответ на знаменитую новеллу И.В. Гете «Мужчина пятидесяти лет» и автопародия на «Смерть в Венеции». Интересно, что героем рассказа является не философ или художник, а ничем не примечательная женщина в годах, довольная своей спокойной жизнью.

Т. Манн крайне редко делал женщину главной героиней. В качестве примера можно привести только идиллию «Песнь о ребенке», рассказ «Беспорядок и раннее горе», посвященные его

младшей дочери Элизабет, и роман «Лота в Веймаре», в котором фигура Гете определенно затмевает героиню.

Подобно И.В. Гете в «Избирательном сродстве», Т. Манн изучает «химию» взаимоотношений, выводит страшную формулу смерти. Проводя героиню через все фазы опасной болезни, начинающейся как чудо омолаживания и заканчивающейся неминуемой гибелью, он предупреждает об опасности наивного и доверчивого наслаждения соблазнами «негуманизированной», свободной от человеческой рефлексии природы.

Тема неизбежного течения времени вводит глубинную идею смирения, такую антимагновскую и такую важную для него. Не случайно, в конце новеллы героиня говорит: «Смерть еще одно великое средство жизни. Не обман, а благо и благодать». Так снимается упрощенная однозначность названия истории – «Обманутая».

Героиня новеллы – Фр. Тюмлер – живая темноволосая женщина, вдова, которая после смерти мужа возвращается на родину в Рейнскую область, откуда она и была родом. Именно на рейнском диалекте она высказывает самые сокровенные мысли, связывая их с естественными проявлениями человеческой жизни, которыми она зачарована и гордится. У нее развит женский и природный инстинкты. Она чуть ли не с первых дней замечает беременность; может сказать, счастлива ли женщина в браке; тонко сопереживает проявлениям природы – цветению, появлению плодов, уставляет комнату цветами. Уже само имя героини изначально указывает на природный ряд – Розали. Т. Манн описывает Розали в метафорическом контексте порождения («im Frühling geborene»). Она отмечает мельчайшие оттенки ароматов. Именно запах, атмосферу, а не абстрактную идею она просит передать в рисунке свою дочь-художницу.

Дочь героини Анна страдает хромотой. Возможно, отсюда ее аскетично-настороженное отношение к природе. Каждодневные прогулки по огромному саду утомляют ее. Как раз во время одной из таких прогулок возникает центральный диалог героинь о старении. Розали называет старость осушением, потерей благодатной боли (рождение и т.д.), смысла жизни для женщины. Анна, напротив, считает это достижением гордости и величия.

Этот разговор оказывается неслучайным. Дело в том, что последние дни Розали чувствует возвращение молодости, прилив сил. Это ее новое биологической и духовное состояние приводит к тому, что она позволяет себе увлечься молодым американцем, который уделяет ей знаки внимания. Однако оказывается, что героиня тяжело больна. На решающее свидание с молодым возлюбленным она не приезжает, умерев через несколько дней.

Интересно, что поводом для написания рассказа послужила реальная история, анекдот, рассказанный Катей Манн за завтраком 6 апреля 1952 г. Речь шла о стареющей мюнхенской даме из высшего общества, которая страстно влюбилась в учителя своего сына. Чудесным образом, вероятно, лишь благодаря силе любви, к ней вернулись месячные («Von einer älteren Münchener Aristokratin, die sich leidenschaftlich in den jungen Hauslehrer ihres Sohnes verliebt hat. Wunderbarer Weise tritt, nach ihrem entzückten Glauben kraft der Liebe, noch einmal Menstruation ein») [1. S. 675]. Женщина приняла это за возвращение юности, «весну любви» («Liebesfrühling»), но вскоре умерла от рака матки.

Сюжет новеллы полностью повторяет описанную историю, обрастая деталями и глубокими аллюзиями, поясняющими и дополняющими друг друга. Например, таинственное начало новеллы подкрепляется мифом об Амуре и Психее: «Деревья липы выглядели по-разному. Какие-то были определенно мужскими, другие – женскими. Благословенный Зефир легко спускался на женственную, робко ожидающую чудес природу. Она искала величайшего участия, которое могло ей дать чувство избранности... Запах роз – божественен. Он касается избранника, как Психея, касается спящего возлюбленного, наклонив над ним лампу. И, кажется, запах роз напоминает небесный аромат его дыхания, милых щек и локонов («Papelbäume seien zweihäusige Gewächse, bei denen die einen nur eingeschlechtig männliche, die anderen nur weibliche Blüten tragen. Liebedienste des Zephirs an den Kindern der Flur, seinem Hintragen des Blütenstaubes auf die keusch wartende weibliche Narbe – eine Art der Befruchtung, die ihr besonders anmutig schien... Rosenduft ist ein Götterduft, als Psyche sich mit der Lampe über den schlafenden Amor beugte, habe sein Hauch, hätten seine Locken und Wangen ihr Näschen gewiss mit diesem Wohlgeruch erfüllt, es sei Himmelsarom...») [1. S. 942].

Кульминация новеллы связана с ветхозаветным мифом о Саре, к которой вернулась молодость и женская сила. Тема возраста приобретает библейскую перспективу. Ему противопоставляется миф о сходе в ад («Unterweltsfahrt»), давно разработанный в «итальянских» новеллах писателя, во время кульминационной сцены поцелуя в подземельях замка Хольтерхоф, источающего запаха смерти («Todesluft des Grabes»). Герой полон дурных предчувствий: «На лоне природы, среди сладких ароматов жасмина и сливы, а не в этой могиле я должен был целовать тебя» («Im Schoss der Natur, umfächelt von ihrem Duft, im süßen Gedüst von Jasmin und Faulbaum....nicht in diesem Grabe sollte ich dich küssen müssen») [2. С. 1005].

И далее чувство тревоги, осознание, что герои нарушают какую-то запретную границу, выступают против естественного хода вещей и движения времени, усиливается благодаря образу «подземной Леты» – переправы через реку к замку. Возлюбленный Розали предстает Хароном. А романтическая громада средневекового строения – входом в лимб.

Мотив тревоги и неминуемого обмана пронизывает всю новеллу. Наиболее ярко он проступает в эпизоде, описывающем одну из прогулок Розали в ее прекрасном парке, где героиня наслаждалась видами природы и вдруг неожиданно почувствовала сладковато-обманчивый запах мускуса («Moschuss»), напомнившей ей эпизод из драмы Фр. Шиллера «Коварство и любовь». Мускусом пах яд, погубивший героиню.

Стоит обратить внимание и на название истории. Это реминисценция из А. Шопенгауера: «Обманутый волей жанра» («Betrogenen des Willens der Gattung»). Увлечшись ложным чувством легкости и прелести, героиня попала в ловушку коварной действительности.

За многими эпизодами, прописанными в новелле, просвечивает также личный опыт и размышления самого автора. Во-первых, решение переехать из Америки в Европу повлияло на разработку образа возлюбленного Розали – американца, учителя английского для сына Кена Китона, и привнесло в новеллу американскую тему.

Во-вторых, сложные отношения между женой Катей и старшей дочерью Эрикой безусловно переосмыслены в образе дочери героини, спорящей со своей матерью, и повлияли на трактовку темы женщины

и ее предназначения. Обе женщины соперничали в роли секретарей писателя; кроме того, Эрика переживала сложный возраст, страдала нервными расстройствами.

Также нельзя не учитывать собственный опыт болезни: в 1946 г. писатель перенес операцию на легких. После того, как была удалена раковая опухоль, Т. Манн стал еще больше задумываться над тем, как человек должен воспринимать болезнь и увядание. И здесь писатель продолжает быть верен себе, оставляя за собой право оставаться холодно-ироничным перед лицом серьезной опасности. О стиле хирурга Адамса он почти с восторгом говорит своей американской патронессе А. Майер: «элегантное, почти сенсационное хирургическое вмешательство...» («eleganten, beinahe sensationeller Eingriff von Dr. W.E. Adams») [З. С. 456-457]. Тем самым он противопоставляет волю человека к жизни силам возраста и разрушения.

Последний автобиографический обертон придает новелле Т. Манна его пристальная рефлексия на тему любви и старения (напомним, в 1953 г. Т. Манну исполнилось 78 лет). Устами главной героини Фр. Тюмлер писатель называет юность священной, недостижимой и женственной («Jugend ist weiblich»). Разговор о женственности юности вызывает в памяти гомосексуальный опыт Т. Манна, описанный и зафиксированный в дневниках и письмах: имеется в виду страсть к П. Эренбергу и К. Хойзеру, последнее увлечение молодым официантом в Швейцарии, ставшим прототипом Ф. Круля (вернее, это было гениальное совпадение – Т. Манн создал героя, которого потом встретил, возможно, подтягивая художественный и реальный образы друг к другу).

Сложный культурно нагруженный текст предстает в стройной музыкальной форме. Новелла состоит из трех условных частей, которые скрепляется рядом лейтмотивов, что, собственно, характерно для всех текстов писателя. Это лейтмотивы возрождения, весны женственности («Ostern der Weiblichkeit», в немецком варианте используется слово «пасха», делающее смысл еще более сложным и глубоким), цветения, крови (как знака плодородия и приближающейся болезни), смерти.

Несмотря на все достоинства, новелла была негативно воспринята и в Германии, и в Америке. Объяснить это можно тем, что Т. Манн обращается к «запретным», «нелитературным и

неновеллистическим» темам – климакса, рака, увядания, старения. Физиологический, диссонирующий текст создает эффект обманутых жанровых ожиданий. Диссонанс между морально-этическим пафосом и художественным достоинствами этого текста носит принципиальный характер. Автор намеренно поставил в один ряд взаимоисключающие, но и взаимодополняющие вещи: симптомы болезни героини «запаралелены» с природным циклом, с описанием пробуждения жизни, превращающимся в конце в холодный некролог, составленный с квалифицированной помощью врача из Берлина проф. Фр. Розенталя.

Один из исследователей новелл Т. Манна Дж. Пфейфер назвал стиль «Обманутой» «старческим авангардизмом» («Greisenavangardismus»). И эта мысль не лишена смысла. Т. Манн поднял важнейшую для европейской культуры тему. На сей раз он далеко вышел за грани декадентско-модернистского сознания. Это – прорыв, попытка прокричать о том, что долгое время находилось за рамками художественного мышления. Трансформация бытового, табуированного слова в литературно-художественное событие – одна из черт стиля позднего Т. Манна.

Эксперимент над стареющим телом и живым недремлющим духом автор продолжил и в собственной жизни. Размышляя о приближающейся смерти, он развил чрезвычайный эмоциональный аскетизм. Все чаще Т. Манн обращался к физиологическим деталям, описывая мельчайшие изменения собственного состояния, регистрируя каждое движение жизни в вырвавшемся из под контроля, непослушном, уставшем теле. Его последние предсмертные записи объясняют холодность и примирительно-ироничную интонацию, указывают на их глубокий человеческий смысл, свидетельствует о большой внутренней работе, о смелости и непреклонности природы художника перед природой смерти. [1. S. 2034-2060].

Проблеме увядания и зрелости Т. Манн уделял внимание и в других работах, например, в эссе «Эротика Микеланджело» (1950 г.). Автор трактует эротизм Микеланджело как бесконечную творческую силу в эпическом пределе старости. Размышляя о великом скульпторе, Т. Манн косвенно говорит о теме, волнующей его всю жизнь – о триаде «старость-эпос-эрос». На соотношении этих трех категорий выстраиваются его тетралогия «Иосиф и его братья» и многочисленные статьи о великих старцах немецкой литературы:

«Старик Фонтане» (1910), «Теодор Шторм» (1930) и Герхардт Гауптман» (1952). Тема соотнесенности эроса и эпоса положена в основу критических заметок Т. Манна о романе: «Толстой» (1928), «Искусство романа» (1939), в записках об А. Штифтере, И.В. Гете, Г. Гессе и некоторых других писателях.

Библиографический список

1. Harpprecht K. Thomas Mann. Eine Biographie. Stuttgart, 2000. 2254 S.
2. Mann Th. Die Betrogene // Mann Th. Gesamte Werke. In 12 Bd. Bd. 9. Berlin, 1975. S. 934-1009.
3. Thomas Mann. Handbuch. Stuttgart, 2001. 1036 S.

Сведения об авторе

Аверкина Светлана Николаевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: svetlana.averkina@land.ru

УДК 821.161.1"18"(091)

СТИХИЯ ДЕМОНИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРАХ А.С. ПУШКИНА И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

О.В. Ильина

Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск

В статье рассматривается проблема демонизма в художественных мирах А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, раскрывается понятие «демонизм», выявляются общие и отличительные черты представителей демонической стихии. Прослеживается отношение авторов к миру тьмы и к демоническим героям как ярким его представителям.

Ключевые слова: романтизм, демонический герой, разрушительное начало, ангел, свет и тьма, жизнь и смерть.

The Demonic Element in A. Pushkin's and M. Lermontov's Artistic Worlds

Olga Ilyina

The article deals with the demonic element in the artistic worlds of A. Pushkin and M. Lermontov, looking at fictional representation of "the demonic" in their work, outlining its common and distinctive features, and discussing the poets' respective attitudes to the world of darkness and demonic figures as its key.

Key words: romanticism, demonic character, destructive beginning, angel, light and darkness, life and death.

К одним из основных мотивов романтизма можно отнести мотивы двоемирия, всевластия зла и метафизического бунта, вследствие чего в мировой литературе появляется один из интереснейших персонажей – демонический герой. Демонические мотивы прослеживались в литературе раннего Средневековья и развивались на протяжении XVII – XVIII в. Джон Мильтон своей поэмой «Потерянный рай» (1667) перевернул представления о Сатане как аллегорическом источнике всемирного зла. В «Потерянном рае» на бунт против Бога Сатану толкает стремление к абсолютной свободе, нежелание подчиняться кому-либо и зависеть от чужой, пусть и божественной, воли. В первой песне поэмы поражение демонического героя заставляет его не склонить голову в покаянии, а напротив, развить бурную деятельность против Всевышнего. Он призывает на свою сторону единомышленников, строит пандемониум и посылает угрозы своему Создателю. Стремящийся к абсолютной свободе, не признающий над собой никакой власти, этот

демонический образ стал первоисточником для демонизма в литературе Байрона и многих других романтиков во всем мире.

В отечественной классике сюжет о падшем ангеле представлен в произведениях М.Ю. Лермонтова. К демонической тематике он обращается с раннего периода своего творчества. Внимание к ней объясняется общественной ситуацией 30-х гг. XIX в., а также развитием романтических традиций, для которых характерно внимание к постановке вопросов нравственности, морали и миропорядка в целом. В то время проблему демонизма стали раскрывать в своих произведениях как поэты, так и прозаики.

В книге «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» Б. Эйхенбаум писал: «Для абстрактно-метафизической поэмы, какой... представлял себе Лермонтов своего будущего “Демона”, в русской поэзии не было достаточно крепких традиций» [1. С. 128]. Однако с этим утверждением трудно согласиться, поскольку, во-первых, данная поэма не является абстрактно-метафизической. Во-вторых, русская поэзия обращалась к демонической теме до М.Ю. Лермонтова. Ярким примером этому могут служить стихотворения А.С. Пушкина «Демон» и «Ангел».

Помимо героев этих стихотворений, которые, несомненно, являются представителями демонической стихии, в творчестве Пушкина можно найти и других родственных им персонажей. Это Дон Гуан из трагедии «Каменный гость», Евгений Онегин и Борис Годунов (из одноименных произведений), а также Сальери из маленькой трагедии «Моцарт и Сальери».

Важно отметить, что само понятие «демонизм» восходит к библейской мифологии и обозначает отношение к миру, предельная цель которого – разрушение существующих духовных и материальных ценностей, вплоть до обращения мира в ничто. У демонических героев это проявляется в стремлении к абсолютной свободе воли, которая воспринимается, прежде всего, как свобода от моральных обязательств перед другими людьми. На первый план при этом возводятся собственные желания, не стесненные рамками добра и зла.

К таким героям в творчестве Лермонтова относятся Демон и Измаил-бей, Ангел смерти и Азраил (герои юношеских одноименных поэм), Кирибеевич из «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и Печорин из романа

«Герой нашего времени». Все они в той или иной степени являются носителями демонических черт.

Демонические мотивы постоянно возникают в лирике Лермонтова. Его демонические герои слишком рано встречаются с искушениями жизни, они не могут, по тем или иным причинам, нормально общаться с людьми, но и в одиночестве не чувствуют себя счастливыми («И скучно и грустно»). Эти герои разрываются между желанием действовать и пониманием бессмысленности своих поступков. И при этом они охвачены непонятной тоской и ощущением неправильности собственной жизни («Я все это уж знаю наизусть – вот что скучно!» [2. С. 258]).

Как отмечал еще Б.Т. Удодов, лермонтовский демон проявляется многообразно, однако можно проследить два типа его интерпретации.

1. Демон изображается как явление общечеловеческое, с ним связаны философские вопросы бытия (образ демона в разных редакциях одноименной поэмы, стихотворения «Мой демон», «1831-го июня 11 дня», в значительной степени роман «Вадим», баллада «Тамара»).

2. Демон представляется в конкретном виде, приближенном к условиям современной поэту России (юношеская драма «Два брата», «Маскарад», «Герой нашего времени»).

В обоих случаях действия демонического героя являются выражением его единоличного суда над миром. Зло, которое он несет, – это ответ на человеческую или даже божественную несправедливость. Мотивы поступков демонического героя сводятся в конечном счете к одному – это личная месть, которая приводит к борьбе с судьбой и Творцом. Это придает проблеме демонизма философскую окраску. Однако в основе демонизма всегда просматриваются попытки доказать несостоятельность этого мира. Отсюда – эксперимент как форма интеллектуального самоутверждения. И жизнь Демона в одноименной поэме, и жизнь Печорина в романе «Герой нашего времени» становятся цепью последовательно проводимых экспериментов. Эксперимент требует смелости, риска, отваги, – этим и питается обаяние демонического героя.

Начиная с драмы «Маскарад», в центре которой стоит ярко выраженный демонический герой Арбенин, в творчестве Лермонтова

преобладает изображение героя, нашедшего себе место в реальном быту, в повседневности. Это роднит лермонтовского героя с демоническими персонажами А.С. Пушкина. Драма «Маскарад» построена как ряд картин быта и нравов высшего петербургского света, однако изображенная в ней реальность имеет и своеобразный второй план: убийство Арбениным Нины – как следствие его общего, мировоззренческого заблуждения, неверия в душевную чистоту его жертвы, вина которой почти бесспорно доказана фактами. Здесь проявляется основное противоречие демонического героя: будучи обаятелен в своем скептическом отношении к миру, в ореоле принятого на себя страдания, он принципиально безынициативен (при всей своей личностной активности). «Он всегда лишь ответ на нечто, созданное не им, но им судимое произвольно, вслепую. И с “Маскарада” начинается преодоление Лермонтовым этого нигилистического явления» [3. С. 382-431].

Впрочем, демонический герой Лермонтова часто пытается противостоять своей темной сущности. Обычно у таких героев общая предыстория: вначале они верят в добро, любовь и Божественное провидение, потом разочаровываются в своих идеалах и ожесточаются против Создателя и всего мира в целом. Но одиночество и абсолютная свобода не приносят им ни счастья, ни покоя. Тогда они стремятся вернуть себя прежних, не понимая, что сами препятствуют примирению с миром:

Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.

[2. С. 576]

Но возвращение к прошлому невозможно. Когда демонический герой понимает это, он не стремится изменить себя, он обвиняет в случившемся Бога:

И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..

[2. С. 582-583]

Таким образом, отчуждение, скептическое отношение к миру (вплоть до отрицания существующего миропорядка) и мысли о мести

характеризуют многих демонических героев Лермонтова. Зачастую они сами признают себя представителями зла. Так, к примеру, Демон из одноименной повести говорит о себе как о «зле природы».

Пушкинские демонические герои также несут на себе отпечаток нечистой силы, но они существенно отличаются от лермонтовских персонажей. Прежде всего это различие проявляется в их бытийности. В произведениях Пушкина меньше метафизического, нежели у Лермонтова, и даже его мистические персонажи окружены бытовыми подробностями, лишены готического антуража. Смерть у Пушкина неразрывно связана с жизнью. Даже рядом с мертвым телом царит в его произведениях вакханалия жизни. Смерть не возводится Пушкиным на пьедестал; напротив, она лишь делает жизнь еще прекраснее, интереснее и насыщеннее. При мертвце Дон Гуан ласкает Лауру, при покойном затевает интригу с Доной Анной, которую завораживает само сочетание смерти и жизни, гроба и любовных игр. Даже смерть Ленского (в «Евгении Онегине») является не только трагедией, но и толчком к изменению жизни героев поэмы. И все это происходит не на фоне мрачных романтических декораций, а в окружении реалистичности, даже пошлости жизни.

Стихотворения «Демон» и «Ангел» наглядно показывают эволюцию образа демона в лирике Пушкина. В первом из них демон предстает перед читателями настоящим искусителем. Его появление пробуждает в лирическом герое тоску и печаль, которые так близки к унынию – одному из семи смертных грехов.

Примечательно, что лексема «демон» появляется только в названии, в самом же стихотворении данный персонаж представлен «каким-то злобным гением».

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.

[4. С. 184]

В первом стихотворении демон противопоставлен лирическому герою: свобода, любовь, «вдохновенные искусства» и надежды человека сталкиваются с насмешкой демона:

Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе... [4. С. 184]

Для демона не было ничего благословенного «во всей природе». Однако на жизнь он глядел «насмешливо» и не был показан уставшим от брэнности бытия, даже наоборот – наслаждался ролью искусителя.

Демон из второго стихотворения сравнивается с ангелом, но противопоставлен он все же демону из одноименного произведения Пушкина.

В стихотворении «Ангел» перед читателями предстает не насмешливый искуситель, а «дух отрицанья», что отсылает нас к образу Сатаны, имя которого переводится как «отрицающий».

Символично и само название произведения – «Ангел». В противовес «Демону», где внимание уделяется разрушительному началу искусителя, его тлетворному влиянию на жизнь лирического героя, второе стихотворение проникнуто божественным провидением и надеждой на искупление. Оно наполнено светом нежным, пронзительным, который заставляет демона «невольно» чувствовать «умиление» и признавать, что не все он «в небе ненавидел».

В «Ангеле» образ демона становится сложнее и многограннее. В начале произведения демон встречает ангела, и эпитеты показывают их различие: демон – «мрачный и мятежный», ангел – «нежный». Они оба названы духами, но если ангел – «дух чистый», то демон – «дух отрицанья, дух сомненья». Все стихотворение наполнено противопоставлениями: Эдем – ад, нежный – мятежный, умиление – презренье, сиянье – мрак. Они призваны показать, как различны не только библейские персонажи (ангел – демон), но и сама среда их существования, их судьбы.

Однако встреча с «божественным вестником» (как с греческого переводится лексема «ангел») меняет героя. Если в первом стихотворении «ничего во всей природе // Благословить он не хотел» [4. С. 184], то во втором чистота и нежность ангела впервые позволили демону испытать «жар невольный умиленья» и признать – в мире все-таки существует тот, кого он не мог ни презирать, ни ненавидеть. В этом признании можно увидеть не только отличие лермонтовского демона от пушкинского, но и различие авторских взглядов на мир: скептическое у Лермонтова, восхищенное – у Пушкина.

Если рассматривать стихотворения «Ангел» и «Демон» в тематическом единстве, то можно поэтапно проследить за развитием образа демона. Сначала он представлен существом отрицающим, для

которого нет ничего святого. Во втором произведении в его жизни появляется ангел, и «жар *невольный* умиленья» «*впервые*» охватил героя, меняя его в лучшую сторону. Подобное развитие происходит и с демоном Лермонтова в одноименной поэме. Только тем, кто изменил героя, стал уже не ангел, а смертная женщина, Тамара, в которую влюбился демон. Однако ангел в поэме, словно в противовес пушкинской истории, наоборот, не возвышает демона, а отбирает у него самое дорогое, заставляя в конечном итоге окончательно отречься от Бога. Ангел у Лермонтова – это непримиримый борец со злом, испепеляющий «строгими очами». Он может быть мягок и нежен лишь к тем, кто достоин любви, кто своими страданиями искупает грехи:

И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
...Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила –

И рай открылся для любви! [2. С. 582]

Ангел А.С. Пушкина в корне отличается от ангела Лермонтова из поэмы «Демон». Этот образ не так прост, как может показаться на первый взгляд. В его описании важны 3 детали, которые рисуют божественного посланника с другой, нежели у Лермонтова, стороны:

1. Ангел «нежный» стоял в *дверях* Эдема. Именно там его и увидел демон. Двери в Эдем предстают символом надежды на примирение «адской бездны» и небес Эдема, шансом вернуться домой для самого демона. Ангел не находился в раю, он сиял для демона перед Эдемом.

2. «Главой *поникшею* сиял». Поникшей головою ангел вызывает множество вопросов: устал ли он денно и ночью выполнять свою миссию или склонил голову в молитве? В стихотворении об этом не говорится, но этот герой вызывает умиление даже у демона.

3. В небольшом по объему стихотворении дважды упоминается «сияние» ангела. Символ света, сияния – один из важнейших в христианстве. Источником света признается сам Господь Бог. Свет освещает тьму, делая явными грех и ложь и указывая единственный путь к спасению.

Прости, – он рек, – тебя я видел,
И ты недаром мне сиял... [4. С. 268]

Когда демон просит прощения у ангела, он тем самым просит его у Бога, так как ангел – это вестник Создателя, передающий Его волю.

Таким образом, свет у Пушкина исцеляет тьму, тогда как у Лермонтова в поэме свет не столь милостив, он не дает тьме даже шанса на примирение, тем самым заставляя демонического героя бороться до самого конца.

В этом контексте прослеживается и отношение авторов к миру тьмы и к демоническим героям, как ярким его представителям. Если в поэме Лермонтова свет и тьма – вечные и непримиримые противники, ангелы бывают жестоки, а божественные законы не всегда справедливы, то в стихотворениях Пушкина тьма – это продолжение света, а смерть – необходимая часть жизни. Они – часть одного целого и даже в примирении не лишаются своего смысла, а лишь дополняют друг друга и выполняют свое предназначение.

Библиографический список

1. Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. М.: Автограф, 1998. 426 с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. / Сост. и комм. И.С. Чистовой. М.: Правда, 1988. Т. 1. 1024 с.
3. Удодов Б. Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. 704 с.
4. Пушкин А.С. Сочинения: в 6 т. М.: Правда, 1969. Т. 1. 528 с.

Сведения об авторе

Ильина Ольга Викторовна
аспирант кафедры русской классической литературы
Магнитогорского государственного университета
E-mail: Olgarik-4@yandex.ru

УДК 821.111:94(47)

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТОЧКИ ПРИТЯЖЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЯ*

С.Б. Климова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются современные художественные произведения английских авторов, посвященные русской теме. В работах разных рядов и жанров прослеживается внутренняя связь с западными традициями изображения России и определяется общая тенденция в современной интерпретации «русского» не только как экзотического «чужого», но и как общечеловеческого «своего».

Ключевые слова: образ России, современная английская литература, оппозиция «свое-чужое», литературный канон, новый поворот русской темы.

The Image of Russia in Contemporary British Literature: Points of Attraction and Repulsion Svetlana Klimova

The article explores consistent features of the Russian theme in the contemporary British fiction in which the action takes place in Russia. The author analyzes the ways through which the Western tradition of depicting Russia is realized in contemporary works of different genres and varying aesthetic value. The major tendency is formulated as interpretation of the Russian world less as an exotic 'alien' and more as the all-human 'self'.

Key words: the image of Russia, contemporary British literature, opposition 'self'- 'alien', literary canon, new turn of the Russian theme.

«Романисты от Ле Каре до Амиса помешаны на России. Ничего удивительного: она дает богатую почву для фантазий», – так начинается знаковая статья английского журналиста и писателя Эндрю Миллера, опубликованная в газете «Обсервер» (*The Observer*) 19 декабря 2010 г. [1].

Э. Миллер подчеркивает особенность настоящего момента: Россия, с конца 1980-х охваченная «историческими потрясениями» ('historical turbulence'), снова апеллирует к западным авторам поверх и помимо своей большой культурной традиции. В то же время эта новая волна «настроенности» на Россию парадоксально связывается

* Статья подготовлена в рамках проекта «Россия и русские в английской литературе на двух рубежах – XIX-XX и XX-XXI веков», поддержанного федеральной целевой программой «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (шифр «2010-1.3.1-303-016»).

Миллером с западным литературным канон изображения России как «страны зла» ('the other end of the ethical spectrum'): такой «минус»-хронотоп сам «выдает» подходящие испытания для героя.

Россия, как утверждает Э. Миллер, всегда была для Запада «кривым зеркалом» ('a distorting, fairground mirror for the West'), «чужим» в странном соединении со «своим». Вневременное «чужое» в России для Миллера – «дикость», современная его форма – анархическая власть «олигархии, мошенников», неуправляемой «толпы». В связи с этой мыслью Миллер цитирует знаменитое произведение Астольфа де Кюстина «Россия в 1839» (*La Russie en 1839*) о том, что в России «очень легко обмануться видимостью цивилизации» [2. С. 154]. Неслучайны, конечно, ни выбранная книга, ни цитируемые слова. Книга маркиза де Кюстина как «одна из самых ярких книг о тирании и коррупции» [3. С. 8] пользовалась популярностью в Европе не только в 40-х гг. XIX столетия, но и в эпоху сталинизма. Последний всплеск интереса к ней был отмечен на Западе в 1990-е гг. в связи с развалом Советского Союза. Она и по сей день остается для западного читателя важным источником размышлений о России [3. С. 6-7]. Однако для Миллера эта книга важна не тем утверждением вечности и неизбежности «деспотической тирании» в России, которое зачастую прочитывали в ней британские интеллектуалы XX века [4], а мыслью о дикости, неупорядоченности русского менталитета и бытия. Действительно, в его романе о России «Подснежники» (*Snowdrops*, 2010) снег выпадает вдруг, за одну ночь превращая старый город в «волшебное» место, герой непредсказуемо сталкивается то с олигархами, то с бандитами, а русские счастливы тем, что непохожи на других.

Э. Миллер в своей статье своеобразно улавливает современное ощущение «чужого» в образе России. Это ощущение далеко не столь однозначно, как та литературная и культурная основа, которая работает внутри него. Канон понимания русского как «чужого» определился в английской литературе гораздо раньше, в XIII – XVI вв. В это время в английской литературе складывается образ России как сказочной «демонической» страны («Роман о Трое» Сент Море 1180 г.). Русские в книгах XVI в. у Ченслера, Тарбервилла, Флетчера отчетливо и однозначно характеризуются как «лживые» или же, напротив, «прямодушные» дикари-варвары [5. С. 126]. На закрепление «демонического» образа в литературе работало, в том

числе изображение нашествия на Русь татаро-монголов как «выходцев из Тартара», темных, демонических «полудухов» («Великая Хроника» Матфея Парижского). Н.П. Михальская справедливо указывает, что «в английской литературе XVI в. сложилась модель образа России, который и в дальнейшем <...> будет возникать в произведениях писателей последующих эпох» [5. С. 29]. Схожим образом, английский исследователь П. Уаддингтон утверждает, что к началу XVII в. «большинство авторов могли использовать общий фонд знаний» англичан о России и что «упоминание о России и русских стало общепринятым, и даже обычным» ходом в художественной и нехудожественной литературе [6. С. 4]. В трактате английского писателя и мыслителя Роберта Бертона (Robert Burton) «Анатомия меланхолии» (*The Anatomy of Melancholy*, 1620) между прочим говорится и о России, ее тираническом государстве и ее варварском населении, склонном к обжорству [7. С. 77, 194].

В XVIII в. традиционная «демонизация» образа России получила политический сдвиг, который был не в последнюю очередь связан с укреплением российской политической и военной мощи при Петре I и Екатерине II. Отразились в английском литературном облике России и несоответствия между социальными и политическими свободами, достигнутыми англичанами в результате революции XVII в. (1642 – 1688), и автократическим строем царской России. Известнейшие английские поэты: Байрон, Вордсворт, Теннисон, Суинберн – на протяжении всего XIX века рисовали негативные образы России в русле стереотипных представлений о ее экспансионной политике и тираническом политическом устройстве [6. С. 23-223]. В печатавшихся в 1820-х гг. «русских главах» «большой поэмы» «Дон Жуан» Байрон изображает диких, жестоких казаков и иронизирует над непроизносимым хаотическим столкновением согласных в русских фамилиях. В конце 60-х годов XIX в. Теннисон изображает Россию «свирепо-дикой страной, в которой соединены доведенные до ужасных крайностей Власть и Страх» [8]. В 1890 г. Суинберн в своей оде «Россия» соединяет политический подтекст с мифологизирующей демонизацией и создает гиперболично отвратительный образ имморалистичного государства, окрещенного самим адом [9].

Рубеж XIX–XX веков, однако, явился пограничным для английского литературного образа России. В 1915 г. британский журналист и писатель Морис Бэринг отмечал в книге «Очерк русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*), что «среди английских интеллектуалов» «народился» «новый интерес к русской литературе» [10. С. 5]. Важнейшим импульсом этого интереса стал фактор собственно литературный и культурный – и его оценка в Европе. К концу XIX века русский роман стал признаваться и приниматься как особое культурное и литературное явление. Большую роль в этой оценке сыграла книга французского литературного критика Мельхиора де Вогиюэ «Русский роман» (*Roman Russe*, 1886). В ней, в частности, была проведена мысль о том, что русский реализм обладает «высшей красотой, движимой духом истинного сочувствия, <...> который был когда-то возвеличен в Евангелии» [11. С. 18].

Английские мыслители и художники, в частности, М. Бэринг, С. Грэхем, В. Вульф отталкивались от позитивистской картины мира, как от механистической, мертвящей, бездушной, и приходили к русской литературе, музыке, искусству, русскому характеру, как к явлениям, освященным религиозностью, мистичностью, душевностью. В статье Вирджии Вульф «Русская точка зрения» (*Russian Point of View*, 1925) говорится о «душе, которая есть основа русской литературы», «простоте» и «ощущении того, что в мире, полном страданий, главная наша обязанность – принять страдающего рядом с тобой <...> всем сердцем» [12. С. 239]. Новый слой западного образа России имел религиозно-мистическое прочтение и был связан с поисками новых духовных опор в эту эпоху.

В статье Э. Миллера присутствует и этот ведущий свои истоки от начала XX века импульс приятия русского. Русское у Миллера, однако, не полностью объясняется этим импульсом. Для него в «положительном» русском больше «своего», чем «положительного чужого», и в этом Миллер как современный автор дает новый ракурс улавливания русскости. Так, если слова Мориса Бэринга о добродушии, общительности и жизнерадостности русского человека [13. С. 160-162] прочитываются как «положительное чужое», противопоставленное «отрицательному своему» – механистической, искусственной европейской цивилизации, то у Миллера прямо, хотя и неоднозначно русское подается как «свое» христианской религии, высокой европейско-христианской культуры, а также индустриальной

мощи: «В то же время, Россия – европейская страна, предположительно христианская и индустриализованная» [1]. Связь с религиозно-мистическим прочтением, которое дало образу России начало XX века, проглядывает и в списке «великих русских авторов», в который Миллер включает Толстого, Достоевского, Чехова и Гроссмана.

В остром сочетании традиционно акцентированного «чужого» и нечетко проявленного «своего» в литературном образе России Э. Миллер видит большие возможности английской культуры для самопонимания, для предметного, углубленного двойственностью положений личного разговора о «своем» и «чужом» в родной культуре и о приемлемом и неприемлемом в человеческой культуре в целом. Его статья заканчивается размышлениями о том, что англичанин, герой его романа «обнаруживает, кем он может быть или даже кем он всегда был, только находясь в России» [1]. Одна из ключевых фраз-мотивов в романе – внутреннее рассуждение героя о жизни в России: «Это то, что я понял, когда растаяла моя последняя русская зима. Это не было знание о России. Когда отношения заканчиваются, с тобой остается непонимание другого. Ты узнаешь что-то не о том, кого ты любил. Ты узнаешь что-то о самом себе». [14. С. 249]

В этом смысле необходимо уточнить слова ведущего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Г.И. Вайнштейна о том, что «на протяжении многих веков Запад смотрел на Россию в значительной мере с целью самопознания. Это было «самопознание от противного»» [15. С. 18]. Представляется, что в современной английской литературе традиция изображения России как «минус-хронотопа» и русского менталитета как «минус-менталитета» («чужого», противоположного Западу) обретает иное положение во взаимодействии с порожденным новым временем изображением русского мира как «своего» и «общечеловеческого». Русская тема не только у Э. Миллера в его совсем не массовом триллере «Подснежники», номинированном на Букеровскую премию в 2011 г., но и у Бориса Старлинга с его романом о России 1990-х годов «Водка» (2004 г.), принадлежащим, скорее, массовой литературе, и у признанных классиков английской литературы: Джулиана Барнса с его рассказом «Вспышка» (*The Revival*, 1996 г.) и у Тома Стоппарда с его драматической трилогией

«Берег Утопии» (*The Coast of Utopia*, 2002 г.) – обладает по-разному и в разной степени выраженной многомерностью и общечеловечностью звучания. Через образ русского и русский хронотоп современные английские писатели ставят вопросы не только о России и русских, но об основах человеческой природы и человеческого бытия.

Роман Бориса Старлинга «Водка» открывается и завершается образом Москвы как «огромного города, подвешенного в неопределенности его противоречий: посреди дня и ночи, прошлого и будущего, востока и запада, разумности и безумия, красоты и безобразия, добра и зла» [16. С. 1, 660]. Это этический минус-город с его дорогими машинами, оружием, проституцией, азартными играми, банковскими махинациями, водкой, уродливыми зданиями, чеченскими и русскими преступными группировками и новой революцией. В то же время, это город, пленяющий внутренней свободой и самоопределенностью, философической, социальной, бытийной сложностью картины мира, стоящей за его образом и его жизнью. Это город, в котором национальные стереотипы – американца о русских как «отсталых, ленивых, безынициативных» людях и русского об американцах как о «зашоренной, империалистичной, хищной» нации [16. С. 100] – сталкиваются с реальностью человеческих характеров и социально-политических коллизий и высвечиваются во всей их ложной однобокости. Это город, который в завораживающей естественной сложности своей жизни, в жесткости борьбы человека с обстоятельствами оказывается полностью созвучен внутренним импульсам героини-американки Элис. Вращение в него происходит для героини параллельно с разрывом с американским миром, в том числе с подругами и мужем, и сопровождается пониманием меры собственной свободы и зависимости. Водка в романе Старлинга выступает метафорой русскости не потому, что (по известному стереотипу) все русские много пьют, но потому, что она в художественном мире романа многогранна и тонка в отношениях с людьми: она «анестетик» и лекарство, средство бесконечного самораскрытия и самосознания, прямая дорога к «другому» и путь к пониманию мира через чувства и интуицию.

О вечном, прошлом и современном – рассказ Джулиана Барнса «Вспышка» о «последней любви» Ивана Тургенева. В рассказе, как и в других своих произведениях, Барнс постоянно меняет точку зрения

и углы интерпретации событий и мотивов, давая все новые версии, задавая все новые вопросы и создавая тем самым постмодернистски неоднозначную картину отношений прошлого, настоящего и будущего (автора, читателя, человечества), с оттенком иронического недоверия любой «правде» о жизни. Из «русского» в этом рассказе о русском писателе-классике – хронотоп центральной России середины XIX века (Петербург, Орел, Мценск, Москва, Ясная Поляна), фамилии и имена персонажей; мелькающее то там, то здесь напоминание о традиционно сильном прозападном уклоне русской интеллигенции, и, самое важное, – идея «самоотречения». Идея эта, имеющая очевидные культурно-литературные корни в религиозно-мистическом и душевно-духовном прочтении Западом русского романа и русского характера в начале XX века, лишается, однако, свойственного ей ореола экзотической экзальтированности и романтической возвышенности. Она как основной мотив действия главного героя рассказа – Ивана Тургенева – получает целый ряд объяснений и оценок, в которых «русскость» ее звучания растворяется в множественности ее общечеловеческих вопросов.

Уже немолодой Тургенев влюбляется в рассказе в молодую актрису, исполняющую роль в его пьесе. Близости физической он предпочитает близость сердец, развитию любовных и страстных отношений – самоотречение и нежную переписку. Такая позиция одновременно оценивается как необходимая для человека-эскаписта, поставившего для себя внутренние барьеры неудачной любви (конкретно-личностная, психологическая версия); как логичная с точки зрения ограниченных возможностей дряхлеющего тела (физиологическая версия); как смехотворная с точки зрения современного прагматически мыслящего человека: «Наше столетие презирает предыдущее за его умолчания и общие места, за все эти вспышки, искры, огни и иносказательные ожоги. Любовь — никакая не лампада, Боже упаси, это напряженный член и влажное влагалище...» (современная западно-прагматическая версия); как единственно допустимая с точки зрения сохранения человечности и любви в человеке: «Вот аргумент в пользу мира самоотрекающихся <...> если мы накоротке с сексом, они были накоротке с любовью» (версия, ассоциирующаяся с прошлым и с традиционным русским «идеализмом»); как эвфемистическое выражение телесной близости: «А может быть, <...> мы просто-напросто принимаем за чистую

монету условности эпистолярного стиля? <...> И если так, то, возможно, придется <...> сделать вывод, что близость сердец тогда понималась столь же грубо, как и сейчас» (вневременная версия); как одна из архаических позиций, ушедших в прошлое навсегда точно так же, как уйдут и наши представления: «Как бы то ни было, насмехаясь над изысканными недотепами прошедшей эпохи, мы должны быть готовы к издевкам века грядущего уже над нами» (версия в перспективе будущего) [17. С. 220-223]. За читателем остается право выбирать свою версию самоотречения. Подсказка, однако, содержится в тексте – в его пронзительно лирическом финале, в котором умирающий Тургенев, целуя гипсовый слепок ее руки, пишет своей возлюбленной о неизменной верности своих чувств и в котором этот слепок, сохраненный в петербургском музее, скрепляет прошлое, настоящее и будущее.

Т. Стоппард посвятил русской теме большую и нашумевшую и на Западе, и в России драматическую трилогию. В интервью газете «Известия» он дает три причины своего обращения к образам русских мыслителей XIX века: интерес к историческим личностям, необычным характерам («во всю эту историю меня втянул Белинский»); любовь к русской культуре («каждый британский интеллигент пьет из источника русской культуры»); возможность поднять на этом материале актуальные сегодня общечеловеческие темы («Он [Белинский] одним из первых понял недостаток жизни в полной свободе, которая может обернуться хаосом») [18].

В трактовке «русского» как подчеркнутого, сконцентрированного или утрированного «общечеловеческого» Том Стоппард опирается, в частности, на идеи известного английского философа второй половины XX века Исая Берлина «Русские мыслители» (*Russian Thinkers*, 1978). Неслучайно в связи с этим упоминается его имени в интервью [18]. И. Берлин пересмотрел общепринятое западное восприятие А.И. Герцена, В.Г. Белинского, М.А. Бакунина (а вместе с ними и всех русских интеллигентов-радикалов) как «страстных фанатиков экстремальных идеологий» [19. С. xxiii] и пришел к выводу о том, что в феномене русской интеллигенции следует видеть не «иррационально-невротических» мечтателей, рожденных «мрачной» и «мистической» ментальностью русского народа, но «гиперболизированных представителей западной

культуры», наделенных преувеличенной силой «мысли, логики и прозорливости» [20. С. 142].

Образы русских радикалов в свете этого понимания следует «прочитывать» в трилогии Стоппарда не только как русские, но и как западные. Идеалист и анархист М.А. Бакунин, популист и либерал-революционер А.И. Герцен, демократ и идеалист, а затем разочаровавшийся в утопических идеях реалист В.Г. Белинский, эстет и пессимист И.С. Тургенев – все они предстают в трилогии «русскими» в их вере в идеи или в возможность обретения истины в диалоге с «другим», в их западничестве и в их приверженности теоретическим поискам правды, добра и справедливости.

В то же время, те вопросы, которые они поднимают в столкновении друг с другом и обстоятельствами жизни, – это вопросы российской и западной современности. Это вопросы об опасностях полной свободы, о хаосе и самодисциплине, о практическом действии и идеалах, о справедливости и любви. «Потому он и свободный человек, что отдает свободно. Я начинаю понимать, в чем фокус свободы...» – объясняет свое новое понимание свободы Герцен во втором действии «Кораблекрушения» [21. С. 215]. Трилогия заканчивается призывом Герцена «двигаться дальше», осознавая личную ответственность за каждый свой поступок: «Смысл не в том, чтобы преодолеть несовершенство данной нам реальности. Смысл в том, как мы живем в своем времени» [21. С. 478]. Призыв явственно несет в себе смысловой заряд, схожий с тем, которым отмечены заключительные слова Тома Стоппарда из его интервью «Известиям»: «Я верю, что в человеке помимо эгоистических позывов есть и способность умягчать свое эго. Построение справедливого общества целиком и полностью покоится не на насилии, не на тотальном контроле над людьми, а именно на этой счастливой нашей способности» [18]. В этом смысле отсутствие в структуре произведения героя-англичанина связано отнюдь не с углубленным «изучением» «российского интеллигентского дискурса», как утверждает в монографии Л.Ф. Хабибуллиной «Миф России в современной английской литературе» (2010) [22. С. 156], но со скрытым параллелизмом (и даже равенством) «русское-западное».

Отношения между публицистическими выступлениями Стоппарда и художественным миром его трилогии о России указывают на очевидный автобиографический и философский

поворот русской темы. Можно предположить, что именно с этим связана тенденция прочитывать «русское» как «общечеловеческое свое» в современной английской литературе. Косвенно это предположение подтверждается очевидной автобиографичностью другого философичного «русского» романа, правда, не английского, но англоязычного. Речь идет о романе современного писателя-классика Джона М. Кутзее «Осень в Петербурге» (*Master of Petersburg*, 1994 г.) [23]. В нем детективный сюжет и многослойная, многоголосая психологичность, наследуемые отчасти из произведений Ф.М. Достоевского, накладываются на автобиографический образ отца, потерявшего сына и скорбящего по погибшему, а также на философски-глубокую разработку (русской и общечеловеческой одновременно) темы отцов и детей.

Как видим, русская тема в английской литературе в начале XXI века вобрала в себя основные элементы литературного канона западного изображения России как страны дикой, опасной, даже аморальной, с одной стороны, и страны с высокой культурой и особой духовностью, с другой. Эти традиционные элементы, однако, получают новый поворот: от «чужого» современные авторы в образе России двигаются к «своему» – не только английскому, но общечеловеческому.

Библиографический список

1. Miller A. D. Why Western authors are in love with Mother Russia // *The Observer*. December 19, 2010. The New Review Section. P. 37.
2. Кюстин А. Де. Россия в 1839 году: в 2 т. / Пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 1. 486 с.
3. Epp L. The Marquis de Custine and the Question of Russian History (Review of Anka Muhlstein, *Astolphe de Custine: The Last French Aristocrat and Astolphe de Custine, Letters from Russia*) // *The Oxonian Review*. 2003, 1 March. Issue 2.2. P. 6-8.
4. Kennan G.F. *The Marquis de Custine and his Russian in 1839*. London: Hutchinson and Co, Ltd, 1972.
5. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 150 с.
6. Waddington P. From *The Russian Fugitive* to *The Ballad of Bulgarie*. Episodes in English Literary Attitudes from Wordsworth to Swinburne. Oxford / Providence: BERG, 1994. 304 p.

7. Burton R. *The Anatomy of Melancholy. Part I (The Cause of Melancholy)*. Ex-classics Project, 2009 // Электронный ресурс Интернет: www.exclassics.com/anatomy/anatomy1.pdf
8. Tennyson A. *Hail, Briton!* // Tennyson A. *Poems* / ed. by Ch. Ricks: in 3 vols. Harlow: Longman, 1987. Vol. I. P. 529-530.
9. Swinburne A.Ch. *Complete Works: in 20 vols.* London: W. Heinemann Ltd, New York: Gabriel Wells, 1925 - 1927. Vol. II. P. 130-136.
10. Baring M. *An Outline of Russian literature.* London: Williams and Norgate 1914-1915. 256 p.
11. Vogue E.-M., le Vicomte de. *The Russian Novel* / tr. from the eleventh French ed-n by Colonel H. A. Sawyer. London: Chapman and Hall Ltd, 1913. 324 p.
12. Woolf V. *Russian Point of View* // Virginia Woolf. *Collected Essays: in 4 vols.* London: The Hogarth Press, 1966. Vol. I. P. 238-246.
13. Baring M. *The Mainsprings of Russia.* London: Thomas Nelson and Sons, 1914. 328 p.
14. Miller A. D. *Snowdrops.* New York: Doubleday, 2011. 262 p.
15. Вайнштейн Г.И. *Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации* // *Неприкосновенный запас.* 2007. № 1 (51). С. 13-23.
16. Starling B. *Vodka.* London: HarperCollinsPublishers, 2004. 660 p.
17. Барнс Дж. *Вспышка* / пер. Мотылевой // *Иностранная литература.* 1999. № 1. С. 218-224.
18. Давыдова М. *Драматург Том Стоппард: «Свобода мнений душит голоса эпохи»* // *Известия.* 2007. № 184. 9 октября. С. 5.
19. Kelly A. *Introduction: A Complex Vision* // Berlin Isaiah. *Russian Thinkers.* London: Penguin, 2008. P. xxiii – xxxv.
20. Berlin I. *The Birth of the Russian intelligentsia* // Berlin I. *Russian Thinkers.* London: Penguin, 2008. P. 130-155.
21. Стоппард Т. *Берег Утопии. Драматическая трилогия* / пер. Аркадия и Сергея Островских. М.: Иностранка, 2007. 479 с.
22. Хабибуллина Л.Ф. *Миф России в современной английской литературе.* Казань: Казанский университет, 2010. 205 с.
23. Coetzee J. M. *Master of Petersburg.* New York: Viking Books, 1994. 250 p.

Сведения об авторе

Климова Светлана Борисовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: klimova1@hotmail.com

УДК 821.112.2(436)(091)

**В. ФРАНКЛЬ И ИДЕИ ЛОГОТЕРАПИИ И
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ТВОРЧЕСТВЕ
М. ГРУБЕР**

К.Н. Мишина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье речь идет о воздействии В. Франкля на творчество писательницы М. Грубер и идеях логотерапии и экзистенциального анализа, нашедших творческое выражение в произведениях писательницы.

Ключевые слова: логотерапия и экзистенциальный анализ, упрямство духа, упрямство фантазии, смысл, сверхсмысл, страдающий человек.

**Viktor Frankl and Ideas of Logotherapy and Existential Analysis
in the Work of Marianne Gruber
Ksenia Mishina**

The article describes the personal influence of V. Frankl on the work of M. Gruber and ideas of logotherapy and existential analysis reflected in her books.

Key words: logotherapy and existential analysis, obstinacy of spirit, obstinacy of fantasy, meaning, super-meaning, suffering man.

Венская традиция интеграции разных сторон культурной жизни [1. С. 5], которую подробно исследовал американский учёный У. Джонстон в своей работе «Австрийский Ренессанс» [2], нашла выражение во взаимопроникновении творчества известного философа, психолога и психотерапевта, создателя Третьей венской школы психотерапии – логотерапии и экзистенциального анализа – В. Франкля (1905-1997, Вена) и литературы Австрии. Школа В. Франкля известна не только в Австрии, но и за её пределами. Последователи теории и центры логотерапии и экзистенциального анализа находятся по всему миру: в Северной и Южной Америке, Европе, России, Китае и Японии. Интерес к теории и её практическому применению возрастает.

Хотя биография выдающегося ученого не очень хорошо известна широкому читателю, она охватывает целый век и отражает основные его взлеты и падения. В. Франкль – один из трех детей в еврейской семье Франклей. Он жил в Вене, пережил голод Первой мировой войны, стал врачом. Еще до Второй мировой войны начал

заниматься проблемой смысла, боролся с самоубийствами среди молодежи. После 1938 г. продолжил спасать от суицида еврейское население Вены. В. Франкль отказался от эмиграции в США (так как его родителям пришлось бы остаться в Австрии), а в 1942 г. был депортирован в концлагерь вместе с первой женой Тилли Гроссер, отцом и матерью, так и не дожившими до конца войны. Желание завершить начатый в 1942 г. труд «Врачевание души» (*Ärztliche Seelsorge*, 1946) во многом помогло В. Франклю выжить в лагерях смерти и справиться с глубочайшей депрессией после освобождения. В течение первых послевоенных лет выходит его бестселлер «И все же сказать жизни да» (... *trotzdem Ja zum Leben sagen*, 1946), пьеса «Синхронизация в Биркенвальде» (*Synchronization in Birkenwald*, 1946), другие книги. Все последующие работы посвящены целостной теории и практике логотерапии и экзистенциального анализа. Отметим, что сами термины появились в его работах раньше: логотерапия – в 1926 г., экзистенциальный анализ – в 1939 г. В. Франкль также является основателем вершинной психологии и своеобразной психологической теории личности.

В статье внимание сосредоточено на философском контексте логотерапии и экзистенциального анализа во взаимосвязях с литературой Австрии и, прежде всего, с творчеством Марианны Грубер (1944, Вена), автора психологической прозы, президента Австрийского литературного общества.

Представляется, что личность В. Франкля для писательницы М. Грубер в первую очередь связана с «темным временем» ее страны [3. S. 65], временем Третьего Рейха и Второй мировой войной. В. Франкль – связующее звено между прошлым Австрии и ее настоящим. Он человек, «порожденный» той же эпохой и страной, что люди, поддержавшие фашистов и национал-социалистов. Поэтому его жизнь и судьба дарят австрийцам надежду, он, «словно маяк, указывает путь заблудившимся людям сквозь опасности пошатнувшегося столетия» [4. S. 280-281].

Кто же такие австрийцы послевоенного поколения? Что представляет собой их культура и какова их новейшая литература? Действительно ли эти люди словно «бомбы замедленного действия», «заснувшие монстры», которые несут ответственность за историю, которую сами не слишком хорошо знают? [3. S. 65] Эти вопросы лишили покоя М. Грубер. Ответы на них она искала в мире

В. Франкля, в его книгах. Там она пыталась разглядеть трансцендентную категорию человеческого существования - дух и его упрямство. Именно эти сущностные качества искали австрийцы в послевоенной истории своей страны. Поиски особого австрийского «духа» или «настроения» занимали послевоенные поколения писателей Австрии.

Рискуя жизнью, В. Франкль и другие узники концентрационного лагеря Терезиенштадт тайно организовали джазовый концерт. О них М. Грубер напишет, что «эти немногие были Солью Земли» [3. S. 74]. Каким должен быть человек, способный остаться верным себе, невзирая на сложившиеся условия? Какими были люди, сумевшие разглядеть смысл в темноте? Они создали оазис культуры в тотальном времени-пространстве не-культуры, воцарившейся в стране. Этот феномен человеческой личности В. Франкль назвал «упрямством духа», волей к смыслу, которая в контексте его философии предстает как порождающая основа человеческой личности. М. Грубер переосмыслила идею «упрямства духа», превратив ее в «упрямство фантазии» – творческий потенциал человека в самом широком смысле: «До тех пор, пока хоть одно человеческое сознание существует, песнь повторяют, надпись читают, храм почитают, необратимость смерти безусловна» [5. S. 10].

В. Франкль для писательницы М. Грубер – создатель нового мира, в том числе и для Австрии, ведь он находит слова там, где их не находят другие. Он находит слова для надежды, которая возможна вопреки здравому смыслу, для страдания, которое человек способен преобразить в достижение, для вины, превращающейся в пресуществление, и для брэнности человеческого здесь-бытия (Dasein), которое может являться стимулом ответственного поступка [6. S. 87]. В. Франкль находит для старых слов, а вместе с тем для давно существующих феноменов человеческого существования, новый смысл и новые обозначения.

В 2004 г. выходит роман М. Грубер «В Замок» по мотивам творчества классика австрийской литературы XX в. Ф. Кафки. К. в романе «В Замок» заявляет, что хочет покончить со старым миром, чтобы дать возможность возникнуть новому. Если в романе Ф. Кафки происходит разыменование мира, то К. в романе «В Замок» занимается поименованием или переименованием его. Утверждая себя как Йозеф К., он утверждает и всё вокруг. Оказавшись в пустом

Замке, К. «всем комнатам [...] придумывал названия – по фамилиям, написанным на дверных табличках, или по тому, что, возможно, происходило в них в те времена, когда здесь всюду кипела жизнь, по тому, чем он сам мог бы в них заниматься, выдумывал названия в честь времен года и сторон света» [7. С. 324]. Одновременно с этим комнату постепенно и неотступно наполняет снег – символ смерти. В каждом начале заложен конец [5. S. 7]. Так, К. должен принести себя в жертву, чтобы дать начало новому миру. Роман М. Грубер заканчивается предложением: «Это был новый мир» [8. S. 231]. Но в первоначальном, отвергнутом ей варианте, было иначе: «Он был новым миром» [9. S. 211].

Упрямая вера в смысл делает человека человеком творящим, созидающим. Подобно Йозефу К. из романа «В Замок» В. Франкль – это человек, обновляющий мир, приносящий и разделяющий с другими свой огонь. Человек, в котором «нечто горело, нечто, что он должен был передать, как бы это ни называли – послание, миссия, неукротимая вера в утопию, которая превращает человека в то, что он в неё вкладывает - в то, во что он в ней верит и что он в ней любит» [3. S. 67].

Герои произведений М. Грубер, которых объединяет одно (они всеми силами стараются не потерять самого человеческого, что у них есть – упрямота духа), сознательно или неосознанно, в любых обстоятельствах сражаются за свое право быть людьми. Таковы, например, Мария из романа «Промежуточная станция» (Zwischenstation, 1986), Прат из романа «Безветрие» (Windstille, 1991), К. из романа «В Замок» (Ins Schloß, 2004), персонажи сборника «Смерть зуйка» (Der Tod des Regenpfeifers, 1991) Франциска и Унгер, Клоун из нового романа «Воспоминания глупца» (Erinnerungen eines Narren, 2012) и другие.

В этом ключе опыт В. Франкля творчески осмысливается писательницей. Черты этой личности, наделенной упрямым и зорким духом, приобретают персонажи произведений М. Грубер. В художественный мир М. Грубер входят и воспринятые ею идеи логотерапии и экзистенциального анализа. «Страдающий человек», о котором так много писал В. Франкль, становится персонажем писательницы. Страдающий человек, по В. Франклю, способен распознать смысл и в собственном страдании.

Феноменологический анализ предрефлексивного онтологического само- и смыслоопределения человека дал В. Франклю возможность ознакомиться с тем, как «простой человек с улицы» оказывается способным найти и реализовать смысл в своей жизни [6. S. 86]. Он может приблизиться к смыслу тремя путями: через поступок, который совершает, через творение, которое создает, и через переживание, которое ему выпадает. Он знает, что познает смысл не только через работу, но и через любовь. Он знает, что каждый раз, когда он оказывается в ситуации, которую не может изменить, он может изменить собственное отношение к ней. Изменить свое отношение и изменить себя: стать более зрелым, взрослым, перерасти самого себя. Человек способен преобразовать личную трагедию в человеческий триумф. Смысл может быть отвоеван и в страдании, а это подтверждает, что потенциальный смысл жизни безусловен.

В контексте логотерапии под смыслом понимается конкретный смысл ситуации, в которую попадает определенный человек. Каждая ситуация несет в себе вопрос, смысл – это ответ, который человек дает в конкретной ситуации своим выбором и поступком. Вкладывая в свой ответ смысл, человек наделяет его уникальной внутренней ценностью, целеполагающим содержанием.

Кроме этого, есть еще и последний, всеобъемлющий смысл. Чем более он обширен, тем менее постижим. Речь идет о смысле целого, о смысле жизни как целого. По В. Франклю, не следует с самого начала, на основании априорных предпосылок или идеологической индоктринации отрицать простую возможность не только уникального, но и универсального смысла – сверхсмысла.

Сборник М. Грубер «Смерть зуйка» (*Der Tod des Regenpfeifers*), вышедший в 1991 г., состоит из двух связанных между собой рассказов – «Смерть зуйка» и «След буланого» (*Die Spur des Falben*). Многими литературными критиками сборник признан одним из лучших её произведений.

Первый рассказ «Смерть зуйка» – это история старой ослепшей акушерки, которая всю жизнь провела в деревне в Бургенланде. Теперь Тереза слаба и всеми забыта, хотя знает почти каждого жителя с первой минуты его рождения. Многие были отвоеваны Терезой у смерти. Один из них пытается выкупить у Терезы кусок земли, действуя против ее воли и используя все возможные средства. Для

Терезы это настоящая война. Среди тех, кто остался на ее стороне, лишь верный пес Фамос и старик Унгер.

Главный персонаж рассказа «След буланого» – Рудольф Унгер, старик, вернувшийся в свой деревенский дом из города. Унгер был госпитализирован десять месяцев назад с тяжёлым отравлением. Деревня наполнилась слухами о том, что его отравила жена. Дом и земля Унгера разорены и разграблены, а душа полна равнодушия, в ней нет места гневу. Только когда кошка находит зарытую у дома одежду Унгера, которая, вероятно, никому не подошла (слишком тщедушны все остальные жители деревни по сравнению с ним), его охватывает ярость.

Оба центральных персонажа, Тереза и Унгер, в жизни все проиграли. Исход борьбы предreshен. Оба они стары и слабы. Конечно, у Терезы все равно отберут после ее смерти землю: и лужайку, и сад, и дом. В одиночку бороться против чужой подлости и глупости – дело неблагоприятное, и Тереза это понимает. Ее противники сильны, молоды, для них нет ничего святого. Конечно, земля Унгера уже осквернена, разорена и разграблена. Над ним самим уже провели погребальный обряд – зарыли вещи в саду. Любое его действие заведомо означает капитуляцию: «Он мог бы спать на сене, если оно окажется на сеновале, мог бы одолжить посуду и постельное белье, мог бы позвонить детям, рассказать, как здесь все выглядит и подождать, что они предложат. Или поехать на дневном автобусе назад в город. Было, по большому счету, не важно, как именно он сдастся» [10. S. 58].

И все же борьба за свою землю становится последним смыслом существования для того и другого. Ведь земля здесь – это не только географическая точка на карте, но и нечто существующее во времени: воспоминания, пространство жизни и смыслов. Борьба за землю превращается в борьбу за смысл. Свет в двух рассказах символизирует горящий дух, находящийся в центре лабиринта человеческой жизни. Именно эту метафору М. Грубер использует в рассказе «Смерть буланого», когда лес, по которому блуждает Унгер, превращается в лабиринт его жизни: «Теперь лабиринтом был лес, а в его центре – поляна [...] он шел по направлению, где, ему казалось, разреживался лес, и оказывался через какое-то время на том же самом месте. [...] Я больше не знаю свой собственный лес» [10. S. 93-95]. В немецком языке слово «поляна» (Lichtung) и слово «свет» (Licht)

являются однокоренными, как и слова «прорезать», «разрезать» (lichten).

В пространстве двух рассказов Унгер трижды сжигает дом: первый раз в рассказе, который он сам читает вслух Терезе, второй раз в конце первого рассказа, когда сжигает дом Терезы после ее смерти и по ее просьбе. В последний раз он сжигает собственный дом в конце второго рассказа. Первый раз он совершает это действие, так как в городе он повредился в уме. Во второй раз Тереза просит Унгера сжечь ее дом, чтобы избежать осквернения земли. Она не хочет ничего оставлять. Огонь, конечно, символизирует и вечный огонь памяти. В третий раз Унгер разжигает огонь памяти и неугасимого человеческого духа. «Что ты делаешь, – закричал он. – Боже мой, что ты делаешь? Унгер повернулся в его сторону. Ты видишь, – сказал он. – Свет» [10. S. 104].

Тереза и Унгер, пережившие Первую и Вторую мировые войны, страдают от собственной старости, немощи и болезней, от воспоминаний и мыслей о будущем. Тереза видит негодяев, которые выросли на ее глазах, Унгер встречает соседского недотепу, который в будущем станет учителем. Они страдают от предательства и одиночества, безнадежности и безразличия. Но ведь смысл может быть отвоеван и в страдании, именно поэтому Тереза и Унгер продолжают свою борьбу. Одну из статей об Австрии М. Грубер заканчивает следующими словами: «Это еще и страна, в которой Виктор Франкль написал «И все же сказать жизни да», присягнув упрямству духа. Это упрямство, которое не подразумевает некие «Сию минуту! Здесь и сейчас!», является особой мировоззренческой концепцией», осуществимой в человеческой жизни. Цитируя В. Франкля, М. Грубер пишет: «Возможно, для всего уже слишком поздно. Однако это еще не повод сдаваться» [11. S. 382].

Вопросы, волнующие М. Грубер, конечно, значимы для всех послевоенных поколений австрийцев – авторов новейшей австрийской литературы и их потенциальных читателей. Это вопросы о поисках смысла и неуничтожимого огня человеческого духа. По мысли М. Грубер, подлинная литература не может быть слишком прекрасной, живописать застывший совершенный мир. Когда человек начинает тяготеть к более сильному, внешне прекрасному, совершенному, он рискует потерять способность сочувствовать более слабому [12]. Выбирая формальную красоту, можно не заметить

сокровенную красоту духа. Не случайно Тереза из рассказа «Смерть зуйка» слепа: очевидно, ее образ связан с образом слепца-провидца Тересия из софоклова «Эдипа» и слепотой самого Эдипа, которая символизировала его духовное прозрение. Так и В. Франкль в преддверии своего девяностолетия, по словам писательницы, – «юный старец, глаза которого позволяют видеть лишь тени мира, но зоркий дух которого воспринимает мир яснее, чем когда-либо» [З. S. 68].

Библиографический список

1. Gruber M. Suche nach Auswegen. Österreichs PEN-Club in Ostberlin // Die Presse. 1985. № 11.302. S. 5.
2. Johnston W.M. The Austrian Mind. An Intellectual and Social History, 1848-1938. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1972. 515 p.
3. Gruber M. Annäherung an Viktor Frankl // Journal des Viktor-Frankl-Instituts. 1995. № 1. S. 64-80.
4. Das neue Österreich. Die Ausstellung zum Staatsvertragsjubiläum 1955/2005. Hrsg.: G. Dürriegl, G. Frodl. Wien: Österreichische Galerie Belvedere, 2005. 359 S.
5. Gruber M. Science fiction als Metapher der Hoffnung // Tausend und Ein Buch. 1998. № 1. S. 4-12.
6. Frankl V.E. Der unbewusste Gott. Psychotherapie und Religion. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1994. 131 S.
7. Грубер М. В Замок. СПб.: Симпозиум, 2004. 352 с.
8. Gruber M. Ins Schloß. Innsbruck, Wien: Haymon-Verlag, 2004. 231 S.
9. Gruber M. Die Erfindung der Welt // Rombach Wissenschaften: Reihe Litterae. Bd. 85. Franz Kafka: Zur ethischen und ästhetischen Rechtfertigung. Freiburg i. Br.: Rombach, 2002. S. 197-211.
10. Gruber M. Der Tod des Regenpfeifers. Zwei Erzählungen. Frankfurt a. M.: Fischer, 1991. 104 S.
11. Schriftstellerinnen sehen ihr Land: Österreich aus dem Blick seiner Autorinnen. Hrsg.: B. Neuwirth. Wien: Wiener Frauenverlag, 1995. 413 S.
12. Gruber M. Die Idee der Makellosigkeit als Anbetung des Todes. Manuskript. 22 S.

Сведения об авторе

Мишина Ксения Николаевна
аспирант кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kseniamishina@mail.ru

УДК 821.133.1(091)

ФОЛЬКЛОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

Л.Л. Хаджиева

Чеченский государственный педагогический институт, Грозный

В статье автор затрагивает одну из главных проблем творчества Проспера Мериме – проблему отображения самобытности некоторых «нецивилизованных», периферийных, маргинальных народов Европы в художественном произведении. Это влечет за собой, в рамках данной статьи, экскурс в культурно-историческое прошлое этих народов, обращение к их фольклору. Особый интерес представляет авторский акцент на теме, обозначенной как «свой-чужой».

Ключевые слова: диалог культур, свой-чужой, идентичность, новеллистика, самобытность, фольклористика.

Folklore and the Problem of National Identity and Cultural Dialogue in the Work of Prosper Mérimée

Layla Hadzhieva

The article discusses one of the key issues in Prosper Mérimée's creative work: representing national identities of "uncivilized," peripheral, marginal peoples of Europe in a work of fiction. The article demonstrates Mérimée's interest in and insight into the cultural and historical background of these peoples and their folklore, and examines his particular focus on the theme of "friend" (own, kin) vs. "foe" (other, alien).

Key words: dialogue of cultures, friend or foe, clutches, short stories, identity, folklore.

В отечественном литературоведении был глубоко укоренен и актуализирован чрезвычайно употребительный и популярный в настоящее время, построенный на метафоре научный термин *диалог культур* [1. С.274]. Хотя само это явление – диалог культур – появилось гораздо раньше, особую актуальность оно приобрело на рубеже XX-XXI веков, ведь именно рубеж этих веков явился условной линией очень часто драматического и трагического соприкосновения, а нередко и открытого противостояния народов, культур, религий, идеологий и духовно-нравственных ориентиров. Если провести пространственно-временную привязку термина к европейской и российской истории, как литературной, так и социальной, то можно увидеть, что процесс диалога культур берет свое активное начало с первой четверти XIX века. Разве российский

Кавказ с его линейным казачеством, Балканы или североамериканский Запад с его фронтиром не были теми регионами, где соприкасались, кипели, плавилась, смешивались, умирали и выживали культуры и традиции, страсти и характеры? Герои «восточных поэм» Байрона, кавказских произведений Пушкина, Лермонтова, Одоевского, «экзотических» новелл Проспера Мериме – люди беспокойные, с мятущимися характерами, живущие в постоянном конфликте и с окружающими, и с собой, и с миром в целом. Это люди, свободные от условностей и пороков «цивилизованного», светского общества, которые как нельзя лучше соответствовали разработанной Ж.Ж. Руссо теории «естественного человека», которая более всего применима и приложима именно к человеку традиционного общества народной культуры, сохранившему свою самобытность, чистоту и непосредственность. Именно отсюда, по сути дела, и возникло то «открытие» народа и его творческого наследия, которое совершили предромантизм и романтизм.

Но ориентируясь на различные философские системы своего времени, по-разному решали романтики и проблему национального искусства. «В обычной литературной практике романтизма, – справедливо писал в свое время И.И. Замотин, – не было никаких строго формулированных учений о национальности вообще и преобладающей национальности в частности, но зато было постоянное любование своим народным прошлым, а иногда и настоящим, постоянная поэтизация родной старины и вместе с тем стремление использовать и всякую чуждую старину как поэтический материал» [2. С. 39].

В немецкой литературе Гердер едва ли не первый освободился от исключительного обаяния французской цивилизации и литературы и громко заговорил о равноправии всех народов в деле духовного развития... Он полагал, что «каждый народ может сделать свой вклад в общую духовную сокровищницу человечества и поэтому всякое народное творчество должно заслуживать с нашей стороны величайшего внимания и уважения» [3. С. 45-78].

В противовес Гердеру Фихте в своей работе «Речи к немецкому народу» выдвинул вполне шовинистическую идею о неравноценности духовных потенций различных народов и праве «высших» народов на руководящую роль в культурном развитии человечества. Названным идеям Фихте было родственно и положение Гегеля об исторической

миссии народов-избранников. Концепция Фихте – Гегеля о народе-избраннике в различных ее модификациях находила многочисленных сторонников во многих европейских странах, в том числе и среди некоторых приверженцев романтизма.

Появление концепций о биологически заданном превосходстве одних народов над другими порой вело гуманитарные науки на путь различных фальсификаций и не могло не наносить ущерба идеям гуманизма и межнационального взаимопонимания.

«Картина внутренних противоречий и идейная пестрота в романтическом «лагере» осложняются для исследователя еще и тем обстоятельством, что «демаркационная» черта, отделявшая истинное от ложного, прогрессивное от реакционного, народное от антиобщественного, проходила не только между отдельными романтиками или их группировками, но нередко и через творчество того или иного художника-романтика» [4. С. 43].

Для большинства же писателей-романтиков в дихотомии «свой – чужой» интерес к «чужому», иному, исключительному становится насущной потребностью, откуда вытекает и известный экзотизм, ориентальность романтического направления.

В русле этого явления и процесса и формируется культурологическая, этнологическая и фольклористическая концепция Проспера Мериме. В «Предуведомлении» к сборнику «Гузла, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» Мериме пишет: «В 1827 году я был романтиком». Провозглашая свободу творчества и свободу человеческой личности, романтики создали культ свободных чувств и страстей, берущих верх над рассудком и здравым смыслом, не связанных ненужными ограничениями и ложными условностями. Чем дальше стоит человек от цивилизованного общества, тем более он свободен, а следовательно, и счастлив [4. С. 43]. Такими свободными и счастливыми людьми представлялись романтикам жители отсталых в своем развитии стран, что отчасти, но по другим основаниям, отразилось в экзотических новеллах Мериме. Но все-таки основной причиной, пробудившей у европейских писателей-романтиков интерес к не затронутым современной цивилизацией народам, было стремление увидеть в древней поэзии этих народов свободу чувств и страстей, выраженных в свободной, как казалось романтикам, не скованной правилами форме. В народной поэзии романтики находили

материал для подтверждения многих основных своих идей и на этой основе создали своеобразный культ фольклора. Все эти проблемы в той или иной степени характерны и для литературной жизни Европы первой трети XIX века, и в частности для ранних фольклорно-литературных опытов Проспера Мериме. Необходимо уточнить, что то «открытие» яркости, глубины, многогранности, непосредственности и самобытности народов, их традиционной культуры и их фольклора, через которое прошли романтики Европы, России и Америки, практически миновало романтизм во Франции. Тем не менее сильнейшим выразителем этих тенденций в национальной литературе становится уже не романтик, а представитель другой общественно-эстетической ориентации – Проспер Мериме [5. С. 407].

Французский писатель с самого начала своего жизненного, научного и творческого пути очень глубоко и серьезно осваивает фольклорное наследие разных народов не только Европы, но и пограничных, сопредельных территорий Азии и Африки.

Долгое время фольклором называли устное словесное искусство, с его специфической жанровой системой, набором сюжетов, героев, изобразительных средств. Однако постепенно складывалась и другая точка зрения: фольклор – это вся традиционная народная культура, ее художественные и нехудожественные формы, вербальные и паравербальные способы выражения. Таким образом, фольклор – это особая картина мира, складывающаяся в народном сознании в течение тысячелетий и не утратившая актуальности и ценностной значимости в наши дни. Даже самую типологию новеллистики Мериме можно построить, точнее, осмыслить по степени «участия» в ней фольклора и материала этнической культуры как системообразующего фактора. Общепринятая классификация новелл Проспера Мериме обычно условно выделяет три основных типа: 1) «светские», 2) «экзотические» (этнографические), 3) «таинственные» (мистические). Чаще всего исследователи вторую и третью группы новелл объединяют и обозначают условным наименованием «народные»; их объединяет то, что персонажи этих произведений – выходцы из тех народов, которые не принадлежат к числу активно затронутых техническим прогрессом, буржуазной цивилизацией и буржуазной психологией, то есть всем тем, что, по едкому выражению братьев

Гонкур, было определено как «океан ничтожества». «Смягчив нравы, подчинив свою жизнь здравому смыслу, трезвому расчету и благопристойности, европейцы, по мысли Мериме, утратили дар любви и ненависти, искренних и непосредственных чувств. Образ измельчавшей Европы – в явной или неявной форме, но всегда по контрасту – присутствует во всех новеллах Мериме, написанных на «экзотическом» материале» [6. С. 480].

Можно сказать, что подход Мериме к народной культуре – психологии, этике, эстетике – является не только фольклористическим, он более широкий – народоведческий. Центральная идея этого цикла новелл – идея непреходящей ценности традиции и идеалов народной философии и нравственности, лежащих в истоках всех национальных культур, и в целом – общечеловеческой культуры, идея животворности народных традиций как культурно-нравственных, генетических, духовных оснований поступательного движения истории человеческого общества и индивида.

«Народные» новеллы Мериме написаны не просто как остросюжетные повествования и не просто как очерки нравов (хотя и то, и другое в них присутствует), они созданы не ради одного желания запечатлеть быт, а по убеждению заставить читателя проникнуть в стихию народной жизни и народного характера, даже если читатель и описываемые персонажи и характеры относятся к различным культурно-историческим традициям.

Мериме был тесно связан с фольклором, проблемами его изучения и эстетического использования, обогащения им литературных произведений. На протяжении всей своей творческой и научной жизни французский писатель использует народную поэзию в двух главных формах: от художественной практики, начиная с «Гузлы» и заканчивая таким итогом, как «Локис», и до области научной теории – литературоведения, этнографии, лингвистики, культурологи, археологии и собственно фольклористики. Как в теоретических работах, так и в художественных произведениях Мериме демонстрирует глубокое и точное знание, представление и мнение о диалектике социальной, этнической и культурной истории народов Европы, о том, что можно назвать художественной и творческой антропологией.

По мнению большинства исследователей, цикл эпических песен «Гузла» – важный в контексте всей деятельности Мериме

подготовительный этап для разработки им в последующем художественном творчестве элементов, связанных с интересом к этническим особенностям личности, характера, социума. Именно в «Гузле» объектом литературно-художественной фиксации становятся обитатели южнославянского геополитического ареала, где на протяжении длительного времени происходило взаимовлияние и взаимоотторжение разных этнических культур, национальных характеров и национальных образов мира. К изданию «Гузлы» Мериме, по нашему мнению, приходит с мыслью о том, что маргинальные земли и народы дают уникальные продукты своего творчества, обусловленные уникальностью их исторической и этнической географии. Фольклорная уникальность этих народов, то есть народов «чужих», не «своих», отмечена большинством европейских романтиков, проявивших интерес к экзотическим землям, странам и устно-поэтическим традициям.

Особенности фольклористической позиции и фольклорного начала в художественном творчестве Проспера Мериме необходимо рассматривать в контексте научного изучения взаимодействия фольклора и литературы в странах Европы и России первой трети XIX века, когда происходило формирование его научных, в частности фольклористических, культурологических и эстетических взглядов и позиций [7. С. 3].

Много общего в этом отношении у Проспера Мериме было с русской литературной теорией, критикой и литературной практикой. Например, в конце 20-х – начале 30-х годов Пушкин писал сказки и занимался подготовкой собрания русских песен, создал еще один цикл произведений – «Песни западных славян», утвердивших в русской литературе тему славянского фольклора. Непосредственным поводом к созданию цикла этих песен послужил сборник Проспера Мериме «Гузла». Русского поэта увлекла эта книга, и когда он узнал ее историю, то, подхватив идею Мериме, сам сочинил три песни и включил их в свой цикл «Песен западных славян». Пушкин чувствовал разницу между песней народной и произведением, созданным в ее стиле и, как и Мериме, он считал для себя честью выступить в роли народного певца и написать песню, ничем не отличающуюся от народной. В исполнении Мериме и Пушкина, которые имели исключительный профессиональный опыт и знания в области работы с аутентичными фольклорными текстами,

литературно-художественная стилизация являлась уже не виртуозной мистификацией, а научной реконструкцией с четкой авторской художественной сверхзадачей. В отличие от большинства писателей-романтиков Пушкин видел народный элемент и в современной жизни, отсюда его интерес к современному фольклору. На аналогичных позициях стоял и Проспер Мериме, откровенно иронически относившийся к всеобщему увлечению архаикой и патриархальностью. И для русского поэта, и для французского писателя это не были остатки седой древности, а была жизнь народа, которую они непосредственно наблюдали и изучали. Исследователи фольклоризма в «Гузле» Мериме и «Песнях западных славян» Пушкина приходят к мысли о том, что в некоторых произведениях названных авторов происходит специфическое явление, когда фольклор балканских славянских народов получает двойную, двухуровневую – этноментальную и художественную – интерпретацию, пройдя сначала «через руки» Мериме, а затем – Пушкина [8].

Не являясь романтиком, видя свою задачу гораздо шире, полнее и свободнее, Мериме вместе с тем во многом соприкасался с тенденциями романтического движения, в том числе и в отношении к фольклору. В фольклоризме Мериме и романтиков много различий. В частности, все, что связано с романтической условностью, искусственностью и нарочитостью, вызывает у него отторжение.

В то же время Мериме объединяет с романтиками то, что стремление к свободе творческой индивидуальности сочеталось и у романтиков, и у Мериме с концепцией национальной самобытности художественного творчества. Видя необходимость обогащения искусства национальными жанрами и формами, романтики обращались к народной поэзии. В эпоху романтизма границы между жанрами размываются и во всех родах словесного искусства возникают новые жанровые образования – историческое предание, баллада, поэма-исповедь, историческая хроника, легенда, притча, драматическая поэма, песня и т. д. Так, одна из самых значительных работ французского писателя называется «Баллады и народные песни Румынии». Один из ее разделов посвящен конкретному, в том числе и сопоставительному, анализу фольклорных текстов, изданных во Франции в первые десятилетия XIX века. Мериме сравнивает баллады, собранные Александри, с греческими песнями,

переведенными Форье́лем. Он выступает как строгий, взыскательный и очень тонкий критик, для которого важнейшим критерием значимости фольклорного материала выступает его аутентичность и отсутствие внешней искусственности, изощренности формы и утонченности. Говоря о переводах Форье́ля, Мериме имеет в виду «Народные песни современной Греции», вышедшие в 1824-1825 годах. Именно эту книгу Мериме использовал в период работы над «Гузлой», и именно в ней он начинает глубоко и серьезно сравнивать этническую психологию и ее проявление в фольклоре, обрядах и мифах разных народов [9. С. 5-28].

Интерес к «чужой жизни» у Мериме, по верному наблюдению Г. Косикова, вовсе не личное любопытство к разным историческим или этнографическим диковинам и курьезам. В своих «этнографических» произведениях писатель ставит целый ряд острых, зачастую болезненных проблем, с которыми столкнулась западноевропейская цивилизация в первой половине XIX века. Одной из них была проблема культурного самосознания западного общества в его отношении к иным культурам и иным мировосприятиям.

«Существуют цивилизации, чьи представители свой образ вырабатывают, прежде всего, путем сопоставления собственного «мы» с неким «они» – собирательным образом чужих общностей. При этом, естественно, все «свое» воспринимается носителями данной культуры по преимуществу как положительное, все «чужое» – как отрицательное. Более того, «свое» предстает не просто в качестве «хорошего», но и – что еще важнее – в качестве «нормального», отвечающего исконной человеческой природе; «чужое» же, наоборот, третируется как результат отклонения от этой природы, ее извращения или же «недоразвития» [4. С. 42]. По мнению Г. Косикова, «в силу целого комплекса социальных и исторических причин такой «коллективный эгоцентризм» на протяжении многих веков являлся одной из примечательных особенностей западноевропейской культуры [10. С. 42].

Мы же считаем, что эгоцентризм, как коллективный, так и индивидуальный, присущ не только европейской, но и любой другой цивилизации, на каком бы – низком или высоком – уровне она ни стояла, как, впрочем, и любому индивидууму, что, кстати сказать, показывает сам Мериме в образе Таманго.

Г. Косиков справедливо развивает свою концепцию: «Мысль о том, что «свой», европейский, мир есть мир культуры и разума, а «их» мир – это мир дикости, варварства и примитивных инстинктов, была настолько очевидной для европейского обывателя, что свои собственные представления о жизни он превращал в абсолютный масштаб ценностей. Отсюда тот комплекс самоуверенности, превосходства и высокомерия по отношению ко всему непохожему и непривычному, который отличал обыденное европейское сознание в первой половине XIX века» [10. С. 47].

Разоблачению этого «комплекса» как раз и посвящены многие произведения Мериме, в том числе новелла «Таманго». В ней – и здесь заключена одна из существенных и оригинальных сторон замысла писателя – не только мир африканцев показан глазами белого человека, но и сделана попытка увидеть мир европейцев с позиции черного туземца. Поэтому в новелле присутствуют три повествовательных точки зрения: точка зрения капитана Леду, точка зрения Таманго и, наконец, резюмирующая точка зрения автора-рассказчика. Напряженное взаимодействие этих точек зрения и создает столь характерный для новеллы «Таманго» драматизм повествования. В сущности, вся коллизия новеллы построена на этом глубочайшем взаимном непонимании представителей двух разных миров, двух «цивилизаций». Воспринимая европейские нравы как единственно нормальные, Леду не умеет увидеть в непривычных для него формах жизни проявление иной культуры. Он видит в этих формах лишь «не-культуру», «дикарство».

Характерно, что если романтики обратились в иную крайность, начав порой излишне идеализировать, поэтизировать, романтизировать «дикие» народы, то Мериме в «Гузле» и «Таманго», в отличие от большинства его предшественников по романтическому движению стремится быть объективным в этом вопросе.

В «Таманго» повествование строится на взаимном чередовании и взаимном освещении точек зрения Леду и Таманго (шире – европейцев и африканцев), вскрывающих неполноту и своеобразную ограниченность, совершенно объяснимый субъективизм каждой из них, ограниченность, которая и привела к кровавому результату. Как верно отмечает Г. Косиков, решающую роль в новелле играет повествовательная позиция самого автора. Эта позиция не только

иронична, но еще и справедлива как по отношению к капитану Леду, так и по отношению к Таманго.

Описывая Леду и весь экипаж брига «Надежда», Мериме все время подчеркивает, что их «комплекс превосходства» в значительной мере является плодом высокомерной иллюзии. Относясь к Таманго как к «дикарю», команда «Надежды» в принципе не способна заметить ни его ума, ни его воли, ни его мужества, а потому утрачивает всякую бдительность и позволяет невольникам захватить корабль: за восприятие неевропейца как нечеловека Леду и его товарищам пришлось заплатить своими жизнями; иллюзорный «комплекс превосходства» обернулся для них трагедией, а авторская ирония – предостережением» [10. С. 45].

«Если для Леду, – продолжает исследователь, – мышление и быт африканцев является простым проявлением некультуры, то сам Мериме стремится увидеть в этом быте и мышлении именно культуру, хотя и не похожую на его собственную, однако же основанную на определенной системе человеческих ценностей и потому имеющую право на существование, достойную понимания и изучения». Но, как считает Г. Косиков, «здесь коренится принципиальный европоцентризм» писателя – такие культуры все же не являются равноправными по отношению к западной. Это – неразвитые культуры, нуждающиеся в «усовершенствовании» [10. С. 47].

Такая двойственность, лежащая в основе всей культурологической концепции Мериме, нашла теоретическое обоснование в его предисловии к «Хронике времен Карла IX». С одной стороны, убежденный в самобытности любой цивилизации, Мериме говорит, что каждая из них должна и может быть понята только «изнутри», в свете ее собственных социальных и нравственных критериев. «Суждение об одном и том же поступке... - писал Мериме, – должно... изменяться соответственно стране, так как между народами существует такая же разница, как между одним столетием и другим» [4. С. 42].

С другой – сами эти «страны» и «народы», по мнению писателя, занимают как бы различные ступеньки на лестнице восходящего общественного развития. «То, что в государстве с усовершенствованной цивилизацией считается преступлением, в государстве с менее развитой цивилизацией рассматривается только

как признак смелости, а в варварские времена может, пожалуй, сойти за похвальный поступок»[4. С. 43].

Не признавая «равноправия» культур, относящихся к различным этапам исторического развития общества, Мериме вместе с тем всячески настаивал на равенстве человеческих возможностей, на сопоставимости человеческих личностей, к какому бы народу, стране или эпохе они ни принадлежали. Такой подход позволяет Мериме сопоставлять людей, обладающих совершенно различным культурным самосознанием, и критерием здесь оказывается цельность и целеустремленность характера, а не категории культуры, в которых мыслят ее представители. Например, Таманго непосредственно противопоставлен капитану Леду, прежде всего, как личность, как сильный характер, и сравнение оказывается далеко не в пользу последнего.

Г. Косиков справедливо подчеркивает, что любуясь цельными и сильными характерами, Мериме, однако же, ищет их в странах и эпохах, удаленных от современной ему Франции. Ведь сама «усовершенствованность» западной культуры и заключается для него, прежде всего, в «смягчении нравов», то есть в наложении на человеческое поведение целого ряда запретов и ограничений, сковывающих человеческую личность, препятствующих ее свободному, непосредственному выявлению [11].

Позиция Мериме по отношению к «диким» народам отличается большей объективностью, гуманизмом, нейтралитетом. «...Для писателя важнее всего та абсолютная внутренняя порядочность корсиканцев (новелла «Маттео Фальконе»), которая нашла предельное выражение в характере Маттео Фальконе. Эта-то порядочность, воплощающая природную силу характеров, и объединяет людей, относящихся к совершенно различным социальным группам и даже находящихся в открытом конфликте друг с другом» [10. С. 47]. Имеются в виду «благонадежный» в глазах властей Маттео и бандит Джанетто, как бы ни различались их жизненные интересы, каждый из них твердо знает свой долг и готов выполнить его до конца.

Поэтому в изображении таких личностей, как Таманго, Маттео Фальконе, Кармен, ясно чувствуется глубокая и настойчивая тоска писателя по энергичным, мужественным характерам, которых он не находил в рамках западной цивилизации.

В творчестве писателя проявилось его внимание к этнопсихологии и этноэкологии, культурному и фольклорному наследию коренных и малочисленных народов, что является особенно актуальным в настоящее время на фоне процесса глобализации и этнической ассимиляции. Его художественные и научные произведения дают бесценный материал для обучения толерантному сосуществованию в мультикультурном и поликонфессиональном пространстве современного открытого мира.

Библиографический список

1. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход: Учебное пособие. М.: Флинта-Наука, 2001. 276 с.
2. Замотин И.И. Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20–30-х годов XIX столетия. СПб., 1908.
3. Архипова А.В. Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX века (эпоха становления романтизма). Русская литература и фольклор. Л., 1976.
4. Мериме П. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2. Повести и новеллы. М.: Правда, 1963.
5. Гедимин Л.П. Проспер Мериме // История французской литературы. Т. II. М.: АН СССР, 1956. 720 с.
6. Луков В.А. Мериме // Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь. Т. II / Под ред. Н.П. Михальской. М.: Просвещение, 1997.
7. Луков В.А. Проспер Мериме. М., 1983. 250 с.
8. Pr. Mérimée – А.С. Пушкин / Сост. З.И. Кирнозе. М.: Радуга, 1987. 432 с.
9. Кирнозе З.И. О том, что сближало П. Мериме и А.С. Пушкина // Pr. Mérimée – А.С. Пушкин. М.: Радуга, 1987. С. 5-28.
10. Косиков Г.К. Послесловие. Об экзотерических новеллах П. Мериме // Мериме П., Матео Фальконе, Таманго. Новеллы. М.: Детская литература, 1978.
11. Кирнозе З.И. О новеллистике Мериме // Кирнозе З.И. Страницы французской классики. М.: Просвещение, 1992. 224 с.

Сведения об авторе

Хаджиева Лейла Лечевна
старший преподаватель кафедры литературы и
методики ее преподавания
Чеченского государственного педагогического института
E-mail: luna6677@mail.ru

УДК 821.111(416)(091):821.161.1(091)

MEDBH MCGUCKIAN ET MARINA TSVETAIEVA

Stephanie Schwerter

Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Paris, France

The article looks at the influences of the XX century Russian poetic tradition on the work of the modern Irish author Medbh McGuckian, with a special focus on the poetry by Marina Tsvetaeva, with whom Medbh McGuckian shares many biographical and artistic similarities. The analysis is provided in the context of modern intertextual studies pursued by adherents of the structuralist and post-structuralist schools of thought.

Key words: Pre-revolutionary and post-revolutionary Russia, feminism, intertextuality, dialog, allusion, biography and autobiography.

Мейв Макгакиан и Марина Цветаева

Штефани Швертер

В статье исследуется влияние русской поэтической традиции XX века на творчество современной ирландской писательницы Мейв Макгакиан. Основное внимание уделяется опыту Марины Цветаевой, с которой ирландскую писательницу сближают не только биографические факты, но и творческая судьба. Влияние М. Цветаевой на М. Макгакиан изучается в русле интертекстуальных поисков сторонников структурализма и постструктурализма.

Ключевые слова: пред- и постреволюционная Россия, феминизм, интертекстуальность, диалогичность, аллюзия, биография и автобиография.

Marina Tsvetaieva compte parmi les écrivains russes qui ont le plus influencé sur l'œuvre de Medbh McGuckian. Elle ne se contente pas seulement d'apparaître dans la poésie de la poète irlandaise mais façonne également la pensée de cette dernière de manière non négligeable. En effet, McGuckian s'intéresse aux femmes russes ayant vécu sous Staline en raison de leur expérience commune en Irlande du Nord comme en Russie de la violence politique [1. P. 65]. C'est pourquoi, outre Tsvetaieva, un certain nombre de femmes appartenant au milieu littéraire ou politique de la Russie pré- et post-révolutionnaire figure également dans les poèmes de McGuckian. Parmi eux comptent les écrivaines Anna Akhmatova et Nadezhda Mandelstam, ainsi que Nadezhda Krupskaya, femme de Lénine, Olga Ivinskaya, amante de Boris Pasternak, et Lili Brik, muse de Vladimir Mayakovsky. La présence de Tsvetaieva se fait pourtant plus insistante que celle des autres. Je me propose donc d'illustrer les différentes manières dont la vie et l'œuvre de l'auteur russe ont marqué les écrits de l'auteur irlandaise. En guise d'exemple, je m'appuierai sur deux

poèmes représentatifs de l'approche de McGuckian, intitulés respectivement «Harem Trousers» [2. P. 40] et «Visiting Rainer Maria» [3. P. 10-11].

Pour pouvoir appréhender l'empreinte de Tsvetaieva sur l'œuvre de l'écrivaine, il me semble judicieux d'évoquer quelques traits de caractère propres à la poésie de McGuckian. «Cryptés», «impénétrables», le même verdict tombe souvent sur ses poèmes [4. P. 50; 5. P. 27]. Marqués par une perspective féminine, ils véhiculent une intertextualité tout à fait insolite. Dans *Sympathetic Ink*, Shane Alcobia-Murphy révèle qu'un grand nombre de ces poèmes s'inspire de citations non référencées qui sont tirées des ouvrages critiques ou littéraires d'auteurs étrangers. Ayant étudié les ébauches de McGuckian, Alcobia-Murphy démontre comment ces citations ont été intégrées et transformées dans sa poésie [6]. Ses investigations forment une base précieuse pour une recherche plus approfondie. Il est frappant de constater combien McGuckian se sert de biographies, voire d'autobiographies, écrites ou traduites en anglais, qui portent sur la vie de femmes ayant vécu des périodes politiquement troublées en Russie. À noter deux mémoires écrits par Nadezhda Mandelstam intitulés *Hope against Hope* [7] et *Hope Abandoned* [8]. Dans ces deux ouvrages, Mandelstam dépeint les horreurs infligées par Staline à la population russe. Autre titre ayant servi à McGuckian comme source d'inspiration: *Bride of the Revolution* [9], biographie portant sur la vie de Nadezhda Krupskaya pendant la Révolution. McGuckian se réfère également à l'autobiographie d'Olga Ivinskaya *A Captive of Time* dans laquelle elle décrit sa relation avec Boris Pasternak. J'ai constaté avec intérêt qu'en ce qui concerne Tsvetaieva, quatre livres ont nourri l'inspiration des œuvres poétiques de McGuckian. Cette multiplicité de sources montre l'intérêt particulier que prête la poète irlandaise à son homologue russe. Dans *Sympathetic Ink*, Alcobia-Murphy mentionne qu'un certain nombre de poèmes ayant trait à Tsvetaieva est à relier aux ouvrages suivants [6. P. 231-283]: les biographies *A Captive Lion. The Life of Marina Tsvetaeva* [10] d'Elaine Feinstein et *Marina Tsvetaeva* [11] de Simon Karlinsky, ainsi qu'*Art in the Light of Conscience* [12] et *A Captive Spirit* [13], deux textes écrits par Tsvetaieva elle-même.

Avant de se plonger dans l'étude des relations intertextuelles, il importe de décrypter le mode opératoire de la poésie de McGuckian. On notera ainsi que la poétesse établit souvent un lien entre allusions subtiles à la politique nord-irlandaise et références aux relations entre les deux sexes.

Selon la terminologie de Bakhtine, elle instaure un discours à «double voix», mettant «en dialogue» [14. P. 271-272] sa propre perspective avec celle du texte original. McGuckian maintient qu'il n'est point nécessaire de connaître la source de ses poèmes pour pouvoir les apprécier. Toute interprétation est laissée au point de vue personnel du lecteur. Cependant, dans la plupart des cas, seuls les initiés qui connaissent la source accèdent au deuxième niveau narratif. Alors que, selon McGuckian, le lecteur ignorant de l'original peut se réjouir de l'assemblage des sons et des associations impressionnistes, la connaissance de la source, quant à elle, peut donner lieu à «un volcan de significations» [15. P. 20].

Dans cette étude, je me propose de suivre les indications d'Alcobia-Murphy, guides précieux vers les textes sources. J'explorerai les liens intertextuels entre la poésie de McGuckian et les quatre ouvrages ayant trait à Tsvetaieva mentionnés précédemment. Dans le cas des deux textes écrits par Tsvetaieva, je me réfère aux traductions anglaises, car ce sont elles, et non leurs originaux russes, qui ont servi de socle aux poèmes de McGuckian. La prise en considération des textes russes ne me semble pas pertinente, puisque la poète, ignorant le russe, ne les connaît pas. Les écrits de Roland Barthes forment un corpus théorique de référence pour l'étude de la poésie de McGuckian. Selon Barthes, un texte ne peut être conçu comme «une ligne de mots, dégageant un sens unique, en quelque sorte théologique (qui serait le 'message' de l'Auteur-Dieu)» [16. P. 43]. Un texte doit plutôt se percevoir comme un «espace à plusieurs dimensions» dans lequel différents écrits se heurtent ou fusionnent. Pour cette raison, un texte constitue «un tissu de citations, issues des milles foyers de la culture» [16. P. 43]. Dans la poésie de McGuckian, ce tissu est fabriqué à partir de sources qui fusionnent l'une avec l'autre, finissant par créer un nouveau poème. Selon Barthes, un texte qui se trouve transposé dans un environnement différent perd sa voix originale, et, déconnecté du contexte précédent, tourne au symbole. McGuckian met en œuvre un processus semblable. Des sources transposées dans un autre contexte sémantique prennent des connotations inédites. Toutefois, dans le cas des poèmes de McGuckian, les sources originales ne perdent pas leur voix, elles revêtent plutôt des significations supplémentaires qui contribuent à la composition d'une nouvelle œuvre poétique.

Retournons à Marina Tsvetaieva et à son impact sur l'écriture de McGuckian. Il est fort possible que McGuckian ait été attirée par la poète russe en raison de la vie extraordinaire de celle-ci, existence faite de

courage et d'endurance face à l'épreuve. En dépit de lourdes souffrances matérielles et psychologiques, Tsvetaieva n'a jamais cessé d'écrire. Durant la Révolution russe et la Guerre civile, elle a subi les affres d'une grande pauvreté, au terme desquelles l'une de ses filles mourut de faim. En 1922, elle quitta la Russie pour s'installer à Paris après avoir passé deux ans à Prague. L'exil de Tsvetaieva est marqué par une lutte quotidienne pour la survie [17. P. 5-10]. Son rejet du communisme la rendit étrangère à ses propres amis poètes en Russie, et lui fit mériter le surnom de «principale poète anti-soviétique de l'émigration» [11. P. 21]. Poussée par son mari et son fils, elle regagna l'Union Soviétique contre son gré en 1939. En raison de ses années passées à l'étranger, Tsvetaieva fut considérée comme traître. A son retour dans son pays natal, sa fille et sa sœur avaient été déjà envoyées au Goulag, et son mari fusillé en tant qu'«ennemi du peuple». Désespérée et appauvrie, elle se pendit en 1942 [13. P. 9-10]. Dans un entretien, McGuckian exprime sa compassion pour la décision de Tsvetaieva de mettre fin à ses jours. Remplie de respect pour l'écrivaine russe, elle explique: «[...] I felt that her reasons were not cowardice but real despair, and that I could admire her» [6. P. 58-59].

La biographie de Tsvetaieva et sa poésie ont exercé une influence considérable sur l'œuvre et sur la pensée poétique de McGuckian. De manière frappante, la poétesse irlandaise semble reprendre le discours de son homologue russe dans maints entretiens. Tsvetaieva, par exemple, maintient de manière presque déterministe que les sujets qu'elle explore dans sa poésie lui ont été imposés par une certaine force supérieure. Dans *Art in the Light of Conscience* elle explique: «Things always chose me by mark of my power, and often I wrote them almost against my will. All my Russian works are of this sort. Certain things of Russia wanted to be expressed, they chose me» [12. P. 173]. Ayant connaissance de cette traduction anglaise du livre, McGuckian établit un lien entre elle-même et la poète russe. Elle explique avoir été choisie par certains auteurs pour utiliser et transformer leurs écrits: [...] the words are given to me [...] and the authors, and the translators, especially if they are dead, they are very aware of me using them and that they want it, they want me to make the same words live again in a new way and do things with it that carries me and marks my reading of the book and marks my learning process with them [6. P. 5].

Nous pouvons donc postuler que McGuckian et Tsvetaieva avaient le sentiment de se sentir «désirées» par leurs poèmes, ce qui les a

encouragées à en composer. D'autres éléments viennent corroborer ce concept de «prescience», de «présentiment» du poète chez McGuckian, lorsqu'elle évoque indirectement la notion de «vie postérieure» d'un texte. Cette idée, développée par Walter Benjamin dans son article «La tâche du traducteur», forme l'introduction de sa traduction des *Fleurs du mal* de Baudelaire [18. P.11]. Selon Benjamin, un certain texte source peut seulement subsister sous une forme transformée. Dans le sillage du penseur allemand, le raisonnement peut s'appliquer à la poésie de McGuckian, dans laquelle les originaux étrangers, bien que remaniés, survivent malgré leur transplantation en un nouvel environnement.

Un autre parallèle unit les deux poètes: leur désir d'établir à travers l'écriture un dialogue secret entre elles-mêmes et une personne en particulier. En 1920, Tsvetaieva participa à une lecture de poésie au musée polytechnique de Moscou. Devant une audience composée d'étudiants révolutionnaires, elle récita plusieurs poèmes qui faisaient l'éloge de l'armée blanche. Une action dangereuse qui lui aurait très probablement coûté la vie quelques années plus tard sous Staline. Tsvetaieva justifie son choix de poèmes comme une tentative d'établir un dialogue avec un individu particulier qui le comprenne [11. P. 98]. McGuckian reprend cette idée d'une communication secrète en expliquant que chacun de ses poèmes se veut un message privé adressé à une personne spécifique [15. P. 20]. Les corrélations illustrées entre les propos des deux écrivaines montrent à quel point les considérations artistiques de McGuckian font appel à la pensée de son homologue russe.

L'importance de Tsvetaieva sur la poésie de McGuckian peut particulièrement s'adresser dans «Harem Trousers», publié dans la collection *On Ballycastle Beach* [2. P. 40-41] en 1995. Ce poème, qui s'inspire des quatre textes-source susmentionnés, gravite autour de la vie de la poète russe. La deuxième et la troisième strophe de «Harem Trousers» évoque l'évolution poétique de Tsvetaieva ainsi que le cours de la vie:

The river bends lovingly
Towards this one, or that one, or a third.
The staircase resumes its never-mentioned
Ladder shape, as anything
That is being hurt overflows its innocence.

It straightens, stands, its walks
Timid and incongruous
Through roadblocks and breadlines.
It holds the hundred and first word
In its fingers and tears it apart [2. P. 40].

Si l'on considère le premier vers à la lumière de la biographie de Karlinsky, «the river bends lovingly» fait allusion au développement artistique de Tsvetaieva. Ce vers s'inspire d'une citation remodelée, extraite d'un paragraphe du livre de Karlinsky. L'auteur y explique comment de nombreux écrivains contemporains rejetèrent la poésie de Tsvetaieva pour des raisons esthétiques et stylistiques. Karlinsky décèle derrière ces motifs invoqués par les collègues de la poète leur incapacité à s'adapter à l'évolution rapide de la poète: Tsvetaeva's growth as a poet between 1916 (the collection *Milepost*) and 1926 ("Poem of the Staircase") was so rapid that many readers found it bewildering. She herself compared the process to new bends of a river. As usually happens with rapidly evolving artists of great originality, Tsvetaeva kept losing a part of her audience with each new "river bend" [nous soulignons] [11. P. 179-180].

Le «river bend» symbolise donc le développement artistique. Par son évolution trop fulgurante, la poésie de Tsvetaieva se fait incompréhensible pour maints lecteurs accoutumés à une forme poétique plutôt traditionnelle. Cette image, McGuckian la reprend pour articuler ainsi son identification avec sa collègue russe. Une telle similitude, mentionnée plus haut se trouve donc dans les jugements émis à l'encontre de McGuckian: poésie obscure, incompréhensible. Un lien invisible se tisse alors entre les deux écrivaines, accusées de mêmes crimes littéraires. Dans «Harem Trousers» McGuckian emploie l'image de la rivière à méandres de manière positive en tant que symbole de progrès. Ainsi exprime-t-elle son soutien pour l'évolution de la poésie de façon générale.

Le terme «staircase», une allusion au «Poema lestnizy» («Poem of the Staircase») fait l'objet d'une mention dans l'extrait de la biographie de Karlinsky évoquée plus haut. Long de douze pages, «Poema lestnizy» compte parmi les poèmes les plus importants de Tsvetaieva. Dans cette œuvre, l'escalier, motif central figure la vie. De la même façon que l'escalier, elle monte au ciel et descend en enfer. Tsvetaieva emploie l'escalier comme métaphore des diverses dimensions de la vie humaine. Les personnages qui se croisent dans la cage d'escalier deviennent

emblématiques de la misère humaine, des inégalités sociales, de la pérennité de la vie, ainsi que de l'oppression exercée par le régime soviétique. Les thématiques sont véhiculées de manière énigmatique à travers tout un système allusif [19. P. 120-131].

Les sujets abordés dans le poème de Tsvetaieva réapparaissent légèrement transformés dans «Harem Trousers». Le vers «it straightens, stands, it walks/timid and incongruous» fait référence aux différents individus, qui, dans le poème russe se trouvent dans l'escalier. Ils se croisent en montant ou descendant l'escalier ou en s'arrêtant sur les marches. De leurs différentes personnalités, l'auteur façonne une image «incongrue» qui reflète les aspects tout en contraste de l'existence humaine. La description de l'escalier dans «Harem Trousers» reprend le motif de la continuité de la vie, déjà présent dans le poème de Tsvetaieva. Les termes «straighten», «stand» et «walk» évoquent des formes différentes de mouvement continu et interrompu, et renvoient à la réalité de la vie avec ses hauts et ses bas. Les allusions à la Guerre civile du poème russe apparaissent dans «Harem Trousers» sous les termes de «roadblocks» et de «bread lines». Dans le contexte de l'œuvre de McGuckian, ces termes se lisent comme autant d'allusions au conflit d'Irlande du Nord. Le mot «roadblock» rappelle ces rues bloquées par la police, par l'armée britannique ou bien par les organisations paramilitaires pendant les heurts violents entre les deux communautés ethno-religieuses. Le terme «breadline» en revanche, renvoie à la queue aux boulangeries dans des périodes de guerre ou de grande pauvreté. Par le biais de cette image, McGuckian évoque le sujet des inégalités sociales dans un sens plus large. De cette manière, elle se réfère de nouveau à l'Irlande du nord, en faisant allusion à la discrimination qui affecte la communauté catholique. Ainsi, des sujets évoqués dans le texte-source prennent de nouvelles connotations. En termes barthiens, le poème de McGuckian constitue donc «une écriture multiple», un espace à plusieurs dimensions [16. P. 44].

La quatrième strophe de «Harem Trousers» renvoie à la musique, thème également prégnant dans l'écriture poétique et dans la prose de Tsvetaieva:

So the openness within the sound
I forced to break, dislodging
Its already dove-grey music [2. P. 66].

En effet, la musique tenait une place importante dans la vie de la poète russe. Sa mère l'obligeait, jeune fille, à jouer du piano. Cette éducation musicale développa en elle un sens de la musique perceptible dans sa poésie. Tsvetaieva se sert régulièrement d'images musicales, et fait preuve d'une grande sensibilité au rythme et à la mélodie des mots et des phrases. Dans la critique littéraire, son œuvre est souvent louée pour sa musicalité [11. P. 24].

L'image de «dove-grey music» utilisée par McGuckian dans «Harem Trousers» constitue un clin d'œil direct à la poète russe. Dans l'essai «Mother and Music», Tsvetaieva explique que jeune fille, elle avait l'habitude d'associer des sons à des couleurs. En revivant ses réflexions d'enfance, elle explique: [...] *do* – is clearly white, empty, *do vsego* “before everything else”, *re* is blue, *mi* is yellow (maybe – *midi?*), *fa* is brown (maybe mother's faille street dress, and *re* is blue – *reka* – river?) and so on, and all these so on's – do exist, only I don't want to overburden the reader who has *his own* colours and *his own* reasons for them [13. P. 271].

À fur et à mesure de l'essai, les «couleurs de la musique» deviennent également associées à des objets: And I loved the word *bemol'* “flat”, so lilac-colored and cool and slightly faceted like Valeria's scent bottles [...]. But A-flat was for me the extreme of lilacness: more lilac than the irises of Tarusa, more lilac than a Strakhov cloud, more lilac than Ségur's “Forêt des Lilas» [13. P. 279].

À la lumière de l'écriture de Tsvetaieva, il semble que le terme «dove-grey music» utilisé par McGuckian ait été inspiré par la lecture de «Mother and Music». Ainsi, la poète irlandaise imite l'approche de sa collègue russe en associant la musique à des couleurs et à des objets. Le vers «sound I forced to break» se lit comme un effort pour déconstruire une mélodie connue. Dans un sens plus large, cette image peut passer pour une tentative de déconstruction d'un discours établi. La couleur «dove-grey» évoque pâleur et vieillissement. Dans ce contexte-là, le terme «dislodge» en relation avec «already dove-grey music» sonne le glas de manières de penser traditionnelles et de perceptions démodées. Les images choisies par McGuckian se lisent alors comme un commentaire de sa propre écriture, en rupture avec toute tradition poétique. Poète novatrice, n'essaie-t-elle pas de «déplacer» les perspectives et d'instaurer de nouvelles manières de penser? Les deux écrivaines hissent donc le lecteur vers un niveau plus abstrait pour illustrer le discours du gouvernement

soviétique d'un part, et les interprétations traditionnelles du conflit nord-irlandais d'autre part. Les deux poètes se servent donc de leur poésie pour remettre en question l'ordre social environnant.

Les dernières strophes de «Harem Trousers» rendent de façon très évocatrice le déclin de la vie personnelle et artistique de Tsvetaieva:

As I run to fetch water
In my mouse-coloured sweater,
Unkempt, hysterical, from
The river that lives outside me,
The bed whose dishevelment
Does not enchant me [2. P. 66].

Le «mouse-coloured sweater» ne peut que viser la misère matérielle subie par la poète russe. Dans leurs biographies, Ivinskaya et Karlinsky rapportent à plusieurs reprises les plaintes de Tsvetaieva déplorant l'indigence de sa garde-robe qui l'excluait des événements mondains [11. P. 212; 20. P. 162]. Le «mouse-coloured sweater» se veut donc l'indice d'une apparence socialement appauvrie. La couleur grise est d'ailleurs évoquée régulièrement comme emblème de Tsvetaieva: Feinstein, par exemple, attire l'attention sur son «early greyness» et son «weary appearance» [10. P. 101-102, 145]. L'adjectif «hysterical», quant à lui, nous ramène à l'état nerveux de la poète, souvent qualifiée de déséquilibré. Pour sa part, Pasternak maintient que dans la personnalité de Tsvetaieva, toutes les dimensions de l'hystérie féminine s'expriment sous la forme la plus violente [20. P. 169], Schweitzer, en revanche, attire l'attention sur son état de délabrement psychique, devenu hystérique après son retour en Russie [21. P. 372]. Dans la lumière de la vie de Tsvetaieva, l'image de la femme hystérique renvoie à la souffrance causée par la violence politique et par la paupérisation.

Le vers «As I run to fetch water» n'est pas sans évoquer les obligations imposées par la vie quotidienne. Cette image fait penser à l'opposition des terms «byt» et «bytie», éléments cruciaux dans la pensée des auteurs soviétiques. Tandis que «byt» se réfère à la routine, le mot «bytie» renvoie à la vie spirituelle. Méprisant «byt» et glorifiant «bytie», Tsvetaieva ne cesse de déplorer le manque de temps pour se consacrer à son travail poétique. Dans une lettre adressée à son amie Lomonossova, elle explique: My daily life (byt) is laundry, cooking, taking my boy for a

walk [...], dishes, dishes, dishes, mending, mending, mending and on top of it sewing new things for which I have no talent. Often there is not even a half an hour per day for myself (for my writing) [11. P. 175].

En tant que mère de quatre enfants, McGuckian a vécu le même dilemme d'être déchirée entre ses obligations familiales, et le besoin de se pencher sur son écriture poétique. Dans un entretien, elle déclare: You want to be a good mother, a good wife, a good daughter, you want to play all these roles that you have to, but your main need is to be the poet. You have to keep all these things in little compartments within your mind, and when one dominates over the other, then there's a crisis. So I try and try to keep these parts of myself operating. It's like different pieces or different selves, and it was very difficult to me [22. P. 12].

Troublée par les mêmes questionnements, McGuckian s'identifiera sans surprise à la personnalité de Tsvetaieva.

L'ombre de la poète russe plane également sur un autre poème: «Visiting Rainer Maria» [23]. Même si le titre de l'œuvre désigne à première vue le poète allemand Rainer Maria Rilke, Tsvetaieva apparaît comme l'un des personnages du poème. Alcobia-Murphy [6. P. 60-63] attire l'attention sur le fait que la source de l'œuvre forme *Mandelstam* de Clarence Brown, biographie d'Osip Mandelstam. L'ouvrage de Brown se distingue par sa composition, constituée de nombreux extraits émanant de divers livres. Parmi les textes qui nourrissent *Mandelstam* figurent entre autres des lettres du poète destinées à sa femme, un choix de ses poèmes en russe et en traduction anglaise, les mémoires de Mandelstam, ainsi que le récit de Tsvetaieva portant sur leur relation amoureuse. Dans la biographie de Brown, ces différents textes fusionnent, cimentés entre eux par les commentaires de l'auteur. Grâce à ses facettes multiples, *Mandelstam* constitue la source idéale où puiser l'inspiration pour un poème polysémique.

Plusieurs points de vue s'imposent dans l'interprétation de l'œuvre de McGuckian. D'une part, il se lit comme allusion à la relation épistolaire entre Tsvetaieva, Pasternak et Rilke, relation aux allures de liaison amoureuse triangulaire. D'autre part, «Visiting Rainer Maria» revoit à un épisode amoureux entre Tsvetaieva et Mandelstam. Deux relations seulement détectables à partir du texte source. La première strophe du poème déclare:

He said he was just leaving
As I was just arriving, in my blue
Smock, yesterday, without meaning to [3. P. 10].

Les deux premiers vers se réfèrent à un paragraphe de *Mandelstam* dans lequel Brown dépeint la première rencontre entre Tsvetaieva et Mandelstam dans la maison de leur ami commun Maximilian Voloshin en Crimée: Tsvetaeva and her husband, S. Ya. Efron, had met Mandelstam in Koktebel in the summer of 1915, a year before the episode in Aleksandrovo. Their encounter was brief: Mandelstam was just leaving the Crimea and they were just arriving. Both he and they were the guests of Voloshin and his mother, whose hospitality to many transient intellectuals has become legendary [nous soulignons] [23. P. 64].

Le poème de McGuckian fait apparaître les termes «leaving» et «arriving», ce qui suggère la rencontre manquée des deux amants. De la même façon que Mandelstam et Tsvetaieva ne peuvent s'entrevoir que furtivement, les deux individus évoqués dans le poème de McGuckian n'ont pas l'occasion de se rejoindre. Par son choix d'images, la poète irlandaise laisse entendre une relation non accomplie, passant par la séparation et la distance. En effet, l'allusion à l'épisode d'Alexandrova, mentionnée dans le passage de *Mandelstam*, concerne une certaine relation amoureuse se développant entre les deux poètes pendant l'été 1916. À ce moment-là, Tsvetaieva demeurait avec ses deux enfants chez sa sœur à Alexandrova. Cet épisode apparaît de manière codée dans les deux dernières strophes du poème:

Dates over partings of quite a different
Cast. I said, I must find it,
Using the feminine form of must,
What *you* want, what *I* want, what can be done.

For four more virgin months I have been
Not his, not his, not his, his
A sea-kitten rolling up in his
English shirt like a tray of Persian
Tea, neutral as a cloud [3. P. 11].

Les vers «dates over partings of quite a different/ Cast» et «For four more virgin months» sont liés à des passages tirés des mémoires de Tsvetaieva, amplement cités dans le livre de Brown. Dans le paragraphe suivant, Tsvetaieva dépeint les visites de Mandelstam à Alexandrovo, et ses départs imprévus: His departure took place unexpectedly – if not for me with my *four-month experience* (February to June) of these Mandelstamian arrivals and departures (raids and routs), then for him, with his childlike longing for home, whence he would always flee again [my italics] [23. P. 62].

Tsvetaieva explique qu'à plusieurs reprises, Mandelstam décida spontanément de s'en aller, tout en regrettant sa décision une fois dans le train. Son comportement erratique surgit de manière codée dans le vers «partings of quite a different/cast». McGuckian procède ainsi pour présenter le caractère irrationnel des relations amoureuses et ses aléas tels que la séparation. Elle insiste donc à nouveau sur la thématique des relations peu satisfaisantes évoquées dans la première strophe du poème. Cette image se trouve soulignée par le vers «for four more virgin months I have been/ *not his, not his, not his, his*». Voilà qui fait penser à une union non consommée. Éclairés par le texte source, nous pouvons constater que le vers est basé sur la relation amoureuse entre Tsvetaieva et Mandelstam qui dura exactement quatre mois. Du fait que leur liaison sombre brusquement après une si brève période, la virginité évoquée dans le poème suggère une relation improductive et sans lendemain.

Le vers «for four more virgin months I have been/ *not his, not his, not his, his*» évoque le manque d'une connexion spirituelle et physique entre les deux amants. Le vers provient d'un passage des mémoires de Tsvetaieva, dans lequel la poète illustre comment elle raccompagne Mandelstam à la gare après l'un de ces départs sur un coup de tête: «Marina Ivanovna!» (The train is already moving.) «I'm sure I'm being stupid to leave! Here I've been so... so ...»(The car picks up speed and so do I.) «Never with anyone have I felt...»I run, leaving behind Mandelstam, the train, and the sentence. End of the platform. A post. I also turn to a post. The cars go past: *not his, not his, not his ... his*. I wave, as only the day before he and I had waved at the soldiers. He waves. Not one hand – both. As if waving something away! A shout is carried back along the steam-engine's mane: «I don't want to go to the Crimea!» [3. P. 63].

Le récit de Tsvetaieva souligne leur relation singulière, Mandelstam étant constamment déchiré entre le désir de partir ou demeurer. Le vers

«for four more virgin months I have been/ *not his, not his, not his, his* »ne fait pas uniquement allusion au wagon de train de Mandelstam, mais aussi à l'absence d'une union profonde entre les deux poètes. Toujours dans la fuite, elle n'était jamais «his». Le vers «partings of quite a diffent/ cast» admet différentes interprétations. Dans un contexte nord-irlandais, il est à relier à la division de l'île, les deux parties ayant fait leurs adieux. Cette idée trouve son écho dans une interview avec McGuckian dans lequel elle décrit sa perception de la partition de l'Irlande: It's almost like you having a bout and you cut it in two, one part is trying to sail and the other is sailing into another direction, and they have lost each other in the fog. And that's the way I feel about the country: the North has swum away and has only half of a sail, and the other country is on this way, and they're equally wounded [22. P. 6].

Dans cette optique-là, le vers susmentionné d'«Harem Trousers» dépeint l'Irlande comme une île où le nord et le sud se sont séparés l'un de l'autre. En outre, le vers «what *you* want, what *I* want» renvoie à des opinions contraires, allusion claire aux deux communautés ethno-religieuses d'Irlande du nord. La possibilité de négociations politiques se laisse entrevoir dans l'expression «what can be done», et avec elle, l'espoir d'une éventuelle réconciliation. Le vers «*not his, not his, not his, his*», en revanche, fait référence au sujet de l'appartenance. Ainsi, McGuckian évoque un concept d'une grande importance dans le discours en vigueur en Irlande du nord. Autre image connotée politiquement: le «sea kitten» portant un «English shirt». Potentiellement irlandais, le «sea kitten» ne devient que «neutral as a cloud» de cet habit anglais. McGuckian articule ainsi son désir de neutralité et de réconciliation des deux communautés. Dans ce même registre de comparaisons, elle suggère qu'à l'instar des liaisons amoureuses troublées entre les poètes, la relation entre les deux champs politiques en Irlande du nord reste problématique.

Nous avons mentionné précédemment que le titre du poème «Visiting Rainer Maria» évoquait la correspondance fervente échangée entre Tsvetaieva, Pasternak et Rilke pendant l'été 1925. Ces courriers remontent à un message de Rilke à Leonid Pasternak, père de Boris. En Pasternak le jeune, le poète allemand vénérat l'auteur-phare d'une nouvelle génération [11. P. 162]. Touché par les mots de son modèle poétique, Boris Pasternak envoya une lettre à Rilke dans laquelle il exprimait son admiration pour l'œuvre de ce dernier, tout en ajoutant quelques mots sur l'écriture de Tsvetaieva. Par la suite, les trois auteurs

entamèrent une correspondance exubérante, foisonnant de réflexions poétiques, de compliments et de déclarations d'amour. Karlinsky note que cette relation épistolaire se déroulait non dans un monde réel, mais dans un univers d'excès spirituel [11. 163]. Tsvetaieva, Pasternak et Rilke prévoyaient une rencontre au printemps 1927, rencontre qui n'a jamais eu lieu à cause de la mort inattendue du poète allemand en 1926 [11. P. 167-168].

Le titre du poème de McGuckian renvoie à cette réunion désirée par les trois poètes. À part le titre, d'autres allusions à l'amitié passionnée des trois écrivains émergent dans «Visiting Rainer Maria». Étant donné que leur correspondance ardente s'est étalée sur une période de quatre mois, les «four virgin months» mentionnés dans le poème, désignent ce laps de temps. La référence à la virginité suggère à nouveau une relation amoureuse non consommée. Dans ce sens, l'amitié passionnée des trois poètes reste «virginale», car leur projet d'une réunion physique n'a jamais pu être réalisé. En dépit de cet échec, un fort lien spirituel s'installa entre Tsvetaieva, Pasternak et Rilke lors de leur correspondance, lien relevant de l'attache métaphysique. Konstantin Azadovsky décrit l'échange entre les trois écrivains de la manière suivante: «This is a conversation between people who understood each other's slightest hints, who seem to be initiates of a mystery which they have no need to interpret to each other» [11. P. 163]. Cette connexion spirituelle entre poètes, McGuckian ne l'applique-t-elle pas à elle-même et aux trois écrivains russes? De cette façon, elle postule la possibilité d'une compréhension artistique dépassant les limites de l'espace et du temps: même si McGuckian n'a jamais pu rencontrer Tsvetaieva, Pasternak et Rilke physiquement, elle suggère un lien étroit avec ceux-ci. Ainsi, reprenant les mots de Bakhtine, elle insère sa propre «voix» dans le «dialogue» des trois poètes [14. P. 163].

Les exemples illustrant la pensée et l'écriture poétique de McGuckian cités dans cet article ont montré que la vie, le discours ainsi que l'œuvre de Tsvetaieva ont exercé une forte influence sur la poète irlandaise. Cela va jusqu'à s'identifier avec sa collègue russe. Au-delà faire l'écho de certaines réflexions artistiques de Tsvetaieva, elle intègre également des images utilisées par son homologue russe dans sa poésie, et fait référence aux poèmes ainsi qu'à la vie mouvementée de cette dernière. Grâce à son écriture à plusieurs niveaux de signification, McGuckian emploie Tsvetaieva comme prisme à travers lequel elle évoque des sujets caractéristiques pour l'écriture féminine, comme les relations entre les

deux sexes. De façon plus abstraite, elle fait également allusion à la situation en Irlande du nord. Ainsi, elle tente de reconsidérer les perceptions traditionnelles du conflit nord-irlandais. Les poèmes fonctionnent selon plusieurs niveaux de significations, laissant une grande latitude d'interprétation. Dès lors, les mots de Roland Barthes ne s'appliquent-ils pas spécialement à l'œuvre poétique de McGuckian: un «tissu de citations» associant plusieurs «cultures qui entrent les unes avec les autres en dialogue, en contestation»? [16. P.45].

Notes

1. Sewell F. Medbh McGuckian talks to Frankie Sewell // *New Writing from the School of English* / Ed. Carol Rumens. Belfast: Brangle Publishing, 1993.
2. McGuckian M. *On Ballycastle Beach*. Oldcastle: Gallery Books, 1995.
3. McGuckian M. *Marconi's Cottage*. Winston-Salem: Wakeforst University Press, 1991.
4. Williams P. *Spare that Tree* // *Honest Ulsterman* 86, 1989.
5. Simmons J. *A Literary Leg-Pull?* // *Belfast Review* 8, 1984.
6. Alcobia-Murphy Sh. *Sympathetic Ink. Intertextual Relations in Northern Irish Poetry*. Liverpool: Liverpool University Press, 2006.
7. Mandelstam N. *Hope Against Hope*. L.: Penguin, 1975.
8. Mandelstam N. *Hope Abandoned*. L.: Penguin, 1975.
9. McNeal R. *Bride of the Revolution. Krupskaya and Lenin*. Michigan: Michigan The University of Michigan Press, 1992.
10. Feinstein E. *A Captive Lion. The Life of Marina Tsvetaeva*. L.: Brookmount House, 1987.
11. Karlinsky S. *Marina Tsvetaeva. The Woman, her World, and her Poetry*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
12. Tsvetaeva M. *Art in the Light of Conscience. Eight Essays on Poetry*. Livingstone, Angela (trans.), Tarsset: Bloodaxe, 2010.
13. Tsvetaeva M. *A Captive Sprit: Selected Prose*. King, Marin J. (trans/ed.). Londres: Virago, 1983.
14. Bakhtine M. *Discourse and the Novel* // Holquist, Michael (éd.): *The Dialogic Imagination. Four Essays by M. M. Bakhtin*. Austin: University of Texas Press, 1981.
15. McCracken K. *An Attitude of Compassion*. *The Irish Literary Supplement*, 1990 Fall.
16. Barthes R. *La mort de l'auteur* // *Œuvres complètes*, vol. 3, P.: Seuil, 2002.

17. Proffer Carl R. Tsvetaeva: A Biographical Note // Tsvetaeva, A Captive Spirit.
18. Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers // Gesammelte Schriften, vol. iv, Francfort: Suhrkamp, 1972.
19. Tsvetaieva M. Poema lestnizy // Sobranie sochineniï, vol. 3. M.: Ellis Lak, 1994.
20. Ivinskaya O. A Captive of Time. My Years With Pasternak. Max Hayward (trans.). New York Doubleday, 1978.
21. Schweitzer V. Tsvetaeva. Robert Chandler ; H. T. Willets (eds.), Londres: Harvill Press, 1992.
22. Schrage-Früh M. An Interview with Medbh McGuckian // Contemporary Literature. No. XLVI, Vol. 1, 2005.
23. Brown C. Mandelstam. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

Сведения об авторе

Stephanie Schwerter
Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS),
Maître de langue
E-mail: schwerter@msh-paris.fr

Штефани Швертер
доцент Высшей школы социальных наук
(Париж, Франция)
E-mail: schwerter@msh-paris.fr

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.881.1:371.261

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ШКОЛЬНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Л.В. Вилкова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В данной статье обосновывается необходимость рассмотрения оценки качества школьного иноязычного образования с позиции системного подхода. Введение в системную технологию методических приемов говорит о ее реалистичности, оснащенности для преодоления сложности реальных ситуаций системной деятельности. Системный характер оценки качества школьного иноязычного образования включает оценку результатов образования, успешности освоения содержания учебных предметов, оценку динамики образовательных достижений обучающихся, разработку планируемых результатов, накопительную систему оценивания (портфолио) и др.

Ключевые слова: качество образования, системность, системный подход, оценка.

Systemic Quality Assessment in Secondary School Foreign Language Teaching Ludmila Vilкова

The article substantiates the need for a systemic approach to assessing the quality of teaching foreign languages in secondary schools. Introducing system technologies into teaching proves the validity and realism of the systemic approach and its capacity to deal with the full range of real-life situations in complex system activity. A systemic assessment of the foreign language program in secondary schools would include assessment of its results and learners' success and achievements in mastering the content of academic disciplines, as well as further development of the program's planned goals and cumulative performance records (e.g. portfolios), etc.

Key words: quality of education, system, systemic approach, development, evaluation.

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках государственного задания на выполнение проекта 6.5062.2011 «Повышение качества образования в вузе на основе системно-развивающего подхода».

Школьное иноязычное образование является базовой платформой для воспитания языковой личности, необходимость которого остро ощущается в эпоху развития международного бизнеса, стирания границ, межкультурного сотрудничества и информационно-компьютерных технологий, требующих непосредственного и опосредованного общения. Следовательно, проблемы качества иноязычного школьного образования и его оценка требуют особого внимания и незамедлительного решения.

Оценка качества школьного иноязычного образования представляется затруднительной задачей. Это обусловлено бессистемностью, стихийностью, случайностью полученных результатов, односторонним оцениванием познавательной деятельности и разностью оценки качества обучения образовательными учреждениями.

Высокая степень интеграции образовательного процесса, когда решение одной проблемы зависит от решения множества других, нередко комплексных проблем, многообразии факторов, влияющих на оценку качества, диктуют необходимость рассмотрения оценки качества иноязычного образования как системного объекта. Под системностью объекта понимается его свойство обладать всеми признаками системы.

По мнению В.Н. Сагатовского, система – это «конечное множество элементов, объединенных динамическими и статическими отношениями, которое с необходимостью и достаточностью обуславливает наличие целенаправленных свойств, позволяющих решать системопорождающие противоречия в определенных внешних условиях» [1. С. 66].

Системность реализуется в рамках системного подхода, который предполагает интеграцию составляющих, проектирование и формирование целостных систем. С помощью системного подхода можно выработать эффективную стратегию изучения этих составляющих. Обучаемый, обучающийся, набор инструментов для оценки качества (эталон, инструмент, с помощью которого проводится оценка, совокупность приемов или операций, результат оценки, выраженной в абсолютной или относительных единицах) и процесс обучения, взятые в отдельности, не дают представления о качестве образования и не представляют возможность его оценки.

Только их объединение, когда каждый из элементов теряет свою самостоятельность и обретает иной смысл, позволяет говорить о качестве образования. Взаимодействие между ними оказывается гораздо важнее, нежели результативная работа отдельных элементов.

Элемент в составе системы выполняет только одному ему присущую функцию, которая может быть реализована при условии его взаимосвязи с другими элементами и их взаимовлияния, что определяет структурное построение системы. Связи между элементами являются не эпизодическими и случайными, они служат важными условиями возникновения, существования и развития друг друга. Совершенствование качества образования рассматривается как предпосылка и условие улучшения его частей (подсистем и элементов), поскольку выходное качество зависит от эффективности строго последовательной деятельности множества субъектов и компонентов учебного процесса.

Система оценки качества иноязычного образования представляет собой сложноорганизованное упорядоченное целое, которое входит (в качестве части подсистемы) в систему высшего уровня. Совокупность отдельных подсистем, находящихся в иерархической взаимосвязи, образует единую систему оценки качества школьного иноязычного образования. Более того, испытывая на себе влияние общества, подчиняясь его законам, правилам, принципам, изменяя свои свойства во времени, адаптируя их, оценка качества школьного иноязычного образования получает такие характеристики системы, как открытость и динамичность.

Таким образом, оценка качества школьного иноязычного образования характеризуется основными принципами системности, представляющими собой комплекс взаимосвязанных элементов, характеризующихся целостностью, качественной определенностью, структурностью, иерархичностью, взаимозависимостью и взаимодействием, константностью, динамичностью и открытостью.

Система оценки качества образования действует внутри окружающей среды, которая является необходимым условием существования и функционирования системы. Среда накладывает ограничения на сохранение, функционирование и развитие объекта как системы, тем самым обеспечивая в заданных пределах ее воспроизводство. Взаимодействие системы с внешней средой

осуществляется через «вход», представляющий собой множество контактов, через которые воздействие среды передается системе. На входе организация получает от окружающей среды информацию, ресурсы и материалы. В процессе преобразования учреждение перерабатывает эти «входы», преобразуя их в продукцию или услуги, являющиеся выходами организации, которые она выносит в окружающую среду.

Внешней средой по отношению к системе оценке качества является система образования, система управления ею, социально-экономические условия, образовательная политика на уровне государства, региона и многое другое. Именно они, учитывая потребности общества, формулируют цели и требуют результатов выполнения поставленных задач. Переход на компетентный подход к образованию, определяемый социальным заказом общества, запросами рынка труда, коренным образом трансформирует систему оценки качества школьного иноязычного образования, подчиняя ее заданной цели и кардинально меняя содержание, характер, процедуры и технологии оценки. Для прогнозирования развития и получения требуемого качества необходимо постоянное внешнее воздействие на систему образования на основе новых контрольно-оценочных систем, включающих банки калиброванных (с известным уровнем трудности) тестовых заданий; использование программно-инструментальных средств и пакетов для статистического анализа качества тестов, современных методик шкалирования и оценивания результатов тестирования, информационных баз данных для автоматизированного сбора, обработки, хранения, анализа и интерпретации результатов независимого контроля качества обучения.

Наличие цели признается центральным компонентом и интегрирующим (системопорождающим) фактором, что особенно важно для системы оценки качества иноязычного образования, так как это система целенаправленная, целеустремленная, отражающая сознательную деятельность человека. Действия элементов системы подчинены достижению цели – оценке и получению достоверной информации о результатах образования. За понятием цели стоят «коренные системные проблемы, касающиеся результатов системодействия, функциональности системных свойств,

ориентированности структур и системных процессов на разрешение актуальных противоречий» [2. С. 21].

Ориентация целей изучения иностранного языка, направленная не на «обучение иностранному языку» как таковому, а на «иноязычное образование», при котором предусматривается не только обучение надлежащим компетенциям, но и развитие личности в рамках предмета «иностраный язык», привела к пересмотру существующей оценки качества школьного иноязычного образования. Для эффективной оценки качества иноязычного образования следует прибегать к категоризации целей, которая предполагает их трансформацию в систему образовательных и воспитательных задач. Достижение цели зависит от того, каким образом она была задана, как формируются частные цели и задачи на различных этапах обучения. Чтобы сформулировать цели обучения, необходимо видение их реализации. Важно, чтобы «всякая единичная цель обладала пятью основными свойствами: полнотой содержания, операциональностью определения ожидаемого результата, временной определенностью, реальностью, побудительностью» [3. С. 75].

Игнорирование этого процесса привело к тому состоянию, в котором находится качество школьного иноязычного образования сегодня.

Любой объект возникает как система только при наличии объективных предпосылок – противоречий (или проблемных ситуаций), выражающих противопоставление направления развития объекта исследования и возможности его обеспечения, являющихся одним из главных системообразующих и системоформирующих факторов, «инициирующих системно-организационные явления и существенно влияющих на их направленность. «Именно для разрешения противоречий оказываются необходимыми и множество компонентов, и взаимодействие между ними, и целенаправленная динамика множества как целого и эмерджентные свойства, отсутствующие у компонентов» [2. С. 20].

В системе оценки качества школьного иноязычного образования также наблюдается ряд противоречий, подлежащих разрешению в рамках системного подхода, главные из которых:

- влияние системы оценки качества образования на обучающего и обучаемого и проявление их собственной активности;

- множественность факторов внешней среды, изменяющихся во времени, влияющих на систему оценки качества и необходимость их учета;

- трудность установления конечного результата оценки качества иноязычного образования из-за большого количества критериев и показателей, не поддающихся измерению, и необходимость выявления критериев и показателей;

- особенности иностранного языка как предмета (неограниченность, инструментальный характер, оценка коммуникативной компетенции) и необходимость их учета в системе оценки качества.

Противоречия между старым и новым, внешней и внутренней средой, изменяющимися функциями элементов и характером связи между ними ведут к преобразованиям в системе. Они могут отражать как завершающий конечный этап в развитии системы, так и реорганизацию, высшее по степени организованности состояние, превращение системы как целого в элемент другой, высшей системы.

Применение системного подхода нельзя воспринимать как одноразовую процедуру, как выполнение какой-то последовательности действий, дающей предсказуемый результат. Обычно это многоцикловый процесс познания, поиска причин и принятия решений для достижения определенной цели, для которой создается некоторая искусственная система. Это творческий процесс и, как правило, на первом цикле он не заканчивается. Построение системной процедуры в форме алгометрического «...цикла, состоящего из формулировки проблемы, отбора целей, составления альтернатив, сбора данных, построения моделей, взвешивания затрат по отношению к результатам...» [4. С. 84], является, согласно мнению Э. Квейда, ключевым условием успешности исследования, фактором снижения неопределенности.

Существенное место занимают методические приемы: оценка степени достижения целей, разработка критериев ранжирования альтернатив по предпочтительности, анализ чувствительности решений к изменению исходных предпосылок и оценок, анализ неопределенности и ее влияния на результаты системного исследования. Их введение в системную технологию говорит о ее реалистичности, оснащенности для преодоления сложности реальных

ситуаций системной деятельности. Цикличность, усиливая функциональную конструктивность системного подхода, дает ключ к борьбе с неопределенностью при системном исследовании путем уточняющего повторения процедурного цикла. При таком условии неэффективная работа системы оценки качества, то есть несоответствие целей, заданных на входе системы, и результатов, полученных на выходе, подвергается необходимым изменениям. Вместе с тем это дает возможность стратегического планирования, прогнозирования, альтернативу при выборе способа действий системы.

Системный характер оценки качества школьного иноязычного образования включает:

- ❖ оценку результатов образования (предметных, метапредметных и личностных результатов общего образования);
- ❖ оценку успешности освоения содержания отдельных учебных предметов на основе системно-деятельностного подхода;
- ❖ оценку динамики образовательных достижений обучающихся;
- ❖ сочетание внешней и внутренней оценки как механизма обеспечения качества образования;
- ❖ уровневый подход к разработке планируемых результатов, инструментария и их представлению;
- ❖ использование накопительной системы оценивания (портфолио);
- ❖ использование (наряду со стандартизированными письменными или устными работами) проектов, практических и творческих работ, самоанализа, самооценки, наблюдений и др.

Каждый из указанных компонентов системы имеет свой цикл: зарождение, становление, функционирование, развитие, расцвет, упадок, гибель [5. С. 18]. Упущение момента своевременной модернизации системы приводит к нарастанию противоречий, ее кризису, другими словами, если система не развивается, она погибает, т. к. ее уничтожает среда. Наличие системообразующих (целевое состояние, противоречие), системообразующих (свойства, состав, структура) и системообуславливающих (задаются условиями внешней среды) [3. С. 5] факторов указывает на системный характер оценки качества школьного иноязычного образования.

Библиографический список

1. Сагатовский В.Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 52-68.
2. Винограй Э.Г. Категориальный анализ. Реконструкция и алгоритмизация системного подхода // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово: КемГУКИ. 2010. № 10. С. 16-31.
3. Поташник А.М., Моисеев А.М. Управление современной школой (в вопросах и ответах). М.: Новая школа, 1997. 352 с.
4. Квейд Э. Методы системного анализа. М.: Прогресс, 1971. С. 78-98.
5. Жилина А.И. Системный подход как методология педагогического исследования // Человек и образование. 2007. № 10-11. С. 15-20.

Сведения об авторе

Вилкова Людмила Владимировна
аспирант кафедры педагогики и психологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: plymouth@inbox.ru

УДК 372.881.1:81'246.2

РОЛЬ АКУСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА СЛОВА В ФОРМИРОВАНИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННЫХ УЧЕБНИКОВ*

Д.Н. Толстова, К.В. Александров

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Данная статья посвящена описанию принципа создания акустического образа слова в обучении иностранным языкам, реализация которого призвана повысить эффективность электронных учебников, ориентированных на формирование фонетических навыков.

Ключевые слова: фонетические навыки, акустический образ слова, представление слова, алгоритм распознавания речи, аудитивные навыки, мультимедийный комплекс.

The Role of the Acoustic Image of Words in Acquiring Phonetic Skills through Electronic Books

Dilyara Tolstova, Konstantin Alexandrov

The article discusses principles of creating the acoustic image of words in foreign language learning with the goal to improve the efficiency of electronic books in acquiring phonetic skills.

Key words: phonetic skills, acoustic image of words, speech, word recognition, algorithm of speech recognition, listening skills, a multimedia complex.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) обусловило их широкое распространение в различных областях человеческой деятельности. Идея применения компьютеров для обучения иностранным языкам была предложена специалистами еще несколько десятилетий назад, но стала активно разрабатываться с появлением технологий мультимедиа, позволяющих организовывать быстрый доступ пользователя к информации в виде текста, звука и видеоизображения.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках государственного задания на выполнение проекта 6.4870.2011 «Разработка мультимедийных учебно-методических материалов по немецкому, французскому и испанскому языкам».

К настоящему времени созданы многочисленные мультимедийные (электронные) учебники по иностранным языкам, которые, как правило, включают средства формирования произносительных навыков, реализующие следующие возможности ИКТ [1], [2], [3].

1. Прослушивание эталонов произнесения звуков, слов, фраз с возможностью многократного, в том числе замедленного, воспроизведения.

2. Анимированная демонстрация произнесения звуков с сопровождающим текстовым описанием правил артикуляции.

3. Цифровая запись произнесенных пользователем звуков, слов или фраз для последующего анализа и самооценки.

4. Сопоставление произнесенных пользователем звуковых единиц с имеющимися эталонами и определение степени их совпадения.

5. Распознавание речи обучающегося, сравнение с заложенными вариантами ответов и демонстрация соответствующей алгоритму программы реакции (например, управляемый диалог).

Обучение фонетике при помощи электронных учебников предполагает овладение ориентировочными основами действия (через объяснение характера звука или интонации, прослушивание эталона) и дальнейшую индивидуальную тренировку в распознавании и воспроизведении звуков иностранного языка в изолированном виде и в контексте [4]. Компьютер позволяет обучающемуся выбрать нужный темп и частоту тренировки, определить требуемое ему число повторений и продолжительность тренировки.

Большинство разработанных электронных учебников рассчитаны на использование в режиме самоучителя и не предоставляют возможности системного внедрения в учебный процесс. Спецификой большинства подобных программ является их направленность на развитие именно навыков произношения, с тем чтобы обучаемый максимально быстро получил результат, выраженный в возможности произнести фразу по услышанному образцу.

В условиях обучения в школе или в вузе такой подход не является оптимальным по ряду причин. Во-первых, алгоритмы распознавания речи не гарантируют того, что обучаемый научится

правильно произносить звуки – с помощью своих аудитивных умений учитель (преподаватель) способен намного точнее определить ошибку в произношении и найти его причину.

Во-вторых, обучение произношению изолированно от обучения восприятию на слух иноязычной речи, по нашему мнению, не является целесообразным и противоречит природе коммуникации. Формирование произносительных навыков должно быть соотнесено с совершенствованием аудитивных навыков (и умений аудирования в целом), которые, как правило, развиты у обучаемых школ и вузов достаточно плохо. Это обусловлено отсутствием необходимого опыта восприятия аутентичной речи на слух: на иностранном языке обучающимся доступна только речь учителя, работа над аудиотекстами не всегда проводится регулярно из-за нехватки аудиторного времени.

С нашей точки зрения, данная проблема может быть решена посредством внедрения электронных учебников, построенных по принципу **целенаправленного развития акустического образа иноязычных слов**. Суть данного принципа сводится к созданию условий для формирования звукового образа слова в сознании обучаемого, что необходимо не только для обеспечения правильного произношения, но и для развития аудитивных навыков, включаемых в различные виды речевой деятельности.

Для обоснования данного принципа обратимся к работе Б.В. Беляева [5], в которой рассматривается вопрос о представлении слова в сознании человека. С психологической точки зрения слово является, с одной стороны, сложным комплексным раздражителем (при восприятии и понимании устной и письменной речи), а с другой стороны, слово есть столь же сложное ответное действие (реакция) человека (при выражении в речи – устной или письменной – собственных мыслей). Как раздражитель слово имеет в своей структуре два основных компонента – слуховой и зрительный: человек слышит слово или видит его напечатанным или написанным. Как реакция человека слово характеризуется наличием ещё третьего – двигательного компонента, который в свою очередь распадается на два: артикуляционный и моторнографический. Подобно всякой другой двигательной реакции, произнесение слова или его написание сопровождается двигательными ощущениями. Поэтому усвоение

слова предполагает образование в коре полушарий головного мозга довольно сложного комплекса временных нервных связей между зрительным, слуховым и двигательным участками коры.

Как зрительно-слухо-двигательный комплекс слово может не только восприниматься, но и представляться. В том и в другом случае в сознании человека имеется образ слова, но только в первом случае он обуславливается действием словесного раздражителя, а во втором случае он воспроизводится, т.е. восстанавливается по памяти. Образ слова, воспроизводимый по памяти, называется представлением слова. Словесное представление всегда бывает зрительно-слухо-двигательным, вследствие чего можно говорить о том, что в психологическую структуру слова входят слуховое, зрительное и два двигательных (артикуляционное и моторно-графическое) представления слова [5. С. 119].

У взрослого человека, владеющего языком, восприятие и произношение слов опосредуются внутренними кодами, обеспечивающими фонологический, артикуляторный, зрительный и семантический анализ слова. Причем все перечисленные коды и операции, осуществляемые на их основе, имеют свою мозговую локализацию.

Клинические данные позволили выстроить следующую схему восприятия слова. Заключение в слове акустическая информация обрабатывается в классической слуховой системе и в других неслуховых образованиях мозга (подкорковых областях). Поступая в первичную слуховую кору (зону Вернике), обеспечивающую понимание смысла слова, информация преобразовывается там для формирования программы речевого ответа. Для произношения слова необходимо, чтобы образ или семантический код этого слова поступил в зону Брока, где возникает детальная программа артикуляции, которая реализуется благодаря активации лицевой зоны области моторной коры, управляющей лицевой мускулатурой. Если слово поступает через зрительную систему, то сначала включается первичная зрительная кора. После этого информация о прочитанном слове направляется в угловую извилину, которая связывает зрительную форму данного слова с его акустическим сигналом в зоне Вернике. Дальнейший путь, приводящий к возникновению речевой реакции, такой же, как и при чисто акустическом восприятии [6].

Указанная закономерность позволяет выявить связь в сознании человека между содержанием, звуковым и графическим образом слова. Для успешного включения в слова в иноязычную деятельность обучающегося необходимо, чтобы изучение лексических единиц было напрямую связано с прослушиванием и запоминанием его фонетического оформления. Слово как единство семантического содержания, графической и звуковой формы является основой как грамотного построения высказывания, так и корректного восприятия иноязычной речи.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что образ слова, в частности его акустический компонент, является обязательным условием овладения иностранным языком и формирования поликультурной языковой личности в целом. Безусловно, формирование аудитивных навыков не должно ограничиваться созданием акустического образа слова, это лишь важный шаг в развитии умений аудирования.

Возможности ИКТ позволяют контролировать процесс формирования звукового образа слова в режиме самостоятельной работы. Для этого электронный учебник должен включать максимальный объем звуковых материалов, в том числе озвученные лексические единицы, объяснения грамматического материала, задания к упражнениям, аудиотексты и т.п. Кроме того, на основе ИКТ возможно разработать систему мультимедийных упражнений ориентированных на формирование акустического образа слова и развитие соответствующих навыков и умений. Выполнение таких упражнений под контролем электронного учебника должно обеспечивать тренировку действий по соотнесению графического и звукового образов слова, по анализу аудиофрагментов, их группировки, содержательному членению и т.п.

По нашему мнению, создание электронного учебника, реализующего на основе рассмотренного выше принципа технологию формирования звукового образа слова посредством методически обоснованных упражнений, окажет заметное положительное влияние на процесс развития произносительных и аудитивных навыков обучаемых и уровень их иноязычной подготовки в целом.

Библиографический список

1. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 216 с.
2. Зубов А.В. Методика применения информационных технологий в обучении иностранным языкам. М., 2009. 144 с.
3. Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. М.: КомКнига, 2005. 368 с.
4. Меркулова Е. М. Английский язык для студентов университетов. Введение в курс фонетики. СПб.: Союз, 2000. 144 с.
5. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1965. 227 с.
6. Вартамян И.А. Физиология сенсорных систем // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ido.rudn.ru/psychology/psychophysiology/8.html>

Сведения об авторах

Толстова Диляра Найловна
аспирант кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: dilyara_dilyara@mail.ru

Александров Константин Вячеславович
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alexandrov@lunn.ru

УДК 372.881.1:81'246.2

ШКОЛЬНОЕ ЛИНГВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*

А.Н. Шамов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются проблемы школьного лингвистического образования средствами иностранного языка на современном этапе. Иноязычное образование школьников находится под влиянием разных научных парадигм и подходов. Наиболее важным является когнитивный подход. Особенно сильное влияние он оказывает на становление лексической компетенции. Уроки по формированию лексических навыков должны быть интеллектуально насыщены. Это находит свое выражение в конвергентных способностях, креативности, высоком уровне обучаемости, когнитивном стиле школьников.

Ключевые слова: лингвобразование, научная парадигма, когнитивный подход, лексические навыки, лексическая компетенция, стратегии обучения лексике, технологии обучения лексике.

Language Education in Contemporary Secondary Schools Alexander Shamov

The article deals with current problems and issues of teaching foreign languages in contemporary secondary schools. Foreign language programs in secondary schools employ a variety of instructional paradigms and approaches, though the cognitive approach remains dominant in view of its effectiveness in vocabulary acquisition. Lessons, focused primarily on vocabulary acquisition, must be rich in intellectual content, which, in its turn, would foster further development of learners' convergent abilities, cognitive styles, creativity and capacity for learning.

Key words: language education, scientific paradigm, cognitive approach, vocabulary skills, lexical competence, vocabulary teaching strategies, vocabulary teaching technology.

Теория и методика обучения иностранным языкам имеет в нашей стране свою историю, свои традиции. Сегодня можно

* Статья подготовлена в ходе выполнения НИР «Методическая концепция информатизации обучения иностранному языку и ее реализация посредством мультимедийных технологий» при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Проект реализуется в рамках Научно-образовательного центра мультимедийных технологий обучения иностранным языкам ФГБОУ ВПО НГЛУ. Подробная информация о деятельности центра доступна по адресу: www.call.lunn.ru

констатировать, что методическая наука вышла на новый уровень своего развития. Характерные черты современной методической науки определяются спецификой современного этапа социокультурного развития общества и, в частности, требованиями к качеству обучения иностранным языкам. Это обусловлено многозначными функциями иностранного языка в жизнедеятельности современного человека. Язык выступает, с одной стороны, средством коммуникации, расширения позитивных культурных и этнических контактов, развития возможностей личности обучаемого, его профессиональной самореализации. С другой стороны, иностранный язык способствует усвоению мирового духовного опыта, приобщению к культуре в глобальном масштабе, создавая возможность для полноценного культурного и духовного роста каждого человека.

Мы знаем, что систематическое обучение языку начинается в школе. Оно призвано обеспечить нормативный (стандартный) уровень лингвистического образования учащихся, дать всем возможность для дальнейшего продвижения в изучении иностранных языков. В теории и практике лингвистического образования сложился положительный опыт разработки и применения (в том числе и в общеобразовательной школе) эффективных подходов, методов и моделей обучения. В этой связи можно назвать следующие подходы, получившие широкое распространение: а) развивающий (Р.П. Мильруд); б) лингвострановедческий (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров); в) социокультурный (В.В. Сафонова); д) личностно-деятельностный (И.А. Зимняя). Широко используются такие методы, как коммуникативный (И.Л. Бим, Н.И. Гез, Е.И. Пассов), активизации резервных возможностей личности и коллектива (Г.А. Китайгородская). Приобрела известность в лингвообразовании личностно-позиционно-деятельностная модель обучения (И.Б. Ворожцова).

Влияние социальных, политических, экономических, профессиональных, психолого-педагогических, культурологических факторов на систему лингвистического образования вызвало объективную необходимость в разработке новейших методических подходов, способствующих максимальной актуализации личностно-интеллектуального потенциала учащихся.

Это вызывает закономерный научный интерес к положениям когнитологии и разработке когнитивного подхода в обучении иностранным языкам в целом.

Идеи когнитивной лингвистики, когнитивной психологии, когнитивно-коммуникативного обучения разных категорий обучаемых представлены в трудах многих исследователей. Это сложилось в целое научное направление – когнитологию. Опираясь на когнитивную психологию, положения когнитивной лингвистики, ученые затрагивают разные аспекты когнитивного подхода в обучении иностранным языкам и освоении иноязычных культур, интерпретируя их как психологические, психолого-педагогические, лингвистические принципы, лежащие в основе обучения языкам и использующиеся при построении учебных программ, создании учебников и различного рода пособий. Анализ научных источников позволяет констатировать, что успешное усвоение иностранного языка как совокупности разных видов знаний (о системе языка и его единицах, об окружающей действительности, о культуре страны изучаемого языка) обеспечивается комплексом когнитивных процессов, что делает когнитивный подход в методике обучения иностранным языкам, безусловно, актуальным и широко востребованным. Вот почему многие школьные учителя, преподаватели вузов возлагают на этот подход определенные надежды.

Исследования, проведенные в данном направлении, показывают, что когнитивные процессы в лингвообразовании обеспечивают личностное развитие учащихся, способствуют качественному преобразованию всех видов информации, репрезентаций и знаний. Это, в свою очередь, приводит к овладению процессом познания, к семантическому анализу разных видов знаний, к развитию мыслительных процессов и упрочению позитивной мотивации в обучении языкам. Когнитивный подход как методологически значимый в методике обучения иностранным языкам соответствует современному представлению об ученике как активном субъекте познания. Рассматриваемый подход отвечает общей тенденции движения теории обучения в направлении разработки механизмов развития и активизации познавательной деятельности обучаемых как активных участников образовательного процесса [1].

Исследования, выполненные в рамках руководимого нами научного направления «Когнитивный подход в обучении иностранным языкам в разных типах учебных заведений», показывают, что серьезным недостатком современной практики обучения языкам и в школе, и в вузе (особенно неязыковом) остается его низкая продуктивность. Объясняется это недостаточной интеллектуальной насыщенностью уроков иностранного языка [2], [3] [4], [5], [6]. Мы хорошо знаем, что овладение языком на разных уровнях владения им представляет высокоинтеллектуальную деятельность человека.

В терминологических словосочетаниях «интеллектуальная насыщенность», «интеллектуальная деятельность» ключевым является понятие «интеллект». В психологической литературе интеллект рассматривается как относительно устойчивая структура умственных способностей школьника, который обязан усвоить определенный объем лексического материала, причем усвоить качественно.

Интеллектуальная насыщенность урока иностранного языка предполагает то, что учащийся должен владеть а) целой системой умственных операций (анализ, синтез, сравнение, группировка, обобщение, вывод умозаключения); б) определенными стратегиями решения проблем (в нашем случае – с проблемами, связанными с усвоением лексического материала); в) специальными приемами по запоминанию лексических единиц и по их использованию в речи (комбинированию); г) определенными когнитивными стилями, индивидуальными способами получения, переработки, хранения и применения целого комплекса лексической информации (знание самих лексических единиц, информации об особенностях структуры их значения, правилах употребления этих единиц).

Интеллектуальная насыщенность уроков иностранного языка проявляется в развитии таких обобщающих познавательных процессов, как прогнозирование; кодирование (разные его виды); перенос. Обобщающие когнитивные процессы определяют качество всей познавательной деятельности учащихся. Включение когнитивных процессов в учебный процесс приводит к высокому уровню сформированности разных видов лексических навыков [7].

Интеллектуальная насыщенность уроков иностранного языка находит свое выражение в развитии интеллектуальных способностей обучаемых. Они обнаруживают себя в конвергентных способностях; в креативности; в обучаемости и в когнитивном стиле.

Усилиями представителей разных наук создана научно-теоретическая база для дальнейшей разработки когнитивного подхода в методике обучения иностранным языкам. Основные положения наук, связанных с изучением познавательной деятельности человека, легли в основу нашего исследования. Проблема когнитивного подхода к обучению языкам до настоящего времени не получила еще глубокой научно-теоретической и практической завершенности.

Изучение исследований в области методики преподавания иностранных языков, теории и практики обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе позволило выявить ряд существенных противоречий, главные из которых следующие:

- противоречие между реальной низкой результативностью обучения иностранному языку в общеобразовательной школе в целом и лексическому аспекту, в частности, и сложившейся в современных условиях системе требований к лингвообразованию;

- противоречие между отдельными методическими подходами и рекомендациями по совершенствованию обучения лексической стороне иноязычной речи и объективной необходимостью в научно обоснованном подходе, разработанном как целостная методическая система, реализующая внутренние механизмы познавательной деятельности;

- противоречие между совокупностью научных данных об определяющей роли когнитивных процессов в изучении лексического аспекта иностранного языка, с одной стороны, и их недостаточным научно-методическим осмыслением, с другой;

- противоречие между объективной потребностью в когнитивной модели обучения лексическим основам разных видов речевой деятельности в условиях общеобразовательной школы и недостаточной разработанностью научно-теоретических основ ее построения и реализации в лингвообразовательном процессе;

- противоречие между перспективами совершенствования обучения лексической стороне иноязычной речи в условиях модели,

способствующей развитию когнитивных процессов учащихся, и существующими условиями обучения в общеобразовательной школе.

Названные причины обуславливают необходимость разработки теоретических основ и поиска практических путей реализации когнитивного подхода в обучении языку в целом. В центре нашего внимания остается обучение лексическому аспекту иноязычной речи.

Основу исследования составили теоретические выводы и положения ведущих ученых в смежных и базисных для методики обучения иностранным языкам науках (общей теории развития и познания, психолого-педагогических идеях и концепциях о сущности и природе человека, положениях когнитивной психологии, трудах в области речевого развития личности школьника, концептуальных идеях коммуникативно-ориентированной методики преподавания иностранных языков в разных типах учебных заведений).

Проведенное исследование позволило сформулировать концепцию обучения лексической стороне иноязычной речи в русле когнитивного подхода. В ее основу положены специально сформулированные принципы. Они существенно отличаются от традиционных. Среди них – а) принцип системообразующей роли лексики в обучении иностранным языкам; б) принцип лексического опережения; в) принцип соответствия моделей когнитивной деятельности учащихся задачам обучения; г) принцип верификации ментальных компонентов содержания обучения лексической стороне речи [8].

В русле представленной концепции был выполнен целый ряд диссертационных исследований по обозначенной теме [9], [10], [11], [12], [13], [14]. В проведенных исследованиях уточнялись отдельные теоретические положения когнитивного подхода в обучении лексическим основам, исследовалась эффективность интеллектуальных приемов в формировании названных навыков, влияние лексических навыков на развитие аутентичной иноязычной речи.

Модель обучения иноязычной лексике можно описать как сложный системный объект. Он включает целевой, содержательный, процессуальный и результативный компоненты. Компоненты реализуются в целостном процессе обучения на основе закономерностей познавательной деятельности учащихся.

Для реализации когнитивного подхода в области обучения лексике предлагается научно обоснованный дидактический комплекс и методика реализации модели обучения лексике в практической деятельности учителя иностранного языка. Установлена двухаспектная когнитивная стратегия обучения лексической стороне речи. Стратегия основана на закономерностях познавательной деятельности школьников. С научной точки зрения определены уровни формирования лексической (семантической) компетенции как составной части коммуникативной; определены эффективные формы, способы и приемы работы над лексическими единицами школьного минимума. Составной частью предлагаемой модели предложена система лексически направленных упражнений, учитывающих закономерности познавательной деятельности школьников.

Разработанная модель обучения лексике применена к условиям обучения языку в школе. Она ориентирована на получение полезно планируемого результата в виде прочного владения разными типами и видами лексических единиц, входящих в минимум. Модель осталась бы вещью в себе, если бы не был создан методический инструментарий и технология реализации всех ее структурных компонентов. В целях практического применения названной модели были предложены технологии реализации когнитивного подхода в обучении лексической стороне. Для этого рекомендуются разные технологии развития лексической креативности и лексической рефлексии. Важное место занимают здесь правильное использование когнитивных стилей учащихся при овладении лексикой. В усвоении иноязычного слова важно использовать целый комплекс познавательных стратегий. Стратегии обучения лексике, разные обучающие приемы, формы работы с лексическим материалом, лексико-ориентированные упражнения создают определенную технологию в деятельности учителя. Мы считаем, что для этих целей можно использовать такие технологии, как проблемно-поисковая технология, технология контекстного обучения, технология компьютерной поддержки в обучении лексике, технология опоры на проблемную наглядность и технология активизации ассоциативных связей [15]. Внедрение разработанной модели, использование разных технологий по ее реализации в учебном процессе по языку обнаруживают себя в уровне и качестве сформированности

компетенции по употреблению лексических средств языка. Следует заметить, что лексическая компетенция а) является составной частью всех видов речевой деятельности; б) обеспечивает семантическую завершенность высказываний учащихся; в) создает целостное и смысловое восприятие устных и письменных сообщений; г) обеспечивает накопление лексических средств, необходимых для осуществления актов межкультурной коммуникации.

Сформированная лексическая (семантическая) компетенция обладает определенными показателями. К их числу можно отнести следующие: 1. Качество лексической имитации. 2. Интегральность семантической памяти (рациональная структурная организация в ней лексического материала). 3. Быстрое нахождение слова в ментальном лексиконе и реконструкция его ментального образа (презентации) в формах естественного языка. 4. Наличие персонального познавательного стиля в усвоении дозы лексического материала. 5. Владение разными стратегиями усвоения, хранения, воспроизведения и употребления программного лексического материала. 6. Легкость в определении предмета говорения (сообщения) и выбора адекватных лексических средств. 7. Умение ассоциировать словесные пары и тематически связанные ряды слов. 8. Умелое прогнозирование слов в речевой цепи (речевой деятельности). 9. Гибкость вербального мышления при переключении на новую систему лексических средств. 10. Креативность вербального мышления (инициативность, оригинальность, выразительность) при построении речевого сообщения. 11. Решение проблем нехватки слов для выражения мысли разными способами. 12. Умение проводить лексическую самокоррекцию.

Наличие 11-12 показателей свидетельствует о высоком уровне сформированности лексической компетенции. Наличие 9-10 показателей говорит нам о хорошем уровне ее сформированности. 7-8 параметров показывают, что лексическая компетенция находится на удовлетворительном уровне. На этом уровне учащийся может решать поставленные перед ним коммуникативные задачи. Учащийся в состоянии выразить определенную долю прагматически значимой информации.

Разработанная модель и построенная на ее основе методика обучения лексической стороне речи используется на занятиях по

немецкому языку в разных типах учебных заведений. Выводы и положения проведенной работы применимы в курсе методики обучения иностранным языкам в вузе, а также в системе повышения квалификации работников образования.

Библиографический список

1. Шамов А.Н. Когнитивный подход к обучению лексике: моделирование и реализация: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006.

2. Васькина Н.И. Обучение профессионально ориентированному чтению студентов неязыковых вузов на основе извлечения концепта текста (английский язык): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2010.

3. Крылова С.А. Методика обучения профессионально-ориентированному рефлексивному чтению студентов 1-2-х курсов исторических специальностей педагогического вуза (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008.

4. Молчанова Ю.А. Методика обучения студентов неязыкового вуза профессиональной терминологии на основе компенсаторной компетенции (английский язык). Нижний Новгород, 2009.

5. Панкратова Е.Н. Обучение профессионально-ориентированному чтению как когнитивно-информационной деятельности на 3-5-х курсах неязыкового вуза (на материале английского языка, технический вуз): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2006.

6. Шарапова С.В. Методика обучения студентов неязыкового вуза чтению профессиональных текстов с целью порождения различных форм вторичных высказываний (немецкий язык): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2010.

7. Шамов А.Н. Коммуникативно-когнитивный подход в обучении лексической стороне речи на уроках немецкого языка // Иностранные языки в школе. 2008. №4.

8. Шамов А.Н. Принципы обучения лексической стороне иноязычной речи // Иностранные языки в школе. 2009. №4.

9. Александров К.В. Мультимедийный комплекс как средство обучения лексической стороне иноязычной речи студентов лингвистического вуза (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009.

10. Густова Е.П. Ускоренное восполнение базового языкового уровня в процессе обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза

(английский язык): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2010.

11. Зуева И.Е. Коммуникативно-ориентированная методика обучения младших школьников лексической стороне иноязычной речи (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009.

12. Сиземина А.Е. Методика развития лексической компетенции студентов лингвистического вуза на основе формирования мотивационной базы обучения (английский язык): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009.

13. Харламова М.В. Методика обучения учащихся старших классов средней школы аутентичности высказываний (на материале немецкого языка). Нижний Новгород, 2009.

14. Хлопунова (Филатова) О.В. Методика обучения учащихся 10-11-х классов пониманию экспрессивных средств выражения мысли автора в текстах периодической печати: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ереван, 2009.

15. Шамов А.Н. Когнитивная парадигма в обучении лексической стороне иноязычной речи: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009.

Сведения об авторе

Шамов Александр Николаевич
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: metod@lunn.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 1(091)(430)

ТРАДИЦИОННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ НА ЗАПАДЕ

А.В. Ворохобов

Нижегородская духовная семинария, Нижний Новгород

В статье описываются и систематизируются актуальные изменения в религиозной сфере на современном Западе. Традиционные функциональные религиозные западные модели находятся в состоянии кризиса и более не могут считаться общественно-релевантными. Анализ показывает, что основными характеристическими особенностями актуального религиозного тренда являются спиритуализация, прагматизация и безграничная, удовлетворяющая любому вкусу индивидуализация.

Ключевые слова: религиозность, христианство, духовность, теология, мистицизм.

Traditional Christianity and Contemporary Religious Tendencies in the West Aleksander Vorokhobov

The article describes and systematizes current changes in the religious sphere of the modern West. Traditional functional religious models of the West are in crisis and can no longer be considered socially relevant. Research and analysis shows that current religious trends in the West are characterized by spiritualization, pragmatization and limitless individualization, catering to any taste and preference.

Key words: religiosity, Christianity, spirituality, theology, mysticism.

В последние двадцать лет весьма популярной в западной литературе стала тема изменения ценностей. Речь в данном случае идет не только о повороте от материалистической ориентации к так называемым «либеральным ценностям», но и о смене традиционной западной религиозной парадигмы. Каковы же эти изменения? Именно этот вопрос является центральным в актуальных философских, социологических и теологических дискуссиях. Нельзя утверждать,

что сложилась общепринятая концепция происходящего мировоззренческого поворота. Однако, на наш взгляд, есть все предпосылки к тому, чтобы можно было вести речь об общих тенденциях. Целью данной статьи является феноменологизация и систематизация происходящих изменений в религиозной сфере на Западе.

Если кто-то пытается подвигнуть христианскую церковь к реформам указанием на то, что она непрерывно теряет свою социальную актуальность, это воспринимается самой церковью по большей части негативно. Дело в том, что от истоков и до сего дня христианская вера и теология чувствуют себя общественно-маргинализированными силами. Жизненное сознание, воспринимающее себя в качестве инородного тела в мире, сделало такого рода восприятие неотъемлемой частью христианской экзистенции. У многих представителей христианской теологической мысли, да и вообще в широких церковных кругах, это выражается в самоощущении своего «неудобства», противопоставленности «господствующему духу времени», «консерватизма» и «отсталости» (в аксиологически положительном смысле), роли «жала в теле общества». Акцент на фундаментальном различии с «секулярным», ментальным и политическим популярным направлением является, таким образом, институциональной величиной церковного и теологического самовосприятия. Данная установка имеет четко очерченную предохранительную функцию в процессе поиска самоидентификации, через констатирование глубокого «расстройства» и перманентного кризиса общества. Ричард Нибур обосновывает традиционный христианский изоляционизм следующим образом: «Перед лицом Иисуса Христа с его авторитетом радикальное решение проблемы культуры становится неизбежным... И пока вечность не может быть преобразована во временные формы, как время в вечность, пока Христос и культура не могут слиться воедино, радикальный ответ становится для церкви неизбежным» [1. С. 62-63].

Модус идентичности с древностью (вплоть до фундаментальной оппозиции) приобретал в христианском сознании Запада тем больше убедительности, чем более талантливыми и незаурядными были противники, с которыми предстояло мериться силами. В XIX веке

роль катализатора в процессе христианской самоидентификации выполняли такие знаменитые критики религии, как Карл Маркс, Фридрих Ницше и Людвиг Фейербах. Наряду с этими видными противниками христианства речь шла нередко и о диссидентах, которые подчас были знакомы с христианским языком и миром образов не хуже своих протагонистов, и это весьма болезненно воспринималось в церковном сообществе. Непримируемая позиция диссидентов в отношении к церкви проистекала из противоречивой установки, одновременно сочетающей очарование и разочарование. Обратной стороной критических нападков на религию, вероятно, было и скрытое отчаяние в попытках постичь распространенные и общепризнанные «христианские истины». По меньшей мере, это были глубокие эмоции, такие, как болезненная зависть, ревность и отвергнутое расположение. Именно такого рода эмоции были движущими силами «современной» религиозной и церковной критики XIX и начала XX столетий. Соразмерной была и реакция представителей институциональной церкви, спровоцированных нападками критиков. Это выразилось в интенсивной дискуссии, с одной стороны, а иногда и в трансформации собственной позиции (например, в формы культурного протестантизма или религиозного социализма), с другой стороны.

Если вести речь о современной экзистенциальной угрозе традиционному христианству на Западе, о ее новом масштабе и качестве, то обращает на себя внимание очевидное охлаждение накала религиозной критики по сравнению с XIX – началом XX веков. Конструкт системы отождествления себя с древностью многим представителям западной религиозно-философской мысли кажется теперь неэффективным и мало продуктивным. Церкви и теология занимают положение *ad marginem* относительно основных явлений общественной жизни. В настоящее время критики более не воспринимают западное христианство в качестве серьезного противника. Место прежней открытой враждебности заняло безразличие. Современное состояние отношений между западной церковью и «секулярным» обществом хорошо выражают слова Г. Фукса: «Это что-то вроде приветливости между атеизмом и религией, агностическая скептическая незаинтересованность» [2. С. 135-136]. Аналогичное суждение встречается и в предисловии к

сборнику «Будущее религии», где К. Хофмейстер и Л. Бауэркхе обрисовывают европейский религиозный ландшафт к концу XX столетия: «Наше современное общество в процессе своего повседневного функционирования полностью обходится без религии. Естествознание, культура, политика и технология закономерно развиваются, и для них личная вера, как и существование Бога, не необходимы» [3. С. 7]. Однако те же исследователи констатируют, что даже в таком секулярном обществе «ожидаемого многими отмирания религии не происходит» [3. С. 7]. К. Хофмейстер и Л. Бауэркхе полагают, что речь может идти об экзистенциальном кризисе традиционных религиозных институций, но ни в коем случае о феномене религиозности как таковом. Если в эпоху модернизма интерес к религии значительно ослаб, то в постмодернистское время некоторые исследователи говорят даже о «религиозном ренессансе», в котором традиционные христианские церкви зачастую не принимают участия. Наиболее активно о постсекуляризации на Западе пишет Ю. Хабермас. Его позиция об усилении влияния религии в странах Западной Европы основывается на том, что духовная консолидация граждан в западных странах, где господствуют рыночные отношения, в большей степени может быть реализована только на основе религиозных традиций. Если человек – общественное существо, то религия в отличие от светской культуры представляется более эффективным инструментом социальной консолидации [4]. Следуя такой логике, постмодерн снова приводит к осознанию того, что социокультурный континуум всегда обладает религиозным измерением, тем самым постмодерн соотносится со Средневековьем и находится в оппозиции младегегельянскому проекту модерна.

Прежде связанная с церковью «народная религиозность» теперь оставляет традиционные формы функционирования, вливаясь в постоянно обновляющиеся плюралистические и синкретические феноменальные модели. Чаще всего это эзотерика, замещающая традиционные формы христианского благочестия и предлагающая множество методов решения жизненно важных проблем. Большой популярностью пользуются семинары по практической медитации и нетрадиционным методам медицины. Десятки тысяч людей совершают паломничество на лекции Далай Ламы, для того чтобы внимательно слушать его поучения. Появляются все новые и новые

секты, хотя они и пользуются дурной репутацией в общественном мнении. В. Алексеев и А. Григорьев вполне обоснованно утверждают, что «переворот в сознании, происходящий в наше время, можно сравнить также с коперниковской революцией – если раньше вся духовная жизнь вращалась вокруг Христа, то сегодня центром мира стала Божественность, а Иисус превратился лишь в одну из возможных планет... В этом моменте духовная атмосфера в мире обнаруживает сродство с восточным мистицизмом. Идея, к которой Запад приходит в результате процесса интеграции мира, уже давно была сформулирована на Востоке. Характерное для восточной философии представление о единстве всего сущего неизбежно порождало мысль о внутренней тождественности всех религий» [5. С. 22].

Есть все основания полагать, что такие феномены, как концерты поп-музыки, спорт, телевидение и интернет в сознании молодого поколения приобретают квазирелигиозные характеристики, становясь, в определенном смысле, заместителями прежней церковной религиозности.

Новые религиозные тенденции в современном западном обществе находят свое выражение в практике «переживания», когда внутренняя достоверность базируется на субъективном опыте отдельно взятого индивида. Западноевропейские религиоведы отмечают социальную потребность в четко фиксируемой, легко доступной и конкретной духовности: «Место авторитета традиционных Писаний христианства для его адептов все больше замещает индивидуальная религиозная уверенность и личностное переживание. Религиозно заинтересованные люди наших дней ищут подтверждение того, что врата откровения не были окончательно закрыты 2000 лет назад или же в период окончательной редакции Евангелий. Ссылка таких людей на непосредственность Бога в религиозном переживании является протестом против косности позднейших времен, и такой подход воспринимается в качестве солидарного с позицией первого поколения христиан, когда, согласно преданиям, Абсолют не был сокрытым» [6. С. 19-20]. Такой поиск характеризуется большой открытостью в отношении к разнообразным религиозным течениям. В первую очередь, речь идет о традициях, берущих начало в лоне мировых религий и концентрирующихся на

мистике и внутренней жизни, таких, например, как дзен-буддизм, суфизм, а также христианской мистике в духе Хильдегарды Бингенской и Иоанна Креста. Пророческо-апокалипсические или политико-социальные формы благочестия имеют в пределах этого поиска относительно небольшую конъюнктуру. Следует отметить, что сложившаяся к настоящему времени ситуация не имеет долгой истории. Так, в 70-е годы авангард религиозной практики Запада самоопределялся преимущественно по социальным и политическим критериям, то есть, религия в сознании людей должна была быть общественно релевантной. Только в 90-е годы религиозные потребности людей сфокусировались на персональном переживании, где важную роль играют индивидуально эстетические и терапевтические интересы. «Хорошо и правильно то, что приносит мне пользу», – таков обобщенный девиз новой перспективы в восприятии религии. В практической религиозности гораздо более важным, чем социальная соотнесенность, является воздействие на психическое состояние индивидуума. Ориентированная таким образом «внутренняя» духовность воспринимает религиозные институты с их ритуалами, символами и текстами лишь в той мере, в какой они способны вызывать определенные действия в религиозном субъекте. Речь, к примеру, может идти о чувствах, настроениях, восторгах, озабоченности, умилении, трансе и т.п.

Наряду с описанной тенденцией индивидуального переживания, религиозность постмодерна демонстрирует перманентно возрастающую тенденцию к функционализации и прагматизации религии. К.П. Йорнс описывает этот тренд следующим образом: «Измененный религиозный ландшафт характеризуется... тем, что верующие все чаще исходят из волнующих их жизненных проблем, вопрошая, может ли вера им в этом помочь, и если да, то каким образом... Для живой религии важна не только так называемая "культурная память", к которой принадлежат библейские предания, исповедания веры и церковные традиции. Важна также и "коммуникативная" память, в которой мы храним то, что побуждает к жизни членов наших семей и наших современников. И если кажется, что Бога там нет, то религия тоже не может быть движущей силой жизни» [7. С. 30-31].

Предложенная К.П. Йорнсом дифференциация между «коммуникативной памятью», как хранилищем такого знания, которое реально воспринимается в качестве релевантного в преодолении повседневных забот, и «культурной памятью», которая с практической точки зрения представляется «мертвым» знанием о конституирующих корнях собственной культуры, хорошо объясняет характерную для многих западных людей амбивалентность в отношении к институциональной религии. С точки зрения многих церковных людей на Западе, церковь более не воспринимается в качестве институции, обязательной для жизни и дающей ответы на все возникающие вопросы. Для них церковь, скорее, организация, нежели институция. Конкретная церковь воспринимается в качестве величины, с которой связываются индивидуальные потребности верующего. Хотя церковь и фиксирует религиозные представления и модели социальной коммуникации, однако она уже не способна сделать их обязательными для исполнения. Роль церкви редуцируется к временному предоставлению услуг при депрессиях, несчастьях и экзистенциальных кризисах. Некоторые западные исследователи в связи с этим говорят о переходе от институционального «номоцентрического» миропонимания к «автоцентрическому» [8. С. 49]. В процессе индивидуалистического констатирования экзистентного смысла церкви могут восприниматься в качестве помощников настолько, насколько они ощущаются полезными. Речь идет как о церковно-социальной, так и о ритуальной сферах. Но в этом процессе, как правило, индивидуум не считает нужным подчинять себя церковным нормам.

Таким образом, на «рынке обретения смыслов» традиционные христианские церкви становятся одним из многих продавцов, предлагающих свои услуги. Их традиционное богатство – евангельское послание, свидетельство Священного Писания и предания, ценится настолько, насколько способно «помочь». В качестве культурологической «ценности в себе» церковное наследие воспринимается как нечто интересное, но не совсем важное с практической точки зрения.

Прагматизм в восприятии религии является отображением отношения современного западного человека к жизни вообще. Общество потребления смотрит на все внешнее, как на ассортимент в

супермаркете, когда после визуального восприятия (реклама, упаковка и т.д.) продукт выбирается и пробуется. Если потребитель убеждается, что продукт может быть годен для повседневного использования, он будет покупать его снова, если же нет, то будет пробовать изделия другого производителя. Конкурирующие предложения на рынке альтернатив обретения смыслов релятивируют не только церковные ценности и нормы. Они ставят под сомнение и друг друга, все более увеличивая опыт того, что на все можно смотреть иначе. Но можно ли сочетать в себе несколько картин мира одновременно, полностью не принимая ни одну из них? Не приведет ли это к духовной «всеядности» или же к безразличному агностицизму? Совмещение в сознании одного человека взаимоисключающих установок приводит к поверхностному восприятию, когда задается направленность «не на глубину, а на "скольжение по поверхности", смыслы как таковые не существуют, а только флуктуируют на пересечении знаковых контекстов, чтобы тут же угаснуть» [9. С. 188].

Такова общая концептуализация произошедших и происходящих изменений в религиозном пространстве на Западе. Современная западная религиозность тяготеет к формам индивидуалистического переживания. Большинство прежних духовных традиций, соотносимых с институциональной религиозностью, воспринимаются сейчас зачастую лишь с точки зрения теоретического знания, которое хотя и говорит о Боге, но не предоставляет к нему доступа. От христианских церквей ждут того, что они станут практиковать некий новый, связанный с мыслями и чувствами формат обретения смыслов. Считается, что, если традиционные церкви снова хотят занять значимое место в современной иерархии жизни, им придется найти альтернативу догме и морали, традиционно используемым в качестве посредников для демонстрации христианских конфессий. Речь, прежде всего, идет о том, чтобы дать людям средства к тому, чтобы они и себя, и мир воспринимали и ощущали совершенно по-новому. Догматы и нравственные предписания теперь воспринимаются лишь тогда, когда необходимость их осознается из личного опыта, а живая истина Евангелия воспринимается не опосредованно, а из «первых рук».

Все большее количество людей не довольствуется конкретным содержанием какой-либо одной религиозной традиции, непрерывно осуществляя поиск индивидуального смысла жизни. Формирующийся принцип индивидуализации становится религиозным лейтмотивом современной эпохи. И в данном процессе антропоцентрически мыслящий человек совсем не обязательно сочтет за подходящий ему смысл трансцендентный личностный Абсолют.

В любом случае, дискуссионными остаются вопросы о том, действительно ли культура постмодерна может стать благоприятной средой для нового импульса к возрождению христианства на Западе, и если так, то каким образом такое «оживленное» христианство будет соответствовать историческому христианству. Кроме того, открыт вопрос и о том, сможет ли такое гипотетическое христианство реально помочь преодолеть кризис личности, порожденный секулярной эпохой.

Библиографический список

1. Нибур Х.Р. Христос и культура // Избранные труды Х. Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М., 1996. С. 1-224.
2. Fuchs G. Der zahnwehhafter Schmerz, daß Gott fehlt. Kultur und Kirche(n) – einschwieriges Verhältnis // Hofmeister K., Bauerochse L. Die Zukunft der Religion. Spurensicherung an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Würzburg: Echter. 1999. S. 130-151.
3. Hofmeister K., Bauerochse L. Die Zukunft der Religion. Spurensicherung an der Schwelle zum 21. Jahrhundert // Hofmeister K., Bauerochse L. Die Zukunft der Religion. Spurensicherung an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Würzburg: Echter. 1999. S. 2-15.
4. Хабермас Ю., Ратцингер Й. Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
5. Алексеев В., Григорьев А. Религия антихриста. Новосибирск: Посох, 1997.
6. Höhn H.J. Erlebnisgesellschaft! - Erlebnisreligion? Die Sehnsucht nach dem frommen Kick, Verhältnis // Hofmeister K., Bauerochse L. Die Zukunft der Religion. Spurensicherung an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Würzburg Echter, 1999. S. 16-22.

7. Jörns K.P. Renaissance der Religion? Was Menschen heute glauben // Hofmeister K., Bauerochse L. Die Zukunft der Religion. Spurensicherung an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Würzburg: Echter. 1999. S. 23-33.

8. Ebertz M. N. Religion ohne Institution. Gestaltwandel der Kirche aus soziologischer Sicht // Hofmeister K., Bauerochse L. Die Zukunft der Religion. Spurensicherung an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Würzburg: Echter. 1999. S. 41-51.

9. Золотухина-Аболина Е.В. Постмодернизм: распад сознания // Общественные науки и современность. 1987. № 4. С. 185-192.

Сведения об авторе

Ворохобов Александр Владимирович
кандидат философских наук,
заведующий кафедрой богословия и философии
Нижегородской духовной семинарии
E-mail: vorokhobov@yandex.ru

УДК 342(470)(091)

ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

М.И. Кулемин

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются взгляды видного государственного деятеля, юриста и мыслителя второй половины XIX – начала XX вв. Константина Петровича Победоносцева по проблеме становления и развития российской государственности. На основе анализа творчества мыслителя делается попытка дать характеристику его взглядов по этой проблеме.

Ключевые слова: государство, церковь, православие, средства массовой информации.

Konstantin P. Pobedonostsev on Russian Statehood Mikhail Kulemin

The article examines views and opinions of Konstantin Petrovitch Pobedonostsev, a prominent statesman, lawyer and thinker of the late 19th – early 20th centuries, on the problem of formation and development of Russian statehood.

Key words: state, church, Orthodoxy, mass media.

Многочисленные попытки теоретического обоснования самодержавия в России предпринимались в течение практически всего существования государственности в России. На протяжении всего XIX века, вплоть до крушения Российской Империи в 1917 г., появляется большое количество работ, нацеленных на теоретическое обоснование обязательности и органичности самодержавия в России (об этом заявляли К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков, М.О. Меньшиков, Л.А. Тихомиров и др.). Как отмечает современный исследователь А.Ю. Полунов, «ослабление монархии «на практике» обострило потребность в ее теоретическом обосновании» [1. С. 90].

Одной из наиболее интересных и исторически важных попыток подобного рода является творчество Константина Петровича Победоносцева. Защита незыблемости монархических традиций и православия, важнейших идеологических основ российской государственности, интересовала К.П. Победоносцева как на практике (в государственной деятельности), так и в теории (в

творчестве и эпистолярном наследии). Причем связь теории и практики у него неразрывна: многие события, происходившие в государстве, он анализировал в письмах, статьях, эссе. Наиболее же полно его политико-правовая концепция монархической государственности выражена в «Московском сборнике», переписке с Александром III, Николаем II, Е.Ф. Тютчевой, С.А. Рачинским и др.

Будучи обер-прокурором Святейшего Синода он не просто выполнял свою службу, но и пытался ее осмыслить, теоретически обосновать. В большинстве его статей и писем содержится критика различных политических систем, нет у него и панегирических высказываний в сторону монархической государственности. В этой связи нельзя в полной мере согласиться с А.И. Пешковым, который утверждает, что политическое мировоззрение Победоносцева чрезвычайно сложно, а поэтому неправильно говорить о его исключительной приверженности к самодержавию [2]. В отличие от мыслителей, считавших, что единственной органичной и приемлемой формой власти в России является самодержавие, Победоносцев предпринимал серьезную критику отечественной государственности.

21 ноября 1860 г. в личных записях он отмечал, что «...в мире христианском всякая власть есть служение...» [3. С. 22], он внушал эту же идею и наследнику Александру Александровичу, постоянно повторяя, что самодержавная власть – огромная личная ответственность монарха перед Богом. Это не «упоение» своим положением, а жертва, приносимая во имя отечества. Стремясь подготовить наследника к «служению», Победоносцев внушал ему: «Вся тайна русского порядка и преуспеяние – наверху, в лице верховной власти... Где вы себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью ...» [4. С. 66].

По Победоносцеву, общество без твердой государственной политики не может нормально функционировать. Недаром, по его словам, люди тяготеют к власти так же сильно, как и к взаимному общению. Власть дается от Бога, и потому тот, кто от нее отступает, нарушает Божью волю. Забыв же о своем божественном предназначении, она неизбежно падает, создавая в обществе хаос. «Великое бедствие – искать власти и не находить вместо нее мнимую власть большинства, – указывал Победоносцев. – ... Не менее, если

еще не более печально видеть власть, лишенную сознания своего долга, самой мысли о своем призвании» [5. С. 244]. Поэтому власть должна быть решительной, последовательной и бескомпромиссной в проявлении своей воли.

Сильная власть – одно из обязательных условий, необходимых для существования сильного государства. Если же власть дает слабину, государство дает трещину, происходит государственный кризис. В конце 70-х годов XIX в. череда покушений на Александра II свидетельствует, по мнению Победоносцева, о таком кризисе. Его письма к друзьям полны тревожных предчувствий. Так в сентябре 1877 г. он обращается к Е.Ф. Тютчевой: «Теперь невольно наворачивается на мысль у всех во всей России – какая страшная вещь самовластие: расшатывается вера в источную власть царскую – против этого ничего не сделаешь, – и тут-то душа спрашивает с ужасом: а затем что станет делать с собою Россия» [6. С. 204]. Причину этого Победоносцев видел в падении авторитета власти и ее невозможности доказать свое реальное господство во всех областях жизни общества и государства.

Прекрасно разбираясь в истории, он проводил параллели между Россией конца 70-х годов XIX в. и Францией 1789 г., предсказывая грядущие тяжкие жертвы. «Времена – сами видите какие грустные, – с сожалением констатирует Победоносцев в письме к издателю «Московских ведомостей» М.Н. Каткову в декабре 1879 г. – ... Власть уже становится на Руси игрушкой, которую хотят передавать друг другу в руки жалкие и пошлые честолюбцы посредством интриги, ничем не пренебрегающей. Нет уже твердого центра, из которого всякая власть прямо исходила бы и на котором прямо бы держалась» [7. С. 138].

Возлагая вину на Александра II, он пишет Е.Ф. Тютчевой в феврале 1880 г.: «Бог с ним, Бог рассудит, виноват ли он или нет, только в руках у него рассыпалась и опозорилась власть, врученная ему Богом, и царство его, может быть, и не по вине его, стало царством лжи и мамоны, а не правды!» [6. С. 204]. При этом главный упрек, который Победоносцев адресовал монарху, – отсутствие у него государственной воли. Очевидно, что государственный идеал Победоносцев усматривал в правлении умного, чуткого,

добродетельного царя, посвятившего всю свою жизнь государственным делам и заботам.

Он убежден, что «всякая конституция, на представительстве основанная, есть ложь». «Рано или поздно, – сообщает Победоносцев О.А. Новиковой в декабре 1881., – в этом убедятся все Европ[ейские] народы» [7. С. 143]. Таким образом, он указывает как на ложность самой идеи конституции, так и на историческую неорганичность ее для России. Популярность же в России идеи конституции, по мнению Победоносцева, объяснялась ее популяризацией средствами массовой информации, многие из них, стремясь выдать себя за объективных информаторов и адекватных выразителей общественного мнения, в действительности решительно отождествляли свое мнение с мнением народа и тем самым выдавали свои далеко не объективные оценки и суждения за достоверные и общепризнанные. «Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев... – негодует Победоносцев, – может, имея свои или достав... чужие деньги, основать газету, хотя бы и большую, собрать около себя по первому кличу толпу писак, готовых разглагольствовать о чем угодно, репортеров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, – и штаб у него готов, и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого...» [8. С. 126].

По его словам, спрос на газеты и журналы зависит не от их качества, а от нелепости их содержания. Ибо «рынок, – утверждает он, – привлекает за деньги какие угодно таланты... и таланты пишут, что угодно редактору» [8. С. 126]. Читательская же масса слишком падка на сенсации и цинизм. В этой ситуации издания, основанные «на твердых нравственных началах и рассчитанные на здравые инстинкты массы», оказываются неконкурентоспособными по сравнению с беспринципными органами печати. Неудивительно, что времена затишья для журналиста рыночной прессы невыгодны. Он заинтересован в разжигании страстей. Для этого, отмечает Победоносцев, «изобретаются сенсационные новости, раскрашиваются, преувеличиваются» [8. С. 133]. И тем не менее, именно «четвертой властью» во многом обусловлена судьба кандидатов на государственный пост в процессе всеобщих выборов во время республиканизма и парламентаризма.

Рассуждая на тему человеческих качеств, необходимых для победы в избирательной борьбе, Победоносцев указывает не на принципиальность, независимость, высокую нравственность и прочее, а на готовность угодить тем, кто обладает солидными материальными средствами и влиянием на журналистский корпус. В этой связи Победоносцев считает, что процедура выборов выносит во власть не самых достойных граждан. «Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса. ... Лучшим людям, людям долга и чести противна выборная процедура: от нее не отворачиваются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть своих целей» [9. С. 37].

Таким образом, по Победоносцеву, реальный механизм парламентаризма не вписывается в ожидания справедливого государственного устройства. А так же, он не осуществляет декларируемые установки. Теория, таким образом, здесь не соотносится с практикой. «По теории парламентаризма должно господствовать разумное большинство, на практике – господствуют пять-шесть предводителей партий...» [9. С. 44].

Именно в этой связи он характеризует парламентаризм как превалирование материальных интересов и в политическом процессе, и в общественной жизни. В качестве смертельной для России опасности, связанной с введением европейской политической системы, Победоносцев рассматривает неустранимое противоречие между принципами парламентаризма и стабильностью многонациональных государств: «Национализм в наше время можно назвать пробным камнем, на котором обнаруживается лживость и непрактичность парламентского правления» [9. С. 45]. Анализируя накопившийся в Европе опыт столкновения парламентских принципов с национальными амбициями, Победоносцев не находит путей их согласования. С тревогой представляет себе тот масштаб, который эти затруднения могут принять. И если монархия доказала способность вовремя разрешать национальные трения, демократия все еще не может справиться с национальным вопросом. Инстинкты национализма служат для нее дезинтегрирующим элементом: «каждое племя из своей местности высылает представителей – не государственной и народной идеи, но представителей племенных

инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти – и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению... Провидение охранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – всероссийского парламента!» [9. С. 46].

Понятно, что К.П. Победоносцев был решительным критиком либерализма. Самодержавие, по его мнению, единственно возможная в России форма политического строя. В этом отношении он открыто поддержал идеи славянофилов и их последователей, которых высоко ценил за готовность противостоять надвигающимся с Запада «тучам космополитизма и либерального доктринерства». Либерализм, демократию и парламентаризм Победоносцев отвергал в принципе, независимо от их национальной окраски, отвергал как «великую ложь нашего времени».

Другой значимой опасностью для России, о которой писал Победоносцев, было отделение церкви от государства. Победоносцев много говорит о проблеме борьбы церковных начал с государственными, она способна привести к серьезным, а подчас и разрушительным последствиям. Он ищет ответ и предпринимает попытку проанализировать природу и сферу действия церкви и государства – двух союзов, объединяющих людей. Но церковь – союз богоучрежденный, а государство всего лишь гражданский союз. Весьма показательно, что руководитель делами РПЦ характеризовал церковь не только как мистическое тело Христа, «как собрание христиан, органически связанных единством верования в союз богоучрежденный», но и как общественный институт.

Цель жизни человека, с его точки зрения, – достижение единства духовной жизни, в которой человек может полагаться на свои идеалы. Но именно в них скрыта вера в свое спасение в Боге при помощи государства. А поэтому для государства, как союза гражданского, крайне необходимо создание условий для жизни духовной. Неудивительно, что для Победоносцева характерно понимание церкви как «общества, соединенного в гражданский союз» [10. С. 81] для спасения. В результате, жизнь есть деятельная вера, проявление веры. Победоносцев утверждал, что «когда вы скажете ему (человеку – М.К.), что жизнь сама по себе, а вера сама по себе, и

это понятие станете возводить в теорию жизни, – душа не примет такого понятия...» [10. С. 82].

Следовательно, разделение церкви и государства, по Победоносцеву, лживо. Оно разрушает единство духовной жизни человека, искореняет веру в государство. Корни этой борьбы мыслитель усматривает в искажениях католицизма, когда в ходе своего исторического развития папство попыталось объединить власть духовную и власть политическую. Ответом на такое, по его мнению, противоестественное сочетание, стал протестантизм и атеизм, породившие идею об обособленном сосуществовании церкви и государства. Победоносцев же считает, что порвать с верой невозможно. Отрекшись от Христа, люди верят в силу собственного разума и создают религию, в которой для Бога места нет. Вместо богоуподобления, основной цели жизни христианина, они занимаются самообожествлением.

Постоянно говоря об идее отделения церкви от государства, Победоносцев указывает на неопределенность ее понимания. «Если дело состоит в более точном разграничении гражданского общества с обществом религиозным, церковным, духовного со светским, о прямом и искреннем размежевании, без хитростей и без насилия, – в таком случае все будут стоять за такое отделение, – писал он. – Если, становясь на практическую почву, хотят, чтобы государство отказалось от права поставлять пастырей церкви и от обязанности содержать их – это будет идеальное состояние, к которому желательно перейти, которое нужно готовить к осуществлению при благоприятных обстоятельствах и в законной форме...» [10. С. 85]. Вместе с тем Победоносцев полагал, что приверженцы отделения требуют полного устранения Церкви не только из жизни государства, но и из жизни народа, объявляя общественную жизнь полностью сферой деятельности государства. Верующий человек, а человек, по Победоносцеву, не может быть неверующим, должен существовать как бы в двух независимых мирах: в церкви и в государстве. Такое духовное расслоение, по мнению мыслителя, неприемлемо для природы самого человека, стремящегося к единству духовной жизни. В общественной жизни остаются не подвластные государству сферы: личной морали и интимной жизни человека. В эти сферы нет хода государству, но именно туда способна проникать

религия, церковь. Именно она укрепляет духовные основы государства: «Государство не может быть представителем одних материальных интересов общества; в таком случае оно само себя лишило бы духовной силы и отрешилось бы от духовного единения с народом... Только под этим условием поддерживается и укрепляется в среде народной и в гражданской жизни чувство законности, уважение к закону и доверие к государственной власти» [10. С. 89]. Именно государство сплачивает людей в один общественный организм, когда человек вне храма. И если семья – малая церковь, то государство, по словам Победоносцева, большая семья, а следовательно, и большая церковь.

Вытесняя из своей сферы церковь, государство отягощает себя грузом ответственности за духовную жизнь человека. Стремясь совладать с этим грузом, оно должно все активнее проникать в личную жизнь человека, в ту жизнь, где должна доминировать церковь. Таким образом, исчезает гармоничная паритетность Церкви и государства. Моралеформирующие и духовнообъединяющие функции Церкви, переходя к государству, вносят, по его словам, критический разлад в общество, что во многом и продемонстрировала история Советской России. «Мысль, что вся частная жизнь должна поглощаться общественной, а вся общественная жизнь должна сосредотачиваться в государстве и быть управляема государством, – это главная движущая идея социализма...» [10. С. 88], – убежден К.П. Победоносцев.

Если же государство не желает вступать с церковью в противостояние, то оно может или оказать церкви свое покровительство, сделав ее государственной, или равноудалиться от всех конфессий, или же искать какие-то способы сосуществования с церковью путем разграничения сфер взаимовлияния в обществе. Исторически в России возобладала первая форма. «Самая древняя и самая известная система отношений между церковью и государством есть, – пишет Победоносцев, – система установленной или государственной церкви» [10. С. 81]. Решение этой проблемы содержится в трех вариантах: цезаропапизм (подчинение Церкви государству), папоцеразм (подчинение государства Церкви) и симфония (равноправие церкви и государства). К.П. Победоносцев считает наиболее совершенной и подходящей для России последнюю

модель. Ее формирование и является, по мнению мыслителя, единственно верным вектором церковно-государственных отношений в нашей стране.

Библиографический список

1. Полунов А.Ю. Романовы: между историей и идеологией // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 207-254.
2. Пешков А.И. «Кто разоряет – мал во царствии Христовом» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 3-33.
3. Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. 602 с.
4. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. 172 с.
5. Власть и начальство // Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 238-249.
6. «...Пишу я только для вас...» Письма К.П. Победоносцева к сестрам Тютчевым // Новый мир. № 3. 1994. С.195-233.
7. Победоносцев К.П. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866-1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. 617 с.
8. Печать // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 123-134.
9. Великая ложь нашего времени // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 31-58.
10. Победоносцев К.П. Церковь и государство // К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 80-95.

Сведения об авторе

Кулемин Михаил Игоревич
аспирант кафедры философии
Нижегородского государственного
педагогического университета им. Козьмы Минина
E-mail: mihail.kuleomin@yandex.ru

УДК 94(47):323.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*

О.Н. Сенюткина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Ю.Н. Гусева

*Самарский филиал Московского городского педагогического
университета, Самара*

Авторы статьи выявляют наиболее эффективные методологические принципы исследования этноконфессиональных взаимодействий на основе результатов развития общественной мысли прошлого и настоящего. Авторы находят базовую основу в осовремененной модели цивилизационного подхода к пониманию исторического процесса, в последних достижениях гуманитарного знания, а также опираются на принципы осуществления коммуникаций.

Ключевые слова: методология, цивилизация, этнос, конфессия, диалог.

Methodological Principles and Techniques of Studying Ethno-Confessional Interactions Olga Senjutkina, Yulia Guseva

The article seeks to identify the most effective methodological principles of studying ethno-confessional interactions, based on the achievements of public thought of the past and the present. The authors propose an updated version of the civilization approach to understanding history, basing their conclusions on the latest achievements of ethnology and communication principles.

Key words: methodology, civilization, ethnos, faith, dialogue.

Без использования современных методологических подходов невозможно провести исследование этноконфессиональных проблем, осуществить непрерывный мониторинг этноконфессиональных взаимодействий, оценить эффективность национальной политики.

Кризисные явления экономического и политического характера проявились, как известно, в России в конце XX столетия. Конфессиональные и этнические составляющие позиционирования личности в условиях кризисной ситуации вышли, как это бывает

* Статья выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках проекта № 6.4957.2011 «Стратегии межкультурной коммуникации и этноконфессиональной безопасности России».

именно в такие периоды, на первый план. Этноконфессиональные взаимодействия на рубеже XX – XXI вв. дали о себе знать как в позитивном, так и негативном ключе. Неслучайно (именно для того, чтобы была возможность прогнозирования) они становятся предметом исследования в академическом сообществе [1].

Сегодня перед историками, как аналитиками прошлого и мастерами по связи прошлого и настоящего, стоит важнейшая задача – исследовать этноконфессиональные взаимодействия с целью обеспечения этнической безопасности российского общества. Термин «этническая безопасность» пока не является устоявшимся в академической среде, но все большее количество ученых используют его как вполне адекватно передающий некие потенциальные риски.

Причем в условиях обсуждения необходимости нового – экспертного – типа функционирования гуманитарного знания задача, стоящая перед историками, усложняется: их исследования должны соответствовать принципу междисциплинарности. Это требование проистекает из того, что «любая экспертиза ведется в контексте социокультурной реальности и представляет собой деятельность аксиологического порядка... Экспертное мышление – это особое понимающее знание, способность к пониманию и интерпретации себя, *другого*, социума, природы» [2. С. 11].

Цель авторов статьи – выявить оптимальный вариант совокупности методологических принципов и приемов исследования этноконфессиональных взаимодействий.

Основу статьи составляют достижения общественной мысли, направленные на глубокое понимание процессов этноконфессионального характера. Те методологические принципы, которые составляют классику исторических исследований, а именно – принципы объективности, научности, историзма, хронологии, авторы не сбрасывают со счета. Первые из названных – те, без которых не обходится ни одна историческая работа. Если же говорить о принципе хронологии, то уместно, на наш взгляд, вспомнить выделение Ф. Броделем трех временных ритмов – большой длительности, средней длительности, краткого времени [3]. При изучении этноконфессиональных взаимодействий необходимо, на наш взгляд, рассматривать их во всех временных ритмах, так как в исторической

практике они известны и как быстро совершаемые, и происходящие «во времени большой длительности».

Кроме того, авторы констатируют необходимость обращения к таким существующим ныне научным направлениям, исследующим этноконфессиональные взаимодействия, как примордиализм, функционализм, структурализм, конструктивизм, инструментализм. Эти научные направления могут подтолкнуть мысль к более тщательной подготовке вопросов анкет, используемых в полевых исследованиях.

Фундаментальные социокультурные парадигмы рождаются в связи с глубоким изучением объективно развивающихся этноконфессиональных процессов, и, в свою очередь, эти базовые модели развития общества в определенной степени влияют на характер трансформаций общественной жизни. Вместе с тем, в современном гуманитарном знании появляется, особенно в последнее время, много новых идей, которые, на наш взгляд, вполне могут служить серьезным подспорьем в работе специалиста по этноконфессиональной проблематике.

Определение выбора методологического дискурса проблемы можно провести методом «от противного», в ходе рассмотрения существующих методологических систем восприятия мира и отбора тех посылок, которые дают возможность более глубокого исследования обозначенного, интересующего нас, объекта.

На наш взгляд, формационный ключ понимания исторического процесса, характерный для отечественной исторической науки в течение почти всего XX столетия, при исследовании этноконфессиональных взаимодействий не может быть использован как единственный и однозначный по следующим причинам. В категориях марксистской теории эти взаимодействия должны рассматриваться как элемент надстройки. Однако этнос и конфессия не являются производными от экономики («базиса»).

Отделение биологической природы этноса от социальной и представление природного начала как внешнего по отношению к этносу (как совокупности индивидов) искусственно и неэффективно. Оно может привести к односторонним оценкам и исследованию этноса только с точки зрения констатации его здоровья, демографических показателей и пр. Но и эти, казалось бы, сугубо

биологические вопросы развития этноса напрямую связаны с социальными процессами в его жизни. Суть человеческой природы проявляется только в социокультурном контексте.

Поскольку этнос имеет двойственную природу (биологическую и социальную), уместно говорить о возможности использования наработок школы социоестественной истории (СЕИ), созданной в России под руководством доктора философских наук Э.С. Кульпина-Губадуллина в начале 1990-х гг. и успешно продолжающей работать и поныне. СЕИ дает возможность исследователям этноконфессиональных взаимодействий шире посмотреть на объект своего интереса постольку, поскольку осуществляет «переосмысление исторического процесса, отыскания основных пружин эволюции общества – генетических кодов цивилизаций» [4. С. 18].

При соотнесении цивилизационного подхода к пониманию исторического процесса с наработками СЕИ можно сделать вывод о возможности органичного соединения методик исследования общества с использованием опыта и «цивилизационщиков», и сторонников СЕИ. Противоречий в парадигмах, созданных теми и другими, не выявляется, что становится вполне объяснимым потому, что источниками СЕИ наряду с концепцией эволюции сферы Никиты Моисеева и подходами социологической школы Макса Вебера являются установки исторической школы «Анналов» [4. С. 22].

Цивилизация – это сообщество людей, объединенное осознанием совокупности системообразующих ценностей, для которого характерны определенная социально-политическая структура, тип хозяйственной деятельности, а также оригинальный менталитет. Цивилизация развивается в той или иной природно-географической среде и ограничена временно-пространственными рамками.

Взаимодействие этнического и конфессионального начал в истории общества – это постоянный процесс, имеющий узловые точки, качественно изменяющие специфику осознания людьми окружающего мира и воздействия на него. Принятие этносом христианства, ислама, буддизма оказывает значительное воздействие на сознание людей, на их «картину мира». Это исторические переломы в жизни народов, серьезное изменение их ментальностей.

Сила действия религиозного фактора приводит к тому, что для многих поколений людей религиозная идентичность становится приоритетной по сравнению с этнической, а иногда и единственной сильной составляющей осознания специфики окружающей действительности. Исследователи этноконфессиональных взаимодействий не пришли к единому мнению, какие контакты – этнического или религиозного характера – являются приоритетными в жизни общества.

Социально-экономический фактор (наращивание индустриальности как специфической черты цивилизационного развития) на определенном этапе существования российского сообщества серьезно повлиял на существующую в сознании людей сложившуюся модель взаимодействия этнического и конфессионального начал.

Например, у татар-мусульман этническое начало на рубеже XIX – XX вв. стало вытеснять конфессиональное. Эта тенденция во многом способствовала утверждению этнической составляющей как вытесняющей составляющую исламскую. Причем на сознание татар-мусульман, активно осуществлявших вторжение в политическую жизнь российского сообщества (которая и сама, по сути, делала первые шаги) огромное влияние оказали межцивилизационные взаимодействия, резко усилившиеся на рубеже столетий (взаимодействия, прежде всего, российского, исламского и западного миров). В советские времена власти стремились вытеснить религиозную идентичность полностью.

Сегодня взаимодействие этнического и конфессионального начал на уровне сознания и подсознания активно обсуждается в академической среде, а сама проблема требует дальнейшей теоретической проработки. Понимание авторами статьи диалектики этнического и конфессионального определяется признанием тесной связи этнических и конфессиональных процессов с фундаментальными социокультурными парадигмами.

Несмотря на то что в настоящее время религиозные верования не в полной мере определяются национальной принадлежностью и очертить географические границы распространения в России той или иной веры затруднительно, тем не менее, с нашей точки зрения,

необходимо продолжать изучение религиозных процессов в одном контексте с этническими.

Подтверждением правильности данного вывода служат исследования, проводимые сотрудниками Отдела социальных показателей и индикаторов развития российского общества ИСПИ РАН: исторически традиционные связи конфессий с определенной нацией, этносом продолжают оставаться тесными. В России в силу многонационального состава и многоконфессиональности и продолжающихся проявляться тенденций регионального сепаратизма, национального экстремизма и религиозного прозелитизма толерантность имеет особое значение. Проблемы федеративной стабильности, укрепление интегративных процессов во многом зависят от развития толерантности в области этноконфессиональных отношений. Поэтому мониторинговое изучение проблем конфликтности этноконфессиональных отношений рассматривается в контексте специфики развития полиэтничных регионов [5].

Свое реальное выражение конкретная локальная цивилизация находит во взаимоотношениях между людьми. Как правило, цивилизация многоэтнична и многоконфессиональна. Поэтому этноконфессиональные взаимодействия – по сути – важнейшие среди прочих коммуникативных явлений.

Для XX столетия характерно переосмысление оснований самой философии, а следовательно, и философии истории. Причем категории диалога, взаимодействия начинают рассматриваться в этом поиске новых оснований как базовые, центральные.

С точки зрения базовых представлений о диалоговой форме общения, особый интерес представляют работы М.М. Бахтина, например, «К методологии гуманитарных наук» [6]. Под «диалогом» в широком смысле ученый понимал сам способ существования человека как субъекта, под диалогом в узком смысле – речевое явление – диалогизм, пронизывающий речь на всех уровнях. В контексте рассматриваемой проблематики диалог может быть в рамках институциональных, межгрупповых и межличностных отношений.

Жизнь общества предстает как смена исторических цивилизаций, характеризуется длительными процессами изменений, включающих как эволюционные, так и революционные формы. Это

самодвижение объектов (локальных цивилизаций), находящихся во все большем взаимодействии и полностью соотносящихся с процессом глобализации, который сам по себе представляет уровень междивизиационных взаимодействий.

В категориях позитивизма рассмотрение этноконфессиональных взаимодействий должно быть акцентировано единственно на факте их существования. Однако через констатацию факта мы не можем проанализировать их в полной мере и ответить на вопрос о закономерности или незакономерности их развития. Отметим, что позитивизм (и это положительно, на наш взгляд) уводит ученых от монизма, которым «грешит» марксизм. Возникшая как отражение идей позитивизма теория факторов акцентирует внимание исследователей на анализе множественности причин, условий, определяющих общественную жизнь, в том числе этноконфессиональные взаимодействия.

Опровергая детерминизм в любом виде (марксизм и др.), французский историк Л. Февр, вместе с тем, опроверг основание и всякой позитивной науки, заставив исследователей расширить предмет поиска методологической базы своих научных изысканий [7].

Поскольку стоит вопрос о методологии исследования этноконфессиональных взаимодействий, нам нужно понимание сути этнических / этноконфессиональных и конфессиональных / этноконфессиональных процессов. Из идей, высказанных и обоснованных мыслителями прошлого, особого внимания и размышления (в контексте рассматриваемой проблематики) заслуживают, на наш взгляд, следующие:

- потребность человека в привязанности и принадлежности к определенной социальной группе – одна из важнейших мотиваций человека к действию (американский психолог Абрахам Маслоу);
- солидарность как потребность в объединении для совместных действий (французский социолог Эмиль Дюркгейм);
- религиозное чувство усиливается голодом и лишениями, роскошь порождает безразличие и жестокость (арабский историк Ибн Халдун);
- язык, религия, семейные отношения, государство и др. – основные элементы культуры (немецкий философ Иоганн Гердер);

- религия – динамический элемент культуры, и важнейшие культурные изменения обязаны своим происхождением именно религии (христианский философ Доусон);
- стремление к превосходству и компенсации, присущее социальным группам и даже целым культурам (австрийский психолог Альфред Адлер);
- перепись, карта и музей как основа национализма (английский филолог Бенедикт Андерсон);
- причины целесообразности национального развития в природе, климате и смысловом пространстве (историк Г.В. Вернадский);
- миф как система коммуникации (французский литературовед Ролан Барт);
- исследовать иную культуру – не значит уничтожать собственную субъектность как представителя определенной культурной традиции (американский антрополог Клиффорд Гирц);
- комментарий исторических явлений через индивидуальные ментальные структуры (французский историк и философ Филипп Арьес);
- историчность и национальность культуры как её необходимые атрибуты (французский философ Ален де Бенуа);
- диалог с Богом как основа культуры (еврейский религиозный философ Мартин Бубер);
- диалогический разум как разум культуры (философ культуры В.С. Библер);
- постановка на теоретическом уровне проблемы морали как органической части исследовательской стратегии антрополога (В.А. Тишков).

Анализ текстов (как делопроизводственных, так и любых иных, например текстов СМИ), а также зафиксированной устной традиции на предмет уяснения частоты употребления определенных терминов позволяет уяснить отношение представителей того или иного этноса / конфессии к другим этносам / конфессиям. Контент-анализ может быть использован при наличии обширного по объему и несистематизированного материала. Выделение необходимых

смысловых единиц должно осуществляться, на наш взгляд, на основе избранной методологической базы исследования.

Поиск методологической модели в приложении к исследованию этноконфессиональных взаимодействий привел авторов к выводу, что, прежде всего, помощь в изучении избранного объекта могут оказать цивилизационные (по сути, историсофские) наработки, а также материалы социоестественной истории (СЕИ), имеющиеся в современной общественной мысли. Осовремененная цивилизационная модель, избранная авторами для оценки исторического процесса, наряду с наработками СЕИ, основана на элементах синтеза учений М. Вебера, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н.Я. Данилевского, Б.С. Ерасова и др.

Без обращения к теории цивилизационных процессов невозможно понять проявления этноконфессиональных взаимодействий любого уровня.

В заключение статьи подчеркнем, что к важнейшим методологическим принципам исследования этноконфессиональных взаимодействий можно отнести:

- взаимообусловленность этнического и конфессионального факторов в сфере общественного и индивидуального сознания;
- тесное взаимодействие этнических и конфессиональных ценностей в ядре локальной цивилизации, в которое входит совокупность системообразующих ценностных ориентаций;
- этноконфессиональные взаимодействия представляют собой оценочные отношения как внутри цивилизации, так и в междивилизационных контактах;
- глубокое исследование этноконфессиональных взаимодействий является залогом ухода от конфликтов на этноконфессиональной почве.

Библиографический список

1. Дринова Е.М. Содержание и формы этноконфессионального взаимодействия в обществе: Дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1997. 127 с.
2. Гончаров С.А. Гуманитарная экспертиза этнической безопасности: этнолингвокультурологический аспект // Реальность этноса.

Образование и этническая безопасность: Сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12-14 апреля 2011 г. / Под науч. ред. И.Л. Набока. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011.

3. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона. М., 1977. С. 114-142.

4. Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 232 с.

5. Качан А. Проблема толерантности в межнациональных и этноконфессиональных отношениях (опыт социологического мониторинга в регионах РФ) // Электронный ресурс Интернет: <http://festivalsmi.com/2012/03/16/problema-tolerantnosti-v-mezhnatsionalnyih-i-etnokonfessionalnyih-otnosheniyah-opuyit-sotsiologicheskogo-monitoringa-v-regionah-rf/>

6. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361-373, 409-412.

7. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.

Сведения об авторах

Сенюткина Ольга Николаевна
доктор исторических наук,
профессор кафедры культурологии, истории и древних языков
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: senutkina@mail.ru

Гусева Юлия Николаевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и зарубежного регионоведения
Самарского филиала
Московского городского педагогического университета
E-mail: senutkina@mail.ru

ХРОНИКА

К юбилею профессора А.Н. Шамова

В 2012 году свой юбилей отмечает доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и методики преподавания иностранных языков НГЛУ им. Н.А. Добролюбова Александр Николаевич Шамов.

А.Н. Шамов родился 1 октября 1952 года в городе Мичуринске Тамбовской области. После обучения в школе и службы в Советской армии он обучался на факультете немецкого языка Горьковского государственного педагогического института иностранных языков им. Н.А. Добролюбова, который с отличием окончил в 1978 г. По окончании института будущий ученый работал учителем иностранных языков в школах Тамбовской области, работу в школе совмещал с преподавательской деятельностью на кафедре иностранных языков Мичуринского государственного педагогического института (1978–1980 гг.). С 1980 года по настоящее время А.Н. Шамов трудится на кафедре лингводидактики и методики преподавания иностранных языков НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

А.Н. Шамов – ученый, который в своей научной деятельности отдал приоритет совершенствованию лексического аспекта иноязычной речи. В 1999 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Система взаимосвязанного обучения лексическим навыкам устной речи и чтения на среднем этапе общеобразовательной школы (на материале немецкого языка)», затем была защищена докторская диссертация «Когнитивный подход к обучению лексике: моделирование и реализация (базовый курс немецкого языка)» (Тамбов, 2005). В 2001 г. ему присвоено ученое звание доцента, в 2007 г. – ученое звание профессора по кафедре лингводидактики и методики преподавания иностранных языков НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Юбиляр прочно связал свою научно-педагогическую деятельность с НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, он прошел в стенах родного вуза все ступени профессионального и карьерного роста – от ассистента кафедры до доктора наук, профессора, заведующего кафедрой, председателя диссертационного Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (иностраный язык).

А.Н. Шамов руководит комплексной темой «Когнитивные процессы в обучении иностранным языкам в разных типах учебных заведений». Под его руководством подготовлено и защищено 28 диссертаций на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, 2 диссертации – на соискание ученой степени доктора педагогических наук. В настоящее время ведется работа еще над 10 кандидатскими и 5 докторскими исследованиями. В 2007 г. А.Н. Шамов награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Сегодня юбиляр является известным ученым в области лингводидактики и методики преподавания иностранных языков. Он автор многих монографий, учебных пособий и целой серии научных статей в научно-педагогических журналах, издаваемых в Российской Федерации. Накопленный педагогический и научный опыт профессора А.Н. Шамова востребован педагогической общественностью страны, он активно сотрудничает с коллегами из нижегородских вузов, а также вузов Москвы, Перми, Кирова, Тамбова, Ярославля, Сыктывкара, Мичуринска.

Область интересов ученого простирается от теории и методики преподавания иностранных языков до обучения иностранным языкам в детских дошкольных учебных заведениях, а также использования инновационных технологий в обучении европейским языкам. В поле зрения его научных интересов находятся проблемы взаимодействия языка и культуры, вопросы методологии науки, экспериментальная и опытная работа в языковой педагогике.

А.Н. Шамов встречает свой юбилей в расцвете творческих сил и возможностей. Редакционная коллегия журнала «Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова» поздравляет профессора Александра Николаевича Шамова с днем рождения и желает ему дальнейших творческих успехов в его педагогической и научной деятельности.

Редколлегия

Международная научная конференция «Язык, культура и общество в современном мире»

28-30 мая 2012 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова состоялась Международная научная конференция «Язык, культура и общество в современном мире». Конференция проходила в рамках Российско-германского года науки и инноваций и Года французского языка в России.

В конференции приняли участие 178 ученых из России, Германии, Австрии, Франции, Великобритании, Бельгии, Венгрии и Сербии. Российские участники представляли университеты двадцати городов (Москва, Нижний Новгород, Белгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Владивосток, Ижевск, Казань, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Саранск, Якутск и др.).

С приветственным словом к участникам конференции обратились ректор НГЛУ профессор Б.А. Жигалев, ректор Высшей педагогической школы г. Вайнгартен (Германия) профессор В. Кнапп, заместитель главы представительства Германской службы академических обменов при Посольстве ФРГ М. Биддер, директор магистерских программ Университета Сорбонна-3 профессор К. Гарнье-Тардые.

На пленарных заседаниях с докладами выступили известные ученые из ведущих вузов России и дальнего зарубежья: профессор Р. Беленчиков (Университет им. Отто фон Герике, г. Магдебург, Германия), профессор Б. Шпилльнер (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия), профессор Т.Ю. Загряжкина (МГУ им. М.В. Ломоносова), профессор Н.Н. Гавриленко (РУДН, г. Москва), профессор К. Жиордано (Университет Монпелье 3, Франция), доктор Э.Ч. Шомош (Будапешт, Венгрия), профессор О.А. Радченко (Московский городской педагогический университет), профессор Г. Чех (Университет им. Отто фон Герике, г. Магдебург, Германия), профессор О.А. Леонтович (Волгоградский государственный педагогический университет), профессор А.В. Кирилина (Московский институт лингвистики).

Работа конференции проходила по следующим направлениям:

- Язык и культура в эпоху глобализации
- Миграционные процессы в коммуникативном пространстве современной цивилизации
- Перевод в многокультурном мире
- Текст и контекст
- Тестирование и оценка
- Религиозный текст и религиозная культура в современном мире

Под руководством лектора DAAD в НГЛУ Георгии Матиас была организована работа студенческой секции, где представили свои доклады 22 студента из вузов Нижнего Новгорода и других городов России.

На заседаниях секций обсуждались актуальные вопросы взаимодействия глобального и локального в языковых практиках представителей различных (лингво)культур, влияние миграционных процессов на формирование идентичности и языковую картину мира, языковые и культурные аспекты этноконфессиональных отношений, особенности религиозного дискурса в контексте глобализации, актуальные проблемы современной компаративистики, новые подходы к теории и практике профессиональной подготовки переводчиков, разнообразные аспекты тестирования и оценки качества обучения иностранному языку с позиций компетентностного подхода.

В итоге участники единодушно отметили актуальность и разнообразие тематики, междисциплинарный характер и высокий уровень представленных докладов. Была подчеркнута необходимость скоординированных усилий академического сообщества и государства по поддержке изучения немецкого и французского языков в российских школах и вузах.

Е.С. Грищенко

Русский язык: общение, творчество, толерантность

В НГЛУ им. Н.А. Добролюбова 6 марта 2012 г. состоялся региональный фестиваль национальных культур «В этом мире большом». Фестиваль познакомил и объединил представителей 32 стран, носителей разных культур: студентов из Австрии, Азербайджана, Германии, Египта, Зимбабве, Китая, Конго, Южной Кореи, Малайзии, Марокко, Молдавии, Монголии, США, Турции, Украины и др. В фестивале участвовали студенты, изучающие русский язык в вузах Нижнего Новгорода, Нижегородской области (Кстово, Княгинино) и Шуи.

Фестиваль был организован Отделением дополнительных образовательных программ для иностранных граждан НГЛУ им. Н.А. Добролюбова при поддержке Министерства образования Нижегородской области и участии руководителей администраций Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Проведение фестиваля способствовало укреплению позиций русского языка как языка межнационального общения. Благодаря фестивалю у студентов появилась возможность не только познакомиться с культурными традициями, но и пообщаться друг с другом, обсудить волнующие их проблемы. Фестиваль продемонстрировал стремление молодежи жить в мире и согласии.

Открыли мероприятие академический хор НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и магистранты Нижегородской государственной консерватории. Основную программу фестиваля составили круглый стол на тему «Русские: какие они?» и «Национальная ярмарка». В ходе круглого стола обсуждались вопросы русского национального характера, русских обычаев, ценностей, особенностей поведения. Иностранные студенты из стран ближнего и дальнего зарубежья представили свое видение русского мира в многочисленных презентациях.

На «Национальной ярмарке» иностранные студенты удивили всех блюдами национальной кухни, народными костюмами и мастер-классами по изготовлению предметов национального быта, приготовлению традиционных национальных блюд. Завершающим аккордом фестиваля стал праздничный концерт национальных культур, покоровший зрителей самобытностью и профессионализмом участников. Победители конкурсных мероприятий были награждены дипломами и подарками.

Н.В. Макшанцева

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 19

Редакторы: А.О. Кузнецова
А.С. Паршаков
С.Н. Переволочанская

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 10.09.2012

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 15,25

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а